

ЖУРНАЛ 2015

'1 (72)

МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

В ЭТОМ НОМЕРЕ

Главный редактор:
Андрей Владимирович
Селиванов

Редакционный совет:
Виктор Шадурский
(председатель)
Владимир Астапенко
Елена Бабкина
Сергей Балашенко
Юрий Бровка
Алексей Данильченко
Руслан Есин
Людмила Павлова
Анатолий Розанов
Андрей Русакович
Сергей Солодовников
Олег Старовойтов
Александр Шарapo

**Редактор английского
текста:**
Татьяна Караичева

Художник:
Василий Гоголушко

Корректор:
Елена Мельникова

Набор, верстка:
Наталья Лукьяненко

Наш адрес:
Беларусь, 220701, Минск,
ул. Ленинградская, 20, комн. 1121
Международное общественное
объединение по научно-исследо-
вательским и информационно-
образовательным программам
«Развитие»

тел.: +375 17 209 57 40
тел./факс: +375 17 209 57 66

e-mail:
bejournal@evolutio.info

INTERNET:
<http://www.bejournal.evolutio.info/>

Издание зарегистрировано
в Министерстве информации
Республики Беларусь.
Свидетельство № 804
от 27 ноября 2009 г.

Учредитель и издатель:
 Международное обще-
ственное объединение
по научно-исследо-
вательским и информаци-
онно-образовательным
программам «Развитие»

международное право

МЕЖДУНАРОДНОЕ ЧАСТНОЕ ПРАВО

Коллизионное регулирование заключения и рас-
торжения брака, усыновления, опеки и попечи-
тельства на международном уровне *Н. С. Анцух* **3**

Экспроприация: международный стандарт и вну-
треннее право *А. В. Зеньков* **1** 3

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ

Становление и развитие институциональных
механизмов обеспечения евразийской эконо-
мической интеграции *В. И. Голуб* **2** 2

международные отношения

Да выхаду ў свет 10-томнага выдання «Знеш-
няя палітыка Беларусі: зборнік дакументаў
і матэрыялаў» *У. Е. Снапкоўскі* **3** 0

Белорусско-китайское сотрудничество (1992—
2013 гг.) *В. В. Воронович* **3** 7

Германия во внешней политике России в 2000—
2012 гг. *Ю. О. Пучинская* **4** 3

ДОКУМЕНТЫ И МАТЕРИАЛЫ

Доклад Верховного комиссара Организации
Объединенных Наций по делам беженцев **5** 1

международные экономические отношения

Маркетинговые стратегии транснациональных
корпораций в условиях глобализации *О. Ф. Малашенко,*
А. Ю. Маркварде **6** 3

Свободные экономические зоны на современ-
ном этапе *В. Ф. Иванов,*
М. М. Шупенько **6** 9

Аграрная политика Российской империи вре-
мен Витте — Столыпина и ее уроки для фор-
мирования современной продовольственной
политики *Е. А. Зеленская* **7** 6

JOURNAL 2015

'1 (72)

OF INTERNATIONAL LAW AND INTERNATIONAL RELATIONS

IN THIS ISSUE

Editor-in-chief:
Andrey Selivanov

Editoring Board:
Victor Shadurski
(chairman)
Vladimir Astapenko
Elena Babkina
Sergey Balashenko
Yury Brovka
Alexey Danilchenko
Ruslan Esin
Ludmila Pavlova
Anatoly Rozanov
Andrei Rusakovich
Sergey Solodovnikov
Oleg Starovoitov
Alexandr Sharapo

English Text Editor:
Tatiana Karaicheva

Art Editor:
Vasily Gogolushko

Corrector:
Elena Melnikova

Type-setting, Layout:
Natalia Lukyanenko

Our address:
International Non-governmental
Association for Scientific Research,
Information and Educational
Programmes «Evolutio»
20, Leningradskaya str., room 1121,
Minsk, 220701, Belarus

tel.: +375 17 209 57 40
tel./fax: +375 17 209 57 66

e-mail:
beljournal@evolutio.info

INTERNET:
<http://www.beljournal.evolutio.info/>

The journal is licenced by the
Ministry of Information
of the Republic of Belarus.
Certificate N 804
27 November 2009

The founder and publisher:
 International Non-govern-
mental Association for
Scientific Research, Infor-
mation and Educational
Programmes «Evolutio»

INTERNATIONAL LAW

INTERNATIONAL PRIVATE LAW

Conflict Law Regulation of Marriage, Divorce,
Adoption, Guardianship and Trusteeship at the
International Level *Natalia Antsukh* **3**

Expropriation: the International Standard and
Domestic Law *Aleksei Zenkov* **1** 3

INTERNATIONAL ORGANISATIONS

Formation and Development of Institutional
Mechanisms for the Eurasian Economic Integration *Vasili Holub* **2** 2

INTERNATIONAL RELATIONS

Towards the publication of the 10-volume edition
«The Foreign Policy of Belarus: a Collection of
Documents and Materials» *Vladimir Snapkouski* **3** 0

Cooperation between Belarus and China (1992—
2013) *Vitaly Voronovich* **3** 7

Germany in the Russian Foreign Policy in 2000—
2012 *Yuliya Puchinskaya* **4** 3

DOCUMENTS AND MATERIALS

Report of the United Nations High Commissioner
for Refugees **5** 1

INTERNATIONAL ECONOMIC RELATIONS

Marketing Strategies of Transnational Corporations
in the Globalization Process *Olga Malashenkova,*
Anastasiya Markvarde **6** 3

Free Economic Zones at the Modern Stage *Vyacheslav Ivanov,*
Marina Shupenko **6** 9

Agrarian Policy of the Russian Empire during
the Witte — Stolypin Times and Its Lessons for
Formation of Contemporary Food Policy *Elena Zelenskaya* **7** 6

КОЛЛИЗИОННОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ЗАКЛЮЧЕНИЯ И РАСТОРЖЕНИЯ БРАКА, УСЫНОВЛЕНИЯ, ОПЕКИ И ПОПЕЧИТЕЛЬСТВА НА МЕЖДУНАРОДНОМ УРОВНЕ

Наталья Анцух

В настоящее время Республика Беларусь заключила с иностранными государствами ряд двусторонних договоров о правовой помощи, которые содержат коллизионные нормы, регулирующие семейные отношения. На региональном уровне особый интерес представляют акты интеграционных образований — регламенты Европейского союза, где закреплены новаторские подходы, отражающие современные тенденции развития международного частного права. Особая роль в сфере универсальной унификации принадлежит Гаагской конференции по международному частному праву, которая представляет собой динамично развивающуюся форму сотрудничества по налаживанию контактов между государствами. Большинство принятых в рамках Гаагской конференции конвенций ратифицировано широким кругом государств, что благоприятно влияет на разрешение правовых коллизий для отношений с участием иностранного элемента. Республика Беларусь, являясь членом Гаагской конференции с 2001 г., на сегодняшний день ратифицировала только две конвенции, регламентирующие отдельные аспекты брачно-семейных отношений: Конвенцию о гражданских аспектах международного похищения детей 1980 г. и Конвенцию по защите детей и сотрудничеству в отношении международного усыновления 1993 г. Однако в них отсутствует коллизионное регулирование соответствующих частноправовых отношений.

Целью данной статьи является определение современных подходов к коллизионному регулированию отдельных брачно-семейных отношений (заключение и расторжение брака, усыновление, опека и попечительство) на международном уровне с последующим формулированием предложений по совершенствованию отечественного права.

В научной литературе отдельные аспекты коллизионного регулирования брачно-семейных отношений на международном уровне рассмотрены в работах Е. В. Бабкиной [1], В. П. Звекова [10], М. П. Короткевич [17], Н. И. Марышевой [18; 19], О. В. Мурато-

вой [20], С. С. Сафроновой [25], Е. Ю. Хромовой [26]. Однако ученые либо уделяют внимание вышеназванным вопросам на определенном (двустороннем, региональном или универсальном) уровне, либо сделанные ими в ходе исследования выводы касаются предложений по совершенствованию национального или международного регулирования применительно к иностранному государству.

Заключение брака. В двусторонних договорах о правовой помощи, заключенных Республикой Беларусь, содержатся коллизионные нормы, регулирующие условия заключения брака и его форму.

В отношении **условий заключения брака** применяется: *право государства гражданства лица, вступающего в брак* (п. 1 ст. 26 Договора между Республикой Беларусь и Республикой Польша о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным, трудовым и уголовным делам 1994 г. [4] (далее — Договор с Польшей)); *право места заключения брака* (ст. 27 Договора между Республикой Беларусь и Литовской Республикой о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам 1993 г. [3] (далее — Договор с Литвой)); *право государства, на территории которого заключается брак, если хотя бы один из вступающих в брак является гражданином этого договаривающегося государства или имеет на его территории местожительство* (п. 2 ст. 22 Договора между Союзом Советских Социалистических Республик и Финляндской Республикой о правовой защите и правовой помощи по гражданским, семейным и уголовным делам 1978 г. [8] (далее — договор с Финляндией)); *право государства гражданства лица, вступающего в брак, с соблюдением права государства места совершения брака в отношении препятствий к его заключению* (ч. 1 ст. 26 Договора между Республикой Беларусь и Социалистической Республикой Вьетнам о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным, трудовым и уголовным делам 2000 г. [5] (да-

Автор:

Анцух Наталья Сергеевна — кандидат юридических наук, доцент кафедры международного частного и европейского права факультета международных отношений Белорусского государственного университета

Рецензенты:

Бабкина Елена Васильевна — кандидат юридических наук, доцент, заведующая кафедрой международного частного и европейского права факультета международных отношений Белорусского государственного университета

Михалёва Татьяна Николаевна — кандидат юридических наук, заместитель руководителя Института правовых исследований — начальник отделения исследований в области государственного строительства и международного права Национального центра законодательства и правовых исследований Республики Беларусь

лее — Договор с Вьетнамом), п. 1 ст. 21 Договора между Союзом Советских Социалистических Республик и Республикой Куба о правовой помощи по гражданским, семейным и уголовным делам 1984 г. [7] (далее — Договор с Кубой), ст. 25 Договора между Республикой Беларусь и Латвийской Республикой о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам 1994 г. [2] (далее — Договор с Латвией), п. 1 ст. 24 Договора между Союзом Советских Социалистических Республик и Чехословацкой Социалистической Республикой о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам 1982 г. [9] (далее — Договор с Чехословакией)).

В отношении **формы заключения брака** самой распространенной формулой прикрепления является *право государства места совершения брака* (ст. 25/А Договора между Союзом Советских Социалистических Республик и Венгерской Народной Республикой об оказании правовой помощи по гражданским, семейным и уголовным делам 1958 г. [6] (далее — Договор с Венгрией), п. 2 ст. 26 Договора с Вьетнамом, п. 2 ст. 21 Договора с Кубой, п. 2 ст. 26 Договора с Польшей, п. 1 ст. 22 Договора с Финляндией, п. 2 ст. 24 Договора с Чехословакией)).

Интерес представляет норма, содержащаяся в статье 27 Договора с Литвой, поскольку в ней указывается, что заключение брака осуществляется *по законам государства, на территории которого заключается брак* [3]. Однако для его признания достаточно выполнения формы, предусмотренной *законодательством государства, гражданами которого являются лица, заключающие брак*. При реализации данного правила на практике можно столкнуться с некоторыми трудностями, поскольку брак заключается по официальной процедуре, предусмотренной в законодательстве другого государства. Хотя данная проблема не стоит остро в отношениях Республики Беларусь и Литовской Республики по причине близости правового регулирования, следует отметить, что норма данной статьи не соответствует мировой тенденции.

Проанализировав двусторонние договоры о правовой помощи, следует отметить, что Договор с Венгрией не содержит норму, регулиющую условия вступления в брак, а Договор с Латвией — его форму.

В рамках СНГ были приняты две конвенции, содержащие положения о заключении брака: Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам 1993 г. [15] (далее — Минская конвенция) (и Протокол к ней от 22 января 1993 г.) [23], а также Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам 2002 г. [14] (далее — Кишиневская конвенция).

В Минской (ст. 26) [15] и Кишиневской (ст. 29) [14] конвенциях содержатся идентичные положения, регулирующие заключение брака. Для каждого из будущих супругов **условия его заключения** определяются по законодательству государства, гражданином которого он является, а для лиц без гражданства — законодательством страны, являющейся их постоянным местом жительства. В отношении препятствий к заключению брака содержится требование о соблюдении законодательства государства, на территории которого был заключен брак. Коллизионная привязка в отношении **формы заключения брака** в данных конвенциях отсутствует.

Примером латиноамериканской региональной кодификации является Кодекс международного частного права 1928 г. [11] (далее — кодекс Бустаманте), который действует для Перу, Уругвая, Панамы, Эквадора, Мексики, Сальвадора, Гватемалы, Никарагуа, Боливии, Венесуэлы, Колумбии, Гондураса, Коста-Рики, Чили, Бразилии, Аргентины, Парагвая, Гаити, Доминиканской Республики, США и Кубы. Данный международный договор в главе IV подчиняет **материальные условия брака** личному закону вступающих в него лиц. К **форме брака** применяется право государства места его совершения. Государства, законодательство которых требует обязательного церковного бракосочетания, вправе отказать в признании светских браков, заключенных за границей их гражданами.

Универсальная унификация в сфере заключения брака представлена заключенными в рамках Гаагской конференции по международному частному праву конвенциями: Конвенцией об урегулировании коллизий законов в области заключения брака 1902 г. [33] и Конвенцией о заключении и признании действительности браков 1978 г. [28].

Конвенция об урегулировании коллизий законов в области заключения брака 1902 г. применяется к бракам, заключенным на территории договаривающихся сторон, с условием, что хотя бы одно из лиц, вступающих в брак, является гражданином данного государства [33].

Согласно статье 1 Конвенции 1902 г. право на вступление в брак регулируется национальным законом каждого из будущих супругов, если этот закон не отсылает к другому закону. Брак между иностранными гражданами может быть заключен, если в соответствии с правом места его заключения не будут нарушены следующие предписания: степень родства, запрет на вступление в брак с лицом, предыдущий брак которого расторгнут по причине совершения им адюльтера, а также запрет на совершение убийства или соучастие в убийстве супруга одной из сторон (ст. 2) [33].

В статье 5 Конвенции 1902 г. установлено, что в отношении формы признается действительным брак, заключенный по закону стра-

ны, где он был совершен. Брак, ничтожный по форме в стране, где он совершен, может быть признан действительным в других странах, если форма, предписанная национальным законом каждого из супругов, была соблюдена (ст. 7). Анализируя данное положение, возникает вопрос о том, как брак, признанный действительным в стране его заключения, может быть признан действительным в других странах. На сегодняшний день Конвенция 1902 г. действует для пяти стран: Германии, Испании, Италии, Португалии и Румынии, в то время как восемь государств ее денонсировали [33].

Заключению браков посвящена первая глава Конвенции о заключении и признании действительности браков 1978 г. Форма заключения брака в соответствии со статьей 2 данной Конвенции регулируется правом государства его совершения. В статье 3 предусмотрены случаи, когда брак может быть заключен: будущие супруги должны удовлетворять по существу требованиям внутреннего права государства заключения брака, один из них должен иметь гражданство этого государства или обычно в нем проживать либо каждый из будущих супругов должен отвечать требованиям, предусмотренным национальным законом, определенным по коллизионным нормам государства заключения брака [28].

Государство, где заключается брак, может потребовать от будущих супругов предоставления необходимых документов, подтверждающих содержание любого иностранного закона, который является применимым согласно нормам Конвенции 1978 г. (ст. 4). Согласно статье 5 Конвенции в применении иностранного закона может быть отказано только в том случае, если он явно несовместим с публичным порядком государства заключения брака [28].

Вопросам признания действительности браков посвящена вторая глава Конвенции 1978 г. В соответствии с частью 1 статьи 9 Конвенции брак, который заключен согласно праву места его совершения или который впоследствии становится действительным согласно этому праву, признается таковым во всех договаривающихся государствах при условии соблюдения положений Конвенции. Выданное компетентным органом свидетельство о браке подтверждает его действительность до тех пор, пока не будет установлено обратное (ст. 10). Статья 11 Конвенции предусматривает, что договаривающееся государство может отказать в признании действительности брака, если во время его заключения один из супругов состоял в браке (за исключением случая, когда данный брак впоследствии стал действительным по причине расторжения или аннулирования предшествующего брака), супруги связаны друг с другом кровным родством или путем усыновления, по прямой линии или как брат или сестра; один из супругов не достиг возрас-

та, требуемого для вступления в брак, либо не получил необходимого разрешения; один из супругов в силу умственных способностей не мог дать согласие на брак; один из супругов не выразил свободное согласие на заключение брака [28].

Таким образом, на международном уровне общей тенденцией коллизионного регулирования формы заключения брака является применение права государства места его совершения. В отношении материальных условий заключения брака имеет место вариативность. Наиболее удачным считаем подход, закрепленный в Минской и Кишиневской конвенциях. Однако в качестве его недостатка отметим, что без внимания остается, например, такая категории лиц, как беженцы. Видится целесообразным в договорах о правовой помощи, заключенных Республикой Беларусь, материальные условия заключения брака регулировать личным законом каждого из лиц, вступающих в брак, в совокупности с правом места совершения брака в отношении препятствий к его заключению. Аналогичный подход логично закрепить и в праве Республики Беларусь.

Присоединение Беларуси к Конвенции о заключении и признании действительности браков 1978 г. считаем возможным для облегчения признания браков в договаривающихся государствах, несмотря на то, что на данный момент она вступила в силу лишь для Австралии, Люксембурга и Нидерландов [36].

Расторжение брака. В двусторонних договорах о правовой помощи Республики Беларусь коллизионное регулирование расторжения брака зависит от наличия или отсутствия общего гражданства супругов.

1. *Если супруги имеют общее гражданство, то применяется право государства, гражданами которого они являются в момент подачи иска* (п. 1 ст. 23 Договора с Кубой [7], п. 1 ст. 26 Договора с Чехословакией [9]).

В ряде договоров содержатся дополнительные нормы, согласно которым, **если супруги имеют место жительства на территории другого государства**, то применяется законодательство этого государства (п. 1 ст. 27 Договора с Латвией [2], п. 1 ст. 29 Договора с Литвой [3], п. 1 ст. 28 Договора с Польшей [4], п. 1 ст. 28 Договора с Вьетнамом [5]); законодательство любого из государств (п. 1 ст. 26 Договора с Венгрией [6]).

2. *Если супруги имеют различное гражданство, то применяется: а) право государства совместного места жительства. Если один из них проживает на территории одного государства, а другой — на территории другого, то применяется законодательство государства, перед компетентным органом которого ставится вопрос о производстве дела* (п. 2 ст. 28 Договора с Польшей [4], п. 2 ст. 28

Договора с Вьетнамом [5]); одного из этих государств (п. 2 ст. 29 Договора с Литвой [3]); государства, в учреждение которого первым подано заявление (п. 2 ст. 27 Договора с Латвией [2]); б) право государства, в учреждение которого подано заявление (п. 2 ст. 26 Договора с Венгрией [6], п. 2 ст. 23 Договора с Кубой [7], п. 2 ст. 26 Договора с Чехословакией [9]).

Минская конвенция в статье 28 [15] и Кишиневская конвенция в статье 31 [14] содержат идентичные положения, регулирующие расторжение брака: применяется законодательство государства, гражданами которого являются супруги в момент подачи заявления. Если же супруги имеют гражданство разных государств, должно применяться право страны, учреждение которой рассматривает дело о расторжении брака, т. е. применяется закон суда.

В рамках Европейского союза 20 декабря 2010 г. был принят регламент Европейского парламента и Совета ЕС № 1259/2010 о сотрудничестве в области выбора применимого права к расторжению брака и сепарации [35] (далее — регламент Рим III), который вступил в силу 21 июня 2012 г.

В основе регламента Рим III лежит принцип универсальности, поскольку применимым правом может быть право любого государства (ст. 4). Сфера действия не распространяется на правоспособность физических лиц, заключение и признание брака, признание брака недействительным, вопросы выбора и изменения фамилии супругов, имущественные последствия брака, ответственность родителей, алиментные обязательства, наследственные отношения (ч. 2 ст. 1) [35].

Данный регламент весьма интересен в силу того, что генеральная коллизионная привязка, закрепленная в статье 5, предоставляет сторонам возможность осуществить выбор применимого права из ограниченного перечня (т. е. допускается применение ограниченной автономии воли): право государства обычного места жительства супругов в момент заключения соглашения о применимом праве; право государства последнего места жительства супругов при условии что один из них там еще проживает на момент заключения соглашения о применимом праве; право гражданства одного из супругов на момент заключения соглашения о применимом праве; право страны суда [35].

Избранное право может быть изменено в любое время, но не позднее чем суд начнет рассматривать дело. Стороны также могут избрать право в ходе судебного заседания, если это допустимо согласно праву страны суда.

Согласно статье 7 регламента Рим III соглашение о применимом праве заключается в письменной форме (к таковой приравнивается электронный способ выражения согласия)

и должно содержать дату и подписи супругов. Если во время заключения соглашения о применимом праве хотя бы один из супругов обычно проживает в государстве, где регламент имеет обязательную силу, и в национальном законодательстве этого государства имеются дополнительные требования (например, нотариальное удостоверение), то данные юридические формальности должны быть соблюдены [35].

При отсутствии автономии воли сторон в иерархическом порядке применяется право государства (ст. 8): совместного места жительства супругов на момент подачи заявления в суд; последнего совместного места жительства супругов при условии, что оно не перестало быть таковым ранее чем за год до подачи заявления в суд, а также если хотя бы один из супругов постоянно проживает в этой стране на момент подачи заявления; гражданства обоих супругов на момент рассмотрения дела в суде; право страны суда [35].

Примечательно, что в соответствии со статьей 10 регламента Рим III право страны суда применяется в том случае, если согласно праву, применимому в соответствии с коллизионной нормой, не предусмотрен институт расторжения брака или не обеспечивается гендерное равенство лиц при расторжении брака или процедуре сепарации [35].

При выборе применимого права к расторжению брака и раздельному проживанию супругов преимущество отдается критерию «местожительство», а не «гражданство» как более соответствующему требованию мобильности и свободы передвижения лиц в рамках Европейского союза.

Если расторжению брака предшествовало раздельное проживание супругов по решению суда, то к последующему разводу следует применять право, которое применялось к решению о раздельном проживании (при отсутствии соглашения о выборе применимого права отдельно к расторжению брака) (ст. 9) [35].

Источниками универсального уровня в области расторжения брака являются: Конвенция об урегулировании коллизий законов и юрисдикции относительно разводов и судебного разлучения супругов 1902 г. [34] и Конвенция о признании развода и судебного разлучения супругов 1970 г. [31].

Конвенция об урегулировании коллизий законов и юрисдикции относительно разводов и судебного разлучения супругов 1902 г. разрешает развод только в том случае, если национальное право супругов и закон государства, где предъявлен иск, предусматривают этот институт (ст. 1). Согласно статье 5 данной Конвенции к расторжению брака и сепарации применяется право государства гражданства супругов или право государства их места жительства [34]. В настоящее время Конвенция действует для Испании, Португалии и Румынии.

Конвенция о признании развода и судебного разлучения супругов 1970 г. не заменяет Конвенцию 1902 г., а применяется к признанию в одном договариваемом государстве разводов и решений о раздельном жительстве супругов, вынесенных в другом договариваемом государстве, в результате судебного и иного производства, официально признанного в этом другом государстве и имеющего в нем законную силу (ст. 1). Разводы и решения о раздельном жительстве супругов в соответствии со статьей 2 Конвенции 1970 г. признаются, если в период возбуждения дела в государстве, где испрашивается развод или решение о раздельном жительстве супругов (далее — государство расторжения/сепарации), выполнялись следующие условия: 1) в государстве расторжения/сепарации имеет обычное место жительства ответчик или истец, если он в нем проживал не менее одного года до возбуждения дела либо супруги проживали в нем вместе; 2) оба супруга являются гражданами государства расторжения/сепарации; 3) истец — гражданин государства расторжения/сепарации и имеет в нем обычное место жительства или обычно проживал в нем в течение одного года, совпадающего, по крайней мере, частично, с двухлетним периодом, предшествующим возбуждению данного дела; 4) истец, подавший заявление о разводе, является гражданином государства расторжения/сепарации и находится в этом государстве в период возбуждения дела, а также супруги проживали в последнее время вместе в государстве, право которого в период возбуждения дела не предусматривало развода [31].

Если решение о сепарации супругов, отвечающее положениям Конвенции 1970 г., преобразовано в развод в государстве происхождения, в признании не может быть отказано на том основании, что условия, указанные в статье 2, более не выполнялись в момент возбуждения дела о разводе (ст. 5) [31].

Согласно статье 6 Конвенции не может быть отказано в признании развода или решения о раздельном жительстве супругов на том основании, что внутреннее право государства, в котором испрашивается такое признание, не разрешает развод или раздельное жительство супругов либо было применено право иное, чем то, которое являлось применимым согласно нормам международного частного права этого государства [31].

Договаривающиеся государства могут отказать в признании развода на следующих основаниях: 1) во время вынесения решения обе стороны были гражданами только тех государств, законодательству которых неизвестен развод (ст. 7); 2) ответчик не был уведомлен относительно возбуждения дела о разводе или раздельном жительстве супругов или ему не была предоставлена возможность заявить о своих правах (ст. 8); 3) имеет место несовме-

стимость с предыдущим решением, устанавливающим брачный статус супругов, и решение либо было вынесено в государстве, в котором испрашивается признание, либо признано не удовлетворяющим условиям признания брака в этом государстве (ст. 9); 4) такое признание явно несовместимо с публичным порядком договаривающихся государств (ст. 10) [31].

В соответствии со статьей 11 Конвенции государство, обязанное признать развод согласно положениям Конвенции, не может препятствовать новому браку любого из супругов на том основании, что право другого государства не признает этот развод.

Дело о разводе или раздельном жительстве супругов в любом договариваемом государстве может быть приостановлено, если аналогичное дело уже находится в процессе рассмотрения в другом договариваемом государстве (ст. 12) [31].

Рассмотрев положения о расторжении брака в международных актах, можно сделать следующие выводы. Наиболее прогрессивным в данной сфере является регламент Рим III, допускающий ограниченную автономию воли сторон. Следует положительно оценить требование о письменной форме соглашения о применимом праве. Учитывая тот факт, что в статье 231 Кодекса Республики Беларусь о браке и семье [12] закреплена жесткая односторонняя коллизионная привязка для расторжения брака на территории Республики Беларусь, отечественный законодатель может использовать положительный опыт регламента Рим III в отношении применения ограниченной автономии воли сторон, а также использования альтернативных привязок при расторжении брака, что позволит наилучшим образом учитывать фактические обстоятельства дела.

Считаем возможным для облегчения процедуры признания разводов присоединение Республики Беларусь к Конвенции о признании развода и судебного разлучения супругов 1970 г., несмотря на закрепленные в ней некоторые устаревшие положения, касающиеся, например, ссылки на право государств, в которых запрещен развод. В последнее время число участников данной Конвенции увеличивается: в 2011 г. к ней присоединилась Республика Молдова, в 2013 г. — Албания, а общее количество государств-участников составляет 19 [37].

Усыновление. Двусторонние договоры о правовой помощи, участницей которых является Республика Беларусь, содержат коллизионное регулирование отношений в области усыновления. В качестве применимого называется право государства: *постоянно-го местожительства усыновляемого* (ст. 32 Договора с Вьетнамом [5]); *гражданином которого является усыновитель в момент усыновления или его отмены*, но если усыновление производится супругами, из которых

один является гражданином одной договаривающейся стороны, а второй — гражданином другой, применяется законодательство обеих договаривающихся сторон (ст. 30 Договора с Венгрией [6], ст. 26 Договора с Кубой [7], ст. 35 Договора с Чехословакией [9]) или право договаривающейся стороны, гражданином которой является ребенок (ст. 34 Договора с Литвой [3]); гражданином которого является усыновитель на момент подачи заявления, но если усыновитель является гражданином одной договаривающейся стороны, а проживает на территории другой, то применяется право государства его местожительства, а если ребенок усыновляется супругами, один из которых является гражданином одной договаривающейся стороны, а второй — гражданином другой стороны, то усыновление осуществляется в соответствии с требованиями, предусмотренными правом обоих государств (ст. 32 Договора с Польшей [4]); гражданином которого является усыновитель в момент подачи заявления об усыновлении или его отмене или государства, на территории которого он имеет постоянное местожительство (по выбору усыновителя), но если ребенок усыновляется супругами, один из которых является гражданином одного государства, а второй — гражданином второго, то усыновление должно соответствовать требованиям права государства, гражданином которого является ребенок (ст. 32 Договора с Латвией [2]).

В Минской конвенции положения, касающиеся международного усыновления, закреплены в статье 37, которая устанавливает, что усыновление или его отмена определяется по праву государства, гражданином которого является усыновитель в момент подачи заявления об усыновлении или его отмене. Если ребенок является гражданином другого договаривающегося государства, при усыновлении или его отмене необходимо получить согласие законного представителя и компетентного государственного органа, а также согласие ребенка, если это требуется по законодательству договаривающейся стороны, гражданином которой он является. Если ребенок усыновляется супругами, из которых один является гражданином одного государства, а другой — гражданином другого договаривающегося государства, усыновление или его отмена должны производиться в соответствии с условиями, предусмотренными законодательством обоих государств [15].

Кишиневская конвенция предусматривает несколько иной подход к коллизионному регулированию усыновления. Воспроизводя соответствующие нормы об усыновлении Минской конвенции и не меняя основной привязки к гражданству усыновителя, она ввела оговорку о том, что эта привязка применяется, если внутренним законодательством до-

говаривающейся стороны, гражданином которой является ребенок, не установлено иное (ст. 40) [14].

Кодекс Бустаманте также содержит нормы об усыновлении. Согласно статье 73 способность усыновлять и быть усыновленным, условия и ограничения усыновления определяются по личному закону каждого из заинтересованных лиц. Личный закон усыновителя регулирует последствия усыновления в отношении оставляемого усыновителем наследства, а личный закон усыновленного — в отношении того, что связано с присвоением фамилии, правами и обязанностями, сохраняемыми (усыновленным) по отношению к своей биологической семье, а также в отношении наследства, оставляемого им усыновителю [11].

15 ноября 1965 г. в рамках Гаагской конференции по международному частному праву была принята Конвенция о юрисдикции, применении права и признании решений в отношении усыновления [29].

В соответствии со статьей 1 данная Конвенция применяется при соблюдении следующих условий: супруги-усыновители, усыновитель, усыновляемый (ребенок не должен достигнуть восемнадцатилетнего возраста во время подачи заявления об усыновлении, а также состоять в браке) имеют гражданство одного из договаривающихся государств и обычно проживают в одном из этих государств [29].

Согласно статье 2 Конвенция не применяется, когда: усыновители не являются гражданами одного и того же государства и не имеют своего обычного местожительства в одном и том же договаривающемся государстве; усыновитель или усыновители и ребенок, все являющиеся гражданами одного и того же государства, обычно проживают в государстве, гражданами которого они являются; усыновление не разрешается органом, обладающим юрисдикцией [29].

Согласно статье 4 Конвенции органы, обладающие юрисдикцией (органы государства, в котором обычно проживает усыновитель или супруги-усыновители, либо органы государства, гражданство которого имеет усыновитель или гражданами которого являются оба супруга-усыновителя), применяют свое внутреннее право к условиям, регулирующим усыновление. В отношении выражения согласия и вопросов, помимо тех, которые касаются усыновителя или его семьи, применяется национальный закон ребенка (ст. 5) [29].

В статье 7 Конвенции 1965 г. отмечается, что отмена усыновления возможна по любым основаниям, предусмотренным законом государства, которое компетентно решать этот вопрос. Право государства гражданства усыновителя или супругов-усыновителей применяется в том случае, когда отмена усыновления связана с нарушением запретов на осуществление усыновления, содержащихся в праве государ-

ства гражданства усыновителя или супругов усыновителей. Право государства гражданства усыновленного имеет место, если отмена усыновления связана с неполучением согласия на усыновление согласно праву гражданства усыновляемого. Усыновление или его отмена признается во всех государствах — участниках Конвенции (ст. 8) [29].

По нашему мнению, оптимальным коллизионным регулированием в области усыновления является применение личного закона усыновителя (в частности, для требований к усыновлению в отношении возраста, материального положения) в сочетании с применением личного закона усыновляемого лица (например, в вопросе выражения его согласия на усыновление). Во-первых, применение при усыновлении права соответствующего иностранного государства обеспечивает в дальнейшем стабильность и признание юридического факта усыновления в иностранном государстве. Во-вторых, такой подход обеспечит усыновляемому лицу защиту, предусмотренную его личным законом. Однако в настоящее время использование данного подхода в договорах о правовой помощи Республики Беларусь ограничивается сверхимперативным характером отечественных норм в области международного усыновления.

В 1993 г. была принята Конвенция по защите детей и сотрудничеству в отношении международного усыновления [16], которая на сегодняшний день вступила в силу для 93 государств. Она посвящена материально-правовому регулированию в области усыновления, но затрагивает и вопросы признания усыновления на территории государств — участников Конвенции. Под таковым понимается признание отношений между ребенком и его приемными родителями как отношений членов семьи; родительской ответственности приемных родителей за ребенка; прекращения прежних правовых отношений между ребенком и его матерью и отцом, если это усыновление имеет такие последствия в том договаривающемся государстве, где оно совершено (ст. 26) [16].

В соответствии со статьей 23 усыновление, удостоверенное компетентным органом государства, в котором оно произведено как соответствующее данной Конвенции, признается имеющим силу в других договаривающихся государствах. Однако в статье 24 Конвенции определено, что в признании усыновления может быть отказано, если оно явно противоречит публичному порядку запрашиваемого государства, принимая во внимание интересы ребенка [16].

Республика Беларусь является участницей данной Конвенции. Однако ее применение затруднено ввиду того, что в настоящее время возможность усыновления белорусских детей иностранцами ограничена. Порядок согласования процедуры международного усынов-

ления устанавливается Положением о порядке согласования процедуры международного усыновления и взаимодействия с компетентными организациями иностранных государств в рамках данной процедуры, утвержденным постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 21 сентября 2004 г. № 1173 [21]. На сегодняшний день только с правительством Италии заключен Протокол о сотрудничестве по вопросам усыновления [24], поэтому по общему правилу итальянцы имеют возможность усыновлять белорусских детей. Исключение составляют случаи, когда усыновителями выступают родственники, отчим или мачеха ребенка. В такой ситуации гражданство усыновителя не имеет значения.

На наш взгляд, если полное снятие ограничений по усыновлению иностранцами в Беларуси нецелесообразно, то имеется несколько вариантов решения проблемы расширения перечня стран, с которыми Республика Беларусь сможет сотрудничать в сфере международного усыновления.

Во-первых, целесообразно подписать договоры о сотрудничестве в области усыновления с государствами, с которыми заключены договоры, касающиеся условий оздоровления на основе безвозмездной помощи несовершеннолетних граждан Республики Беларусь. В 2009 г. таковые заключены с Австрией, Бельгией, Великобританией, Германией, Испанией, Ирландией, Лихтенштейном, Нидерландами, Швецией, Францией, в 2010 г. с Люксембургом и Швейцарией, в 2011 г. со Словенией. Однако для минимизации рисков в договорах об оздоровлении следует предусмотреть положение, предоставляющее возможность заключения договоров о сотрудничестве в области усыновления несовершеннолетних граждан Республики Беларусь по истечению определенного срока после вступления в силу договора об оздоровлении, например 3 года.

Во-вторых, можно использовать опыт Латвии: согласно части 3 статьи 31 Закона «О защите прав детей» от 19 июня 1998 г. международное усыновление детей (граждан Латвии) допускается только в государства, в которых обязательна та или иная международная конвенция, определяющая защиту прав ребенка и сотрудничество в области международного усыновления (в частности, к таковым может быть отнесена Конвенция по защите детей и сотрудничеству в отношении международного усыновления 1993 г.), или с которыми Латвия заключила двусторонний договор, предусматривающий сотрудничество в области усыновления [22].

Опека и попечительство. В двусторонних договорах о правовой помощи, а также региональных соглашениях, участницей которых является Республика Беларусь, в отношении опеки и попечительства имеет место следующее коллизионное регулирование. Применя-

ется право государства, гражданином которого является лицо, над которым устанавливается опека или попечительство (п. 1 ст. 33 Договора с Польшей [4], п. 1 ст. 33 Договора с Вьетнамом [5]); **в отношении условий назначения опеки и попечительства и их отмены** действует право государства, гражданином которого является лицо, находящееся под опекой или попечительством, а **правовые отношения между опекуном или попечителем и лицом, находящимся под опекой или попечительством**, определяются правом государства, орган которого назначил опекуна или попечителя (пп. 1, 2 ст. 33 Договора с Латвией [2], пп. 1, 2 ст. 35 Договора с Литвой [3]).

В ряде договоров дополнительно предусмотрено, что в отношении **обязанности принять опекуна или попечительство** действует право государства, гражданином которого является будущий опекун или попечитель (пп. 2–4 ст. 33 Договора с Венгрией [6], пп. 2–4 ст. 27 Договора с Кубой [7], пп. 1–3 ст. 31 Договора с Чехословакией [9], пп. 1–3 ст. 36 Кишиневской конвенции [14], пп. 1–3 ст. 33 Минской конвенции [15]).

Считаем, что в отношении опеки и попечительства в качестве альтернативной привязки в договорах о правовой помощи следует предусмотреть гибкое коллизионное регулирование в виде права наиболее тесной связи, если оно более благоприятно для слабой стороны отношения.

В целях унификации норм в сфере опеки на универсальном уровне были приняты три конвенции в рамках Гаагской конференции по международному частному праву.

Конвенция об опеке над несовершеннолетними 1902 г. [32] предписывает применять право государства гражданства подопечного при разрешении коллизионных вопросов опеки.

Конвенция о компетенции и применимом праве в отношении защиты несовершеннолетних 1961 г. [27] в вопросах опеки и попечительства в качестве применимого права называет право государства обычного места проживания ребенка (ст.ст. 1, 2). Однако может быть применено право государства гражданства ребенка, если этого требуют его интересы (ст. 4).

Конвенция о юрисдикции, применимом праве, признании, исполнении и сотрудничестве в отношении родительской ответственности и мер по защите детей 1996 г. [30] среди прочего распространяет свои действия и на отношения опеки и попечительства (п. с ст. 3). Коллизионное регулирование содержится в главе 3 Конвенции: применяется право госу-

дарства обычного местожительства ребенка. Однако с целью защиты личности или имущества ребенка в виде исключения может применяться или приниматься во внимание право государства, с которым отношения наиболее тесно связаны. Представляется возможным присоединение Республики Беларусь к Конвенции о юрисдикции, применимом праве, признании, исполнении и сотрудничестве в отношении родительской ответственности и мер по защите детей 1996 г., поскольку она содержит прогрессивные подходы коллизионного регулирования в рассматриваемой области, которые направлены на защиту слабой стороны правоотношения, т. е. ребенка.

Таким образом, определены современные прогрессивные подходы к коллизионному регулированию отдельных брачно-семейных отношений, выявлена невозможность полного заимствования новаторских норм, содержащихся в актах различных региональных образований, участницей которых не является Беларусь, в отечественное законодательство. Акты Европейского союза зачастую содержат правовые институты и конструкции, не известные праву Беларуси (например, в регламенте Рим III закреплено регулирование института сепарации супругов). Аргументирована необходимость при заключении новых двусторонних договоров о правовой помощи установления в отношении опеки и попечительства в качестве альтернативной привязки гибкого коллизионного регулирования в виде права наиболее тесной связи, если оно более благоприятно для слабой стороны отношения. При региональном сотрудничестве целесообразно осуществлять коллизионное регулирование по узконаправленным вопросам брачно-семейного права. Констатировано затруднение применения Конвенции по защите детей и сотрудничеству в отношении международного усыновления 1993 г. ввиду наличия ограничения на усыновление иностранцами белорусских детей, предложены пути решения данной проблемы. Обоснована целесообразность присоединения Республики Беларусь к Конвенции о заключении и признании действительности браков 1978 г. и Конвенции о признании развода и судебного разлучения супругов 1970 г. для облегчения признания браков и разводов в договаривающихся государствах, к Конвенции о юрисдикции, применимом праве, признании, исполнении и сотрудничестве в отношении родительской ответственности и мер по защите детей 1996 г., прогрессивные нормы которой направлены на защиту слабой стороны правоотношения.

Список использованных источников

1. Бабкина, Е. В. Возможность унификации коллизионных вопросов брачно-семейных отношений в рамках Содружества Независимых Государств / Е. В. Бабкина, Н. С. Байбороша (Анцух) // Актуальные проблемы международного публичного и международного частного права: сб. науч. тр. Вып. 2 / Белорус. гос. ун-т; отв. ред. Е. В. Бабкина, А. Е. Вашкевич. — Минск, 2010. — С. 146–165.

2. Договор между Республикой Беларусь и Латвийской Республикой о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам: [заключен в г. Минске 21.02.1994 г.] // Ведомости Верховного Совета Респ. Беларусь. — 1995. — № 26. — Ст. 354.
3. Договор между Республикой Беларусь и Литовской Республикой о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам: [заключен в г. Вильнюсе 20.10.1992 г.] // Там же. — 1993. — № 17. — Ст. 202.
4. Договор между Республикой Беларусь и Республикой Польша о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным, трудовым и уголовным делам: [заключен в г. Минске 26.10.1994 г.] // Там же. — 1995. — № 27. — Ст. 359.
5. Договор между Республикой Беларусь и Социалистической Республикой Вьетнам о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным, трудовым и уголовным делам: [заключен в г. Минске 14.09.2000 г.] // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. — 2001. — № 50. — 2/763.
6. Договор между Союзом Советских Социалистических Республик и Венгерской Народной Республикой об оказании правовой помощи по гражданским, семейным и уголовным делам: [заключен в г. Москве 15.07.1958 г.] [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: Беларусь. Технология 3000 / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2015.
7. Договор между Союзом Советских Социалистических Республик и Республикой Куба о правовой помощи по гражданским, семейным и уголовным делам: [заключен в г. Гаване 28.11.1984 г.] // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. — 2002. — № 127. — 2/889.
8. Договор между Союзом Советских Социалистических Республик и Финляндской Республикой о правовой защите и правовой помощи по гражданским, семейным и уголовным делам: [заключен в г. Хельсинки 11.08.1978 г.] [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: Беларусь. Технология 3000 / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2015.
9. Договор между Союзом Советских Социалистических Республик и Чехословацкой Социалистической Республикой о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам: [заключен в г. Москве 12.08.1982 г.] // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. — 2007. — № 160. — 2/1342.
10. Звеков, В. П. Коллизии законов в международном частном праве / В. П. Звеков. — М.: Волтерс Клувер, 2007. — 416 с.
11. Кодекс международного частного права (Кодекс Бустаманте): [заключен в г. Гаване 20.02.1928 г.] [Электронный ресурс] // Верховная Рада Украины. — Режим доступа: <http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/995_419>. — Дата доступа: 06.01.2015.
12. Кодекс Республики Беларусь о браке и семье: принят Палатой представителей 3 июня 1999 г.: одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г.: текст по сост. на 10 марта 2015 г. [Электронный ресурс] // ЭТАЛОН: Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2015.
13. Конвенция о взыскании за границей алиментов: [заключена 20.06.1956 г.] [Электронный ресурс] // Там же.
14. Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам: [заключена в г. Кишиневе 07.10.2002 г.] // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. — 2003. — № 73. — 2/956.
15. Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам: [заключена в г. Минске 22.01.1993 г.] // Ведомости Верховного Совета Респ. Беларусь. — 1995. — № 26. — Ст. 354.
16. Конвенция по защите детей и сотрудничеству в отношении международного усыновления [заключена в г. Гааге 29.05.1993 г.] // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2015.
17. Короткевич, М. П. О применении норм международных договоров и иностранного законодательства при заключении и расторжении брака с иностранными гражданами и лицами без гражданства в Республике Беларусь / М. П. Короткевич // Проблемы управления. — 2008. — № 2. — С. 168—172.
18. Марышева, Н. И. Международная унификация в области семейного права: вопросы усыновления / Н. И. Марышева // Журн. рос. права. — 2012. — № 5 (185). — С. 93—103.
19. Марышева, Н. И. Семейные отношения с участием иностранцев: правовое регулирование в России / Н. И. Марышева. — М.: Волтерс Клувер, 2007. — 328 с.
20. Муратова, О. В. Унификация коллизионных норм международного частного права в Европейском союзе / О. В. Муратова // Рос. юстиция. — 2014. — № 3. — С. 25—28.
21. Об утверждении Положения о порядке согласования процедуры международного усыновления и взаимодействия с компетентными организациями иностранных государств в рамках данной процедуры: постановление Совета Министров Респ. Беларусь от 21 сент. 2004 г. № 1173 [Электронный ресурс] // ЭТАЛОН: Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2015.
22. О защите прав детей: Закон Латвийской Респ. от 19 июня 1998 г. [Электронный ресурс] // Министерство благосостояния Латвийской Республики. — Режим доступа: <http://www.bti.gov.lv/rus/vbta_inspekcija/normativnie_akti/?doc=357&page=>. — Дата доступа: 06.01.2015.
23. Протокол к Конвенции о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам от 22 янв. 1993 г. // Ведомости Нац. собрания Респ. Беларусь. — 1997. — № 32. — Ст. 650.
24. Протокол о сотрудничестве между Министерством образования Республики Беларусь и Комиссией по международному усыновлению при Президиуме Совета Министров Итальянской Республики по вопросам усыновления несовершеннолетних граждан Республики Беларусь гражданами Итальянской Республики: [заключен в г. Минске 12.12.2005 г.] [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: Беларусь. Технология 3000 / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2015.
25. Сафронова, С. С. Гаагские конвенции о заключении и прекращении брака / С. С. Сафронова // Актуальные проблемы политики и права: межвуз. сб. науч. ст. Вып. 6. — Пенза: Информ.-изд. центр ПГУ, 2003. — С. 163—169.
26. Хромова, Е. Ю. Трансграничный брак: международно-правовой аспект / Е. Ю. Хромова. — М.: Юриспруденция, 2013. — 184 с.
27. Convention concerning the powers of authorities and the law applicable in respect of the protection of infants (Concluded 5 October 1961) [Electronic resource] // Hague Conference on Private International Law. — Mode of access: <http://www.hcch.net/index_en.php?act=conventions.text&cid=39>. — Date of access: 06.01.2015.
28. Convention on celebration and recognition of the validity of marriages (Concluded 14 March 1978) [Electronic resource] // Hague Conference on Private International Law. — Mode of access: <http://www.hcch.net/index_en.php?act=conventions.text&cid=88>. — Date of access: 06.01.2015.
29. Convention on jurisdiction, applicable law and recognition of decrees relating to adoptions (Concluded November 15, 1965. In accordance with its Article 23, this Convention ceased to have effect on 23 October 2008) [Electronic resource] // Hague Conference on Private International Law. — Mode of access: <http://www.hcch.net/index_en.php?act=conventions.text&cid=75>. — Date of access: 06.01.2015.

30. Convention on jurisdiction, applicable law, recognition, enforcement and co-operation in respect of parental responsibility and measures for the protection of children (Concluded 19 October 1996) [Electronic resource] // Hague Conference on Private International Law. — Mode of access: <http://www.hcch.net/index_en.php?act=conventions.text&cid=70>. — Date of access: 06.01.2015.
31. Convention on the recognition of divorces and legal separations (Concluded 1 June 1970) [Electronic resource] // Hague Conference on Private International Law. — Mode of access: <http://www.hcch.net/index_en.php?act=conventions.text&cid=80>. — Date of access: 06.01.2015.
32. Convention du 12 juin 1902 pour régler la tutelle des mineurs [Electronic resource] // Conférence de la Haye de Droit International Privé. — Mode of access: <http://www.hcch.net/index_en.php?act=text.display&tid=15>. — Date of access: 06.01.2015.
33. Convention du 12 juin 1902 pour régler les conflits de lois en matière de mariage [Electronic resource] // Conférence de la Haye de Droit International Privé. — Mode of access: <http://hcch.e-vision.nl/index_en.php?act=text.display&tid=13>. — Date of access: 06.01.2015.
34. Convention du 12 Juin 1902 pour régler les conflits de lois et de juridiction en matière de divorce et de séparations de corps [Electronic resource] // Conférence de la Haye de Droit International Privé. — Mode of access: <http://hcch.e-vision.nl/index_en.php?act=text.display&tid=14>. — Date of access: 06.01.2015.
35. Council Regulation (EU) № 1259/2010 of 20 December 2010 implementing enhanced cooperation in the area of the law applicable to divorce and legal separation [Electronic resource] // EUR-Lex. — Mode of access: <<http://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=OJ:L:2010:343:0010:0016:en:PDF>>. — Date of access: 06.01.2015.
36. Status table: Convention of 14 March 1978 on Celebration and Recognition of the Validity of Marriages [Electronic resource] // Hague Conference on Private International Law. — Mode of access: <http://www.hcch.net/index_en.php?act=conventions.status&cid=88>. — Date of access: 06.01.2015.
37. Status table: Convention of 1 June 1970 on the Recognition of Divorces and Legal Separations [Electronic resource] // Hague Conference on Private International Law. — Mode of access: <http://www.hcch.net/index_en.php?act=conventions.status&cid=80>. — Date of access: 06.01.2015.

«Коллизионное регулирование заключения и расторжения брака, усыновления, опеки и попечительства на международном уровне» (Наталья Анцух)

Статья посвящена определению современных подходов к коллизионному регулированию отдельных брачно-семейных отношений; рассмотрению вопроса о целесообразности присоединения Республики Беларусь к универсальным конвенциям, разработанным в рамках Гаагской конференции по международному частному праву; обоснованию необходимости разработки новых узконаправленных соглашений на региональном уровне и внесению изменений в договоры о правовой помощи в рассматриваемой сфере; выявлению фактов, свидетельствующих о невыполнении государством взятых международных обязательств.

«Conflict Law Regulation of Marriage, Divorce, Adoption, Guardianship and Trusteeship at the International Level» (Natalia Antsukh)

The article is devoted to the definition of modern approaches to legal regulation of separate family conflicts; to the consideration of the question about the Republic of Belarus accession to the universal conventions adopted under the Hague Conference on Private International Law; to the argumentation for developing new particular agreements at the regional level and the introduction of changes to the treaties on legal assistance in the family law sphere and to the identification of facts of government failing to fulfil their international commitments.

Статья поступила в редакцию в марте 2015 г.

ЭКСПРОПРИАЦИЯ: МЕЖДУНАРОДНЫЙ СТАНДАРТ И ВНУТРЕННЕЕ ПРАВО

Алексей Зеньков

Республика Беларусь, являясь участницей международных отношений, связана международными обязательствами в области гарантий защиты иностранных инвестиций. Указанные гарантии включают в себя ряд условий, ограничивающих возможность принудительного изъятия иностранной собственности. В этой связи государство в случае возникновения необходимости осуществления подобных изъятий вынуждено соотносить предпринимаемые меры с международно признанными условиями, при соблюдении которых такое изъятие будет считаться законным. Эти условия получили широкое международное признание, найдя свое отражение в международных договорах, документах международных организаций, международной арбитражной и судебной практике, правовой доктрине.

В качестве возможных форм осуществления принудительного изъятия иностранной собственности, на которые распространяются указанные условия, как правило, выступают экспроприация и национализация, реже — реквизиция, а также эквивалентные им меры (далее собирательно — изъятия в общественных интересах). При этом для целей международного договорного закрепления гарантий неприкосновенности частной иностранной собственности существенного различия между разными формами принудительных изъятий не проводится. В то же время **разграничение между смежными формами изъятий в общественных интересах в рамках внутреннего права** принимающего государства имеет существенное значение. Данное обстоятельство объясняется тем, что в рамках национального законодательства разные формы изъятий в общественных интересах могут иметь существенные различия в правовом регулировании, правовые последствия осуществления таких изъятий также могут значительным образом варьироваться, оставаясь при этом в рамках существующих международных обязательств. Например, внутренним законодательством могут устанавливаться различающиеся между собой сроки, порядок и объемы выплаты компенсации при применении различных

форм изъятий в общественных интересах, однако все эти нормы будут соответствовать международным обязательствам.

Отсутствие какого-либо из указанных институтов (экспроприации, национализации или реквизиции) в рамках национальной правовой системы порождает пробел в регулировании принудительных изъятий в общественных интересах. Устранение такого пробела является важной задачей с точки зрения как полноты правового обеспечения суверенных полномочий государства по регулированию отношений собственности на своей территории, так и защиты имущественных интересов частных лиц от произвольного посягательства путем установления правовых гарантий на случай изъятия их собственности.

Вместе с тем, в настоящее время при наличии в законодательстве Республики Беларусь норм, регулирующих вопросы осуществления национализации и реквизиции, **институт экспроприации отсутствует**. Важной задачей в этой связи становится формулирование предложений относительно введения данного института в правовую систему Республики Беларусь. Решение данной задачи может быть обеспечено на основе комплексного исследования вопросов экспроприации посредством сопоставления международно признанных условий законности экспроприации, зарубежного опыта правового регулирования экспроприации и научных представлений об экспроприации как самостоятельном институте в рамках национальной правовой системы. В этой связи целью настоящей статьи является выявление закономерностей и особенностей правового регулирования экспроприации, в том числе в сравнении со смежными правовыми институтами — национализацией и реквизицией, с учетом международно признанных условий законности экспроприации и применимого зарубежного опыта.

На современном этапе в качестве наиболее актуальных и фундаментальных научных работ, в которых рассматриваются содержание и правовое закрепление международно признанных условий законности экспроприации, следует отметить труды Д. К. Лабина [20; 21],

Автор:

Зеньков Алексей Васильевич — аспирант кафедры международного частного и европейского права факультета международных отношений Белорусского государственного университета

Рецензенты:

Леанович Елена Борисовна — кандидат юридических наук, доцент кафедры международного частного и европейского права факультета международных отношений Белорусского государственного университета

Барбук Алексей Владимирович — кандидат юридических наук, начальник управления международных договоров главного договорно-правового управления Министерства иностранных дел Республики Беларусь

международное частное право

международное право

В. Н. Лисицы [22], И. З. Фархутдинова [29], М. Сорнараджи [49], С. П. Субеди [50]. Вопросы экспроприации в контексте анализа положений международных договоров о защите инвестиций рассматриваются Р. Дольцером [37; 38], Дж. Салакьюзом [47]. Такой аспект экспроприации, как компенсация, исследуется С. Рипинским и К. Вильямсом [46]. Из наиболее комплексных и обстоятельных работ, касающихся экспроприации в свете международной арбитражной практики, следует выделить труды Э. Ньюкомба [42], А. Райниша [43; 44].

В целом можно констатировать, что вопрос о содержании международно признанных условий законности экспроприации получил достаточно глубокую проработку. Вместе с тем, ранее он не рассматривался в увязке с вопросами регулирования экспроприации на уровне национального законодательства. В этой связи его рассмотрение в рамках настоящей статьи, по мнению автора, продиктовано необходимостью четкого понимания **тех ограничений, которые существующие международные обязательства Республики Беларусь налагают на государство в вопросах осуществления экспроприации.** Исключение из поля зрения международно признанных условий, при соблюдении которых государство может осуществлять экспроприацию, могло бы привести к выстраиванию изначально ошибочной «системы координат» для разработки норм об экспроприации в рамках национальной правовой системы.

Вклад в изучение экспроприации **в качестве института национальных правовых систем** через призму сравнительного правоведения внесли Г. Н. Андреева [3], У. Маттеи [24], С. А. Рухтин [27]. Вопрос о **правовой природе экспроприации** и ее соотношении с другими формами принудительных изъятий частично рассматривался такими авторами, как И. В. Аксюк [1], О. Л. Алтенгова [2], Е. Н. Афанасьева [4], Э. С. Бутаева [8], Ю. А. Дорофеева [13], А. Г. Ивлиева [15], Н. Ю. Чельшева [31], М. В. Щербина [33], К. А. Бёрн [34]. Отдельные аспекты обозначенной проблемы исследовались также такими белорусскими авторами, как Н. Л. Бондаренко [6], В. А. Витушко [11], А. В. Каравай [16], Е. И. Коваленко [18], Э. А. Мартыненко [23], В. К. Сидорчук [28], Г. А. Шмарловская [32].

Вместе с тем, до настоящего времени в науке международного частного права не выработан комплексный, последовательный и внутренне непротиворечивый подход к решению следующих вопросов: определение понятия «экспроприация», его правовое содержание, порядок и условия осуществления экспроприации, а также ее соотношение со смежными формами принудительных изъятий.

Рассмотрим подробнее вопрос содержания и применимости международного стандарта законной экспроприации.

Право государства на экспроприацию общепризнано в доктрине и подтверждается как с точки зрения международных обычаев, так и через призму договорных норм [7, с. 217; 10, с. 36, 45–46; 17, с. 402]. Вместе с тем, указанное право не является абсолютным и не может реализовываться произвольным образом.

Широкое международное признание получили четыре условия, при соблюдении которых экспроприация считается законной. Для этого она должна осуществляться:

- в общественных интересах,
- в соответствии с надлежащей правовой процедурой,
- на недискриминационной основе,
- с выплатой компенсации.

В доктрине на наличие таких условий указывают, в частности, М. М. Богуславский [5, с. 81], Г. М. Вельяминов [9, с. 369–370], М. С. Евтеева [14, с. 85], Д. Карро [17, с. 402, 405, 409], И. З. Фархутдинов [29, с. 78, 114], Р. Дольцер, М. Стивенс [37, р. 97], Дж. Салакьюз [47, р. 288, 320], М. Н. Шоу [48, р. 828], М. Сорнараджа [49, р. 406].

Данный перечень условий законности экспроприации нашел свое отражение в документах, ставших результатом предпринимавшихся мировым сообществом попыток разработки многосторонних международных договоров, регулирующих вопросы защиты иностранных инвестиций. Так, соответствующие положения содержатся в статье 3 проекта Конвенции ОЭСР об иностранной собственности [41, р. 17], пункте 54 проекта Кодекса поведения транснациональных корпораций ООН, статье 2.1 раздела IV «Защита инвестиций» проекта Многостороннего соглашения по инвестициям ОЭСР [52, р. 56]. Кроме этого, в той или иной степени данные критерии содержатся в статье 3 проекта Конвенции об инвестициях за границей, разработанного Г. Абсом и Х. Шоукроссом в 1959 г. [39], статье 10 проекта Конвенции о международной ответственности государств за вред, причиненный иностранцам, 1961 г. (Гарвардский проект) [40], параграфе 712 Свода норм права в области внешних сношений США [45].

Указанные условия закреплены также в нормах международных договоров, в частности в статье 1 Протокола 1 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод, подписанного 20 марта 1952 г. [26], статье 13 Договора к Энергетической хартии 1994 г. [12]. Указанные критерии нашли свое подтверждение в документах международных организаций, например, принятых в рамках ООН: в пункте 4 резолюции 1803 (XVII) Генеральной Ассамблеи ООН от 14 декабря 1962 г. «Неотъемлемый суверенитет над естественными ресурсами» [25], статье 2 Хартии экономических прав и обязанностей государств (принята резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 3281 (XXIX) от 12 декабря 1974 г.) [30].

Для установления законности экспроприации указанные критерии **применяются не разрозненно, а одновременно**. В случае нарушения хотя бы одного из требований экспроприация считается незаконной.

Таким образом, анализ международных договоров и иных документов международного характера, регулирующих вопросы защиты частной иностранной собственности при экспроприации, доктринальных источников, международной арбитражной и судебной практики позволяет констатировать существование **международного стандарта законной экспроприации**. Под данным стандартом автор понимает **устойчивую совокупность международно признанных условий законности экспроприации**, при одновременном удовлетворении которых такое изъятие частной иностранной собственности считается правомерным. При этом условия, составляющие указанный международный стандарт, на наш взгляд, представляют собой не конкретные нормативные предписания, а, скорее, принципы, которые должны соблюдаться государством при правовом регулировании изъятий в общественных интересах.

Международный стандарт является своего рода правовым эталоном, который **служит для оценки степени соответствия внутреннего законодательства общепризнанным в мировом сообществе критериям**. Иными словами, роль международного стандарта законной экспроприации заключается в установлении **пределов, в которых государство может осуществлять экспроприацию в порядке и на условиях, определяемых в соответствии с нормами собственного законодательства**. Стандарт отражает в себе сложившийся международный обычай, а также является частью международных обязательств Республики Беларусь. В случае нарушения любого из условий, составляющих стандарт, наступает международная ответственность государства.

Принимая во внимание то, что с точки зрения международных обязательств гарантии защиты иностранных инвестиций распространяются на все формы изъятий в общественных интересах, полагаем, что рассмотренный международный стандарт является **универсальным и в равной степени применим к любой форме** таких изъятий. В этой связи при оценке законодательства Республики Беларусь на предмет соответствия международным обязательствам нормы, регулирующие вопросы национализации, реквизиции и иных изъятий в общественных интересах (например, для государственных нужд), должны также рассматриваться через сопоставление с международным стандартом.

Косвенно условия, формирующие международный стандарт законной экспроприации, могут быть выявлены и **исходя из ана-**

лиза законодательств ряда зарубежных государств, их судебной практики. Государства, тесно вовлеченные в процессы международного сотрудничества, воспринимают ключевые идеи и концепции, формирующиеся в международной юридической практике. Так, например, в судебной практике Верховного суда США, связанной с рассмотрением дел об экспроприации, можно выявить значительный объем постановлений, принципиально совпадающих с позициями, на которых находятся международные арбитражные и судебные инстанции, такие как Европейский суд по правам человека, Международный центр по регулированию инвестиционных споров, инвестиционные арбитражи *ad hoc*. Соответствующие внутригосударственные подходы совпадают с международными требованиями, в первую очередь, потому, что и те и другие вытекают из самой сущности частной собственности и современных представлений о ее значении для человека, общества и государства. Сегодня международным сообществом признаются как необходимость защиты частной собственности, так и ее социальная функция. Именно балансу частных и общественных интересов призваны способствовать условия, определяющие законность экспроприации. Они закономерно приводят внутренние правовые нормы и международные требования «к общему знаменателю».

Необходимо отметить, что до настоящего времени в частноправовой науке не предпринимались попытки системно подойти к изучению зарубежного опыта регулирования экспроприации. Для решения данной задачи автором изучены действующие законы об экспроприации Австралии, Великобритании, Германии, Канады, Кореи, Сингапура, США, Швеции и Эстонии. Характерно, что именно вопросы экспроприации (а не национализации или реквизиции) стали основным предметом регулирования в рамках зарубежных законодательств об изъятии частной собственности в общественных интересах. В правовых системах большинства из указанных государств существуют **единые нормативные правовые акты**, регулирующие весь комплекс общественных отношений, складывающихся в связи с экспроприацией. В отдельных случаях соответствующие нормы содержатся в нескольких последовательно принятых законах (Великобритания) либо в специально посвященных экспроприации разделах кодифицированных законодательных актов (Германия, США).

Несмотря на существенные различия исторического пути, государственного и общественного устройства, правовых систем указанных государств, анализ действующих в них норм законодательства об экспроприации позволяет утверждать, что в целом такие нормы **имеют схожее содержание**, а нормативные правовые акты об экспроприации **подчи-**

няются универсальной логике построения. Независимо от национальных особенностей указанные акты определяют субъектный состав правоотношений, возникающих в связи с экспроприацией, объект изъятия, устанавливают требования к цели экспроприации и размеру компенсации, содержат нормы процессуального характера, например, регламентирующие процедуру подготовки и реализации решения об экспроприации.

В целом логика построения и содержания нормативных правовых актов об экспроприации, действующих в зарубежных государствах, подчинена тому, чтобы изъятие удовлетворяло условиям, призванным обеспечить справедливость экспроприации, ее законность. Принципы осуществления экспроприации, заложенные в них, точным образом **корреспондируют с международным стандартом законной экспроприации.**

Содержание действующих за рубежом законов об экспроприации имеет общие черты и **подчиняется закономерностям**, заключающимся в наличии в законах об экспроприации групп правовых норм, которые в обязательном порядке подлежат включению в текст таких нормативных правовых актов.

Группы правовых норм, характерные для законов об экспроприации:

- связаны общим предметом регулирования;
- направлены на регламентацию порядка и условий осуществления экспроприации;
- имеют существенное значение для обеспечения законности экспроприации и соблюдения баланса между интересами частного лица и общества.

Их наличие диктуется сущностью общественных отношений, возникающих в связи с экспроприацией. Кроме того, обязательность наличия в законе об экспроприации таких норм напрямую коррелирует с содержанием международного стандарта законной экспроприации, в первую очередь, с одним из составляющих его условий — о надлежащей правовой процедуре.

По предмету регулирования можно выделить следующие группы правовых норм, характерных для законов об экспроприации:

- регламентирующие субъектный состав правоотношений, складывающихся в связи с экспроприацией, и объект экспроприации;
- устанавливающие требования к цели экспроприации, гарантирующие ее обусловленность общественными интересами;
- регулирующие порядок подготовки решения об экспроприации, закрепляющие требования к такому решению, порядок его обжалования;
- определяющие правила расчета размера компенсации и порядок ее выплаты.

Наличие указанных групп правовых норм обеспечивает функционирование экспроприации

как самостоятельного института в рамках национальных правовых систем.

Анализ изученных норм зарубежного права в совокупности с условиями, формирующими международный стандарт законной экспроприации, позволяет сформулировать **следующие основные признаки экспроприации.**

В первую очередь, для экспроприации характерны признаки, **общие** для всех форм изъятий в общественных интересах.

Экспроприация осуществляется **принудительно**, вопреки воле частных лиц, имущество которых подлежит изъятию (далее — заинтересованные лица). При совпадении интересов заинтересованных лиц, с одной стороны, и государства в лице уполномоченных органов — с другой, приобретение имущества или имущественных прав для реализации общественных интересов может осуществляться на основе гражданско-правовых сделок. Однако позиции сторон (спрос и предложение) зачастую не совпадают, что делает невозможным заключение сделки. Это вполне объективно: без достижения согласия между сторонами, нет и договора. Поэтому для достижения целей, продиктованных общественными интересами, государство вынуждено прибегать к экспроприации. Экспроприация является волевым актом уполномоченных государственных органов, основанным на государственном принуждении.

Необходимость выплаты **компенсации** при экспроприации прямо вытекает из основных гарантий, закрепленных в конституционных нормах, в том числе гарантирующих неприкосновенность частной собственности (ст. 44 Конституции Республики Беларусь [19]). Компенсация в данной связи является мерой справедливости, механизмом установления баланса между интересами общества и отдельных лиц. Такой баланс, в свою очередь, выступает основным принципом, определяющим экспроприацию [38, р. 582].

Экспроприация напрямую увязывается с достижением **общественных интересов**. При этом данная обусловленность имеет несколько важных аспектов. Во-первых, необходимым условием для осуществления экспроприации является существование **обоснованной причинно-следственной связи** между экспроприацией и реализацией с ее помощью общественных интересов. Такое условие призвано исключить возможность использования экспроприации в частных интересах. Во-вторых, экспроприация является **вынужденной мерой** в том плане, что без ее осуществления достижение цели, отвечающей общественным интересам, невозможно — альтернативные пути для этого отсутствуют. В этой связи условием осуществления экспроприации должно являться доказанное в установленном порядке отсутствие возможности реализо-

вать соответствующий общественно значимый проект иным способом, например посредством создания обременений в отношении имущества частного лица, в частности путем установления публичного сервитута.

Экспроприация, наряду со смежными с ней национализацией и реквизицией, является **основанием прекращения права собственности** и в этой связи, по нашему мнению, должна включаться в число принудительных оснований прекращения права собственности, предусматриваемых гражданским законодательством.

Помимо указанных общих признаков, определяющих сущностные характеристики экспроприации, для нее также характерен ряд **квалифицирующих признаков**, в том числе относящихся к составу возникающих в связи с экспроприацией отношений.

Экспроприация осуществляется для достижения **максимально широкого спектра целей**, отвечающих общественным интересам. К примеру, нормы об экспроприации могут быть направлены на реализацию градостроительных планов и планов по благоустройству территорий и населенных пунктов, созданию туристических и природоохранных зон, торговых и логистических комплексов, строительство мостов, автомобильных и железных дорог, судоводных каналов, трубопроводов общего пользования, электростанций и т. д. [3, с. 320]. Иными словами, экспроприация в первую очередь нацелена на решение плановых задач государственного управления во благо всего общества. Круг решаемых посредством института экспроприации задач может также включать в себя принудительную передачу прав от одного частного собственника в пользу другого, если в этом возникает обоснованная общественная необходимость.

Принципиальное значение имеет то, что экспроприация, по нашему мнению, является в определенной мере «повседневным», рассчитанным на достаточно частое, т. е. повторяющееся, применение, механизмом осуществления государственного регулирования во благо общества. Экспроприация осуществляется **в условиях нормального функционирования государства и общества**, их институтов и не является мерой чрезвычайного характера. Тем не менее, необходимо подчеркнуть, что экспроприация, как и остальные формы изъятий в общественных интересах, несмотря на указанную выше характеристику, сохраняет характер исключительной меры, продиктованной отсутствием альтернатив такому изъятию в конкретной ситуации.

Экспроприация носит характер **индивидуально определенной меры**, что отличает ее от массовых неперсонализированных изъятий частной собственности. Тем не менее, представляется возможной экспроприация в отношении группы лиц в рамках реализации еди-

ного общественно важного проекта. Ключевым условием в этом случае является то, что решение об экспроприации всегда принимается в отношении конкретного имущества определенного частного лица. **Персонализированный характер** носит и компенсация, выплачиваемая при экспроприации.

Экспроприация **не является временной мерой**. Широкое международное признание получила позиция, согласно которой временное ограничение правомочий собственника, в том числе посредством лишения его контроля над имуществом, как правило, не считается экспроприацией. Такие сопутствующие принятию подобных мер юридические факты, как установление временных рамок действия меры, механизмов административного и судебного контроля, направленных на возврат имущества собственнику, компенсация за использование имущества, свидетельствуют в пользу того, что соответствующие меры не являются экспроприацией [35, р. 337]. Например, в комментарии к статье 2 раздела IV проекта Многостороннего соглашения по инвестициям ОЭСР содержится отдельный пункт, посвященный мерам, заключающимся во временном ограничении правомочий собственника. Включение таких мер в определение экспроприации было признано нецелесообразным, поскольку временные меры влекут возврат имущества собственнику, а в случае незаконного их характера — ответственность государства по другим основаниям. Кроме того, если такие меры принимают постоянный характер, то при их законном основании они будут в дальнейшем квалифицироваться как экспроприация, а при незаконном — как международный деликт с вытекающими из этого последствиями [51, р. 30]. На наш взгляд, в случае нарушения норм внутреннего законодательства об экспроприации в дополнение к международной ответственности будет наступать гражданско-правовая ответственность государства, например в форме возмещения убытков, причиненных государственными органами или должностными лицами.

При экспроприации **принудительному изъятию может подлежать имущество, включая имущественные права** — как вещные, так и обязательственные. При этом возможность экспроприации имущественных прав в качестве самостоятельного объекта в значительной мере зависит от того, какие именно имущественные права существуют в рамках конкретной правовой системы. В первую очередь, это касается вещных прав, классификация и правовое содержание которых могут значительно варьироваться в различных государствах. Так, маловероятной на практике в силу их специфической правовой природы представляется экспроприация отдельных вещных прав, предусмотренных законодательством Республики Бе-

ларусь, например права хозяйственного ведения и права оперативного управления, а также сервитутов.

Характерной чертой экспроприации является то, что полномочия по принятию решения об изъятии, как правило, предоставляются **органам исполнительной власти**, для того чтобы обеспечить экспроприации известную степень оперативности. Передача указанных функций от органов представительной власти правительству (в широком его понимании как системы органов исполнительной власти) способна в значительной мере упростить процесс принятия решения об экспроприации в сравнении с более сложной парламентской процедурой. При этом решение об экспроприации всегда принимается регулирующим органом в точном соответствии с порядком, установленным законом об экспроприации.

Институт экспроприации нацелен на создание правовых **гарантий в отношении широкого круга заинтересованных лиц**. В него входят не только собственник имущества, но и лица, которым принадлежат имущественные права (как вещные, так и обязательственные) в отношении изымаемого имущества.

Процедура экспроприации направлена на защиту интересов как заинтересованных лиц (собственника имущества и иных), так и уполномоченных законом субъектов, осуществляющих свою деятельность в общественных интересах и иницирующих процедуру экспроприации. Процесс принятия решения об экспроприации должен заключаться в анализе регулирующим органом позиций указанных сторон для того, чтобы определить, действительно ли предлагаемое изъятие обусловлено общественными интересами и является ли оно единственно возможной мерой для защиты таких интересов. Процесс экспроприации в этой связи должен опираться на такие конституционные гарантии, как неприкосновенность частной собственности, верховенство права, гласность, а также конституционные рамки, установленные для ограничений прав и свобод. В том числе, процедура должна предусматривать возможность обжалования принимаемых решений в судебном порядке.

Таким образом, можно сделать следующие выводы.

Анализ международных договоров и иных документов международного характера, регулирующих вопросы защиты частной иностранной собственности при экспроприации, доктринальных источников, международной арбитражной и судебной практики позволяет констатировать существование международного стандарта законной экспроприации. Под данным стандартом автор понимает устойчивую совокупность международно признанных условий законности экспроприации, при од-

новременном удовлетворении которых такое изъятие частной иностранной собственности считается правомерным.

Роль международного стандарта законной экспроприации заключается в установлении пределов, в которых государство может осуществлять экспроприацию на основе норм собственного внутреннего права. Указанный стандарт отражает в себе сложившийся международный обычай, а также является частью международных обязательств Республики Беларусь. В случае нарушения любого из условий, составляющих упомянутый стандарт, наступает международная ответственность государства.

Международный стандарт является универсальным и в равной степени применим к любой форме изъятий в общественных интересах. В связи с этим при оценке законодательства Республики Беларусь на предмет соответствия международным обязательствам нормы, регулирующие вопросы национализации, реквизиции и иных изъятий в общественных интересах (например, для государственных нужд), должны также рассматриваться путем сопоставления с указанным международным стандартом.

Разнообразие задач и целей государственного регулирования, а также ряд иных факторов обусловили существование различных форм изъятий в общественных интересах. Среди традиционных форм таких изъятий выделяют экспроприацию (в том числе ее косвенные формы), национализацию и реквизицию. Указанные правовые институты являются самостоятельными и не дублируют друг друга.

Отсутствие какого-либо из указанных институтов в рамках национальной правовой системы порождает пробел в регулировании принудительных изъятий в общественных интересах. Устранение такого пробела является важной задачей с точки зрения как полноты правового обеспечения суверенных полномочий государства по регулированию отношений собственности на своей территории, так и защиты имущественных интересов частных лиц от произвольного посягательства путем установления правовых гарантий на случай изъятия их собственности. Такая задача может быть решена посредством разработки и введения в национальное законодательство отсутствующих правовых институтов, в частности экспроприации.

Экспроприация представляет собой принудительное возмездное изъятие имущества частного лица в общественных интересах, осуществляемое в соответствии с установленной законом процедурой на основании решения уполномоченного таким законом органа.

Экспроприация является индивидуальной определенной мерой и не сопряжена с осуществлением массовых, неперсонализированных изъятий частной собственности, применяется в условиях нормального функциони-

рования государства и общества, не связанных с наступлением чрезвычайных ситуаций, и направлена на решение широкого круга задач в сфере государственного регулирования социально-экономических отношений, в том числе на плановой основе.

В правовых системах зарубежных государств существуют единые нормативные правовые акты (разделы кодифицированных актов), призванные регулировать общественные отношения, складывающиеся в связи с экспроприацией.

На основании результатов последовательного применения к изучению содержания законов об экспроприации целого ряда государств научных методов анализа и синтеза можно утверждать, что типичный закон об экспроприации должен содержать ряд обязательных элементов, присутствие которых вытекает из самого существа экспроприации как принудительного изъятия, обусловленного общественными интересами, влекущего компенсацию и рассчитанного на повторяющееся применение. В число указанных обязательных

элементов входят нормы, определяющие субъектный состав правоотношений, складывающихся в связи с экспроприацией, объект экспроприации, ее цель. Закон об экспроприации также должен содержать в себе нормы, регулирующие порядок подготовки решения об экспроприации, устанавливающие требования к такому решению и порядок его обжалования, а также определяющие правила расчета размера компенсации и порядок ее выплаты.

С целью введения в национальное законодательство института экспроприации предлагается принять Закон Республики Беларусь «Об экспроприации», проект которого должен разрабатываться с учетом зарубежного опыта правового регулирования экспроприации, а также отвечать условиям, формирующим международный стандарт законной экспроприации. Положения такого закона должны быть нацелены на создание справедливого баланса интересов частных лиц и суверенных полномочий государства по регулированию социально-экономических отношений в интересах общества.

Список использованных источников

1. Аксюк, И. В. Недвижимость в законодательстве России: понятие, основания и способы возникновения права собственности на нее: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / И. В. Аксюк. — Ростов н/Д, 2007. — 204 л.
2. Алтенгова, О. Л. Принудительное прекращение права собственности на недвижимое имущество: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / О. Л. Алтенгова. — Волгоград, 2012. — 211 л.
3. Андреева, Г. Н. Институт собственности в конституциях зарубежных стран и Конституции Российской Федерации / Г. Н. Андреева. — М.: Норма, 2009. — 366 с.
4. Афанасьева, Е. Н. Реквизиция: гражданско-правовой аспект: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / Е. Н. Афанасьева. — Томск, 2009. — 229 л.
5. Богуславский, М. М. Иностранные инвестиции: правовое регулирование. / М. М. Богуславский. — М.: БЕК, 1996. — 445 с.
6. Бондаренко, Н. Л. Традиционные и новые формы экспроприации собственности в Республике Беларусь / Н. Л. Бондаренко // Предпринимательское право. — 2014. — № 1. — С. 63—69.
7. Броунли, Я. Международное право. В 2 кн. Кн. 2 / Я. Броунли; под ред. Г. И. Тункина. — М.: Прогресс, 1977. — 510 с.
8. Бутаева, Э. С. Прекращение права собственности помимо воли собственника: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / Э. С. Бутаева. — Краснодар, 2008. — 169 л.
9. Вельяминов, Г. М. Международное экономическое право и процесс: акад. курс: учебник / Г. М. Вельяминов. — М.: Волтерс Клувер, 2004. — 477 с.
10. Вилков, Г. Е. Национализация и международное право. — М.: Изд-во ИМО, 1962. — 136 с.
11. Витушко, В. А. Гражданское право: учеб. пособие. В 2 ч. Ч. 1 / В. А. Витушко. — Минск: Беларус. наука, 2007. — 566 с.
12. Договор к Энергетической Хартии и связанные с ним документы [Электронный ресурс] // Энергетическая хартия. — Режим доступа: <http://www.encharter.org/fileadmin/user_upload/document/RU.pdf>. — Дата доступа: 21.04.2013.
13. Дорощева, Ю. А. Национализация: вопросы международного частного права: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / Ю. А. Дорощева. — Самара, 2000. — 208 л.
14. Евтеева, М. С. Международные двусторонние инвестиционные соглашения / М. С. Евтеева. — М.: Междунар. отношения, 2002. — 277 с.
15. Ивлиева, А. Г. Экспроприация как институт российского гражданского права: хорошо забытое старое / А. Г. Ивлиева // Право и экономика. — 2011. — № 9. — С. 64—69.
16. Каравай, А. В. Постатейный комментарий к Гражданскому кодексу Республики Беларусь. Раздел II. Право собственности и другие вещные права. Глава 15. Прекращение права собственности (статьи 236—245) / А. В. Каравай [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2014.
17. Карро, Д. Международное экономическое право / Д. Карро, П. Жюйар. — М.: Междунар. отношения, 2002. — XXIII, 580 с.
18. Коваленко, Е. И. Защита иностранных инвестиций в Республике Беларусь по нормам международных договоров: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / Е. И. Коваленко. — Минск, 2007. — 134 л.
19. Конституция Республики Беларусь 1994 г. (с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г., 17 окт. 2004 (решение от 17 нояб. 2004 № 1)) [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: Беларусь. Технология 3000 / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2015.
20. Лабин, Д. К. Международное право по защите и поощрению иностранных инвестиций / Д. К. Лабин. — М.: Волтерс Клувер, 2008. — 336 с.
21. Лабин, Д. К. Основания для выплаты компенсации в международных инвестиционных разбирательствах / Д. К. Лабин, А. С. Юхно // Москов. журн. междунар. права. — 2012. — № 4. — С. 116—126.

22. Лисица, В. Н. Правовое регулирование инвестиционных отношений: теория, законодательство и практика применения / В. Н. Лисица; Рос. акад. наук; Ин-т философии и права СО РАН; М-во образования и науки РФ, Новосибирский гос. ун-т. — Новосибирск, 2011. — 467 с.
23. Мартыненко, Э. А. Правовая природа преимущественного права местных Советов депутатов на приобретение объектов недвижимости: гражданско-правовой аспект проблемы / Э. А. Мартыненко [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2014.
24. Маттеи, У. Основные принципы права собственности / У. Маттеи // Маттеи, У. Основные положения права собственности / У. Маттеи, Е. А. Суханов. — М.: Юристъ, 1999. — С. 12—294.
25. Неотъемлемый суверенитет над естественными ресурсами: док. ООН A/RES/1803 (XVII) [Электронный ресурс] // Организация Объединенных Наций. — Режим доступа: <[http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=A/RES/1803\(XVII\)](http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=A/RES/1803(XVII))>. — Дата доступа: 05.05.2013.
26. Протокол № 1 к Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод, Париж, 20 марта 1952 г. (с изм. от 11 мая 1994 г.): ETS N 009 [Электронный ресурс] // Европейская конвенция о защите прав человека: право и практика. — Режим доступа: <<http://www.echr.ru/documents/doc/2440801/2440801.htm>>. — Дата доступа: 21.05.2013.
27. Рухтин, С. А. Принудительное изъятие земли и другой недвижимости в России, США и Великобритании / С. А. Рухтин; под науч. ред. В. П. Камышанского. — М.: Арктика 4Д, 2007. — 216 с.
28. Сидорчук, В. К. Хозяйственное право: пособие [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2014.
29. Фархутдинов, И. З. Международное инвестиционное право: теория и практика применения / И. З. Фархутдинов; Рос. акад. наук, Ин-т государства и права. — М.: Волтерс Клувер, 2005. — XX, 404 с.
30. Хартия экономических прав и обязанностей государств: док. ООН A/RES/3281 (XXIX) [Электронный ресурс] // Организация Объединенных Наций. — Режим доступа: <[http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=A/RES/3281\(XXIX\)](http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=A/RES/3281(XXIX))>. — Дата доступа: 10.06.2012.
31. Чельшева, Н. Ю. Основания и способы приобретения права публичной собственности в России: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / Н. Ю. Чельшева. — Екатеринбург, 2008. — 227 л.
32. Шмарловская, Г. А. Инвестиционный климат Республики Беларусь и стратегия привлечения иностранных инвестиций: пособие / Г. А. Шмарловская, Е. Н. Петрушкевич. — Минск: Дикта, 2012. — 158, [1] с.
33. Щербина, М. В. Международно-правовые вопросы национализации и защиты частной собственности: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.10 / М. В. Щербина. — СПб., 2000. — 224 л.
34. Byrne, K. A. Regulatory Expropriation and State Intent / K. A. Byrne // Canadian Yearbook of International Law. — 2000. — Vol. 38. — P. 89—120.
35. Christie, G. C. What Constitutes a Taking Under International Law? / G. C. Christie // British Yearbook of International Law. — 1962. — Vol. 38. — P. 307—338.
36. Civil Defence Act 1939 (Repealed) [Electronic resource] // Legislation.gov.uk. — Mode of access: <<http://www.legislation.gov.uk/ukpga/Geo6/2-3/31/contents>>. — Date of access: 30.01.2014.
37. Dolzer, R. Bilateral Investment Treaties / R. Dolzer, M. Stevens. — The Hague; Boston: M. Nijhoff; Norwell, MA, U.S.A.: Kluwer Academic Publishers, 1995. — 330 p.
38. Dolzer, R. New Foundations of the Law of Expropriation of Alien Property / R. Dolzer // The American Journal of International Law. — 1981. — Vol. 75, N 3. — P. 553—589.
39. Draft Convention on Investments Abroad (Abs-Shawcross Draft Convention) // Documents in International Economic Law: Trade, Investment, and Finance / ed. C. J. Tams, C. Tietje. — Oxford: Oxford University Press, 2012. — P. 358—360.
40. Draft convention on the international responsibility of States for injuries to aliens, prepared by the Harvard Law School, 1961: Annex XII to State responsibility. First report on State responsibility by Mr. Roberto Ago, Special Rapporteur — Review of previous work on codification of the topic of the international responsibility of States [Electronic resource] // Yearbook of the International Law Commission. — 1969. — Vol. II // Office of Legal Affairs of the United Nations. — Mode of access: <http://legal.un.org/ilc/documentation/english/a_cn4_217.pdf>. — Date of access: 01.03.2014.
41. Draft Convention on the Protection of Foreign Property: Text with Notes and Comments [Electronic resource] // Organisation for Economic Co-operation and Development. — Mode of access: <<http://www.oecd.org/investment/internationalinvestmentagreements/39286571.pdf>>. — Date of access: 22.03.2014.
42. Newcombe, A. Law and Practice of Investment Treaties: Standards of Treatment / A. Newcombe, L. Paradell // Alphen aan den Rijn: Kluwer Law International BV, 2009. — 648 p.
43. Reinisch, A. Chapter 11. Expropriation / A. Reinisch // The Oxford Handbook of International Investment Law / ed. by P. Muchlinski, F. Ortino, C. Schreuer. — Oxford; New York: Oxford University Press, 2008. — P. 407—458.
44. Reinisch, A. Legality of Expropriations / A. Reinisch // Standards of Investment Protection / ed. by A. Reinisch. — Oxford; New York: Oxford University Press, 2008. — P. 171—205.
45. Restatement (Third) of Foreign Relations Law of the United States / Projected Codification and Progressive Development of International Law // Bishop, R. D. Foreign Investment Disputes: Cases, Materials, and Commentary / R. D. Bishop, J. Crawford, W. M. Reisman. — The Hague: Kluwer Law International, 2005. — P. 729—730.
46. Ripinsky, S. Damages in international investment law / S. Ripinsky, K. Williams. — London: British Institute of International and Comparative Law, 2008. — 561 p.
47. Salacuse, J. W. The law of investment treaties / J. W. Salacuse // Oxford; New York: Oxford University Press, 2010. — 517 p.
48. Shaw, M. N. International Law. 6th ed. / M. N. Shaw. — Cambridge; New York: Cambridge University Press, 2008. — 1542 p.
49. Sornarajah, M. The International Law on Foreign Investment. 3rd ed. / M. Sornarajah. — Cambridge; New York: Cambridge University Press, 2010. — 524 p.
50. Subedi, S. P. International Investment Law: Reconciling Policy and Principle / S. P. Subedi. — Oxford, Portland, Oregon: Hart Publishing Limited, 2008. — 232 p.
51. The Multilateral Agreement on Investment: Commentary to the Consolidated Text [Electronic resource] // Organisation for Economic Co-operation and Development. — Mode of access: <<http://www1.oecd.org/daf/mai/pdf/ng/ng988r1e.pdf>>. — Date of access: 26.03.2014.
52. The Multilateral Agreement on Investment: Draft Consolidated Text [Electronic resource] // Organisation for Economic Co-operation and Development. — Mode of access: <<http://www1.oecd.org/daf/mai/pdf/ng/ng987r1e.pdf>>. — Date of access: 26.03.2014.

«Экспроприация: международный стандарт и внутреннее право» (Алексей Зеньков)

В статье рассматривается вопрос о международном стандарте законной экспроприации и его преломлении в нормах национальных законодательств государств. Особое внимание автора сконцентрировано на содержании понятия экспроприации в рамках национальных правовых систем. Автором раскрывается правовое содержание понятия экспроприации, а также выявляются закономерности и особенности правового регулирования экспроприации как самостоятельной правовой формы принудительного изъятия частной собственности.

«Expropriation: the International Standard and Domestic Law» (Aleksei Zenkov)

The article deals with certain issues related to the international standard of lawful expropriation and its implication in domestic law. The author focuses specifically on the substance of expropriation as a concept within national systems of law and expounds its legal content. The regularities and specifics of regulating expropriation as a separate form of compulsory seizure of private property are revealed as well.

Статья поступила в редакцию в марте 2015 г.

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ МЕХАНИЗМОВ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЕВРАЗИЙСКОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ

Василий Голуб

Конец XX в. характеризовался беспрецедентными масштабами процессов глобализации на всех уровнях общественных взаимоотношений. Наряду с экономической интеграцией в глобальном масштабе в связи с переходом от биполярной к многополярной модели мировой политической системы и образованием новых «центров силы» нарастает тенденция к интеграции на региональном уровне.

Страны СНГ не остались в стороне от процессов международной экономической интеграции. Таможенный союз (ТС) и Единое экономическое пространство (ЕЭП) в рамках постсоветского пространства, по сравнению с другими интеграционными объединениями, например Европейским союзом (ЕС), где все стадии интеграции занимали долгие годы, даже десятилетия, идут ускоренными темпами к высшей форме интеграционного объединения государств — единому экономическому союзу с соответствующей политической надстройкой [17, с. 20].

Высокие темпы интеграционных процессов на постсоветском пространстве предъявляют особые требования к обеспечивающим их организационно-правовым механизмам. История возникновения и развития Евразийского экономического сообщества (ЕврАзЭС), а также формирования Евразийского экономического союза (ЕАЭС) неразрывно связана с другими проектами экономической интеграции на постсоветском пространстве, а точнее — со сложностями реализации последних, которые не в последнюю очередь обусловлены несоответствием организационной структуры данных объединений их учредительным целям.

Несоответствие объективным закономерностям развития экономических отношений между членами интеграционной группировки их организационной и правовой структуре является одной из причин недостаточной эффективности функционирования, а порой и невозможности достижения учредительных целей региональной интеграционной организации [17, с. 24, 25].

В первую очередь, эффективность деятельности любого интеграционного объединения (а не просто сотрудничества), созданного на

международно-правовой основе, обусловлена наличием соответствующих органов управления с наделением их необходимой правоспособностью для реализации целей интеграции [38, с. 59].

Осуществление региональной экономической интеграции на постсоветском пространстве невозможно без создания соответствующей международно-правовой базы, включающей в себя заключение новых договоров, а также без эффективной реализации положений действующих международно-правовых документов, которые должны в совокупности создать целостный организационно-правовой механизм интеграции [28, с. 11, 12].

В литературе достаточно широко представлены работы по тематике анализа институциональных основ интеграционных образований постсоветского пространства. Данная тема поднималась А. В. Барковым [1], Н. Ю. Кавешниковым [17], Н. А. Ремезовой [28], В. Б. Рыжовым [29], С. Г. Стоякиным [31], Н. Н. Шумским [35], С. Н. Ярышевым [38] и другими исследователями. Однако рассматриваются, как правило, организационные механизмы или конкретной организации или нескольких организаций в конкретный промежуток времени. Закономерности трансформации институциональных основ, влияние их характеристик и конфигураций на прогресс интеграционных преобразований на постсоветском пространстве изучены мало.

Целью данной статьи является рассмотрение этапов становления и развития институциональных механизмов интеграции, сформировавшихся на просторах Содружества Независимых Государств (СНГ), с целью выявления закономерностей и тенденций их развития, «узких» мест и выработки рекомендаций по их оптимизации. Рассматривается корреляция конфигурации интеграционного пространства, включая структуру органов обеспечения функционирования интеграционных образований, порядок принятия и принцип действия их решений, наличие в их структуре элементов наднациональности и динамики продвижения процессов интеграции.

Автор:

Голуб Василий Иванович — аспирант кафедры международного права факультета международных отношений Белорусского государственного университета

Рецензенты:

Семашко Елена Валентиновна — кандидат юридических наук, доцент, заведующая кафедрой конституционного и административного права факультета управления институтом управленческих кадров Академии управления при Президенте Республики Беларусь

Мукашев Сулейман Ибрагимович — кандидат юридических наук, советник информационно-аналитического департамента Исполнительного комитета Содружества Независимых Государств

К институциональным механизмам интеграции в широком смысле относят: 1) совокупность органов и их компетенций; 2) договорно-правовую базу интеграционного образования; 3) правила и процедуры подготовки и принятия решений, контроля их исполнения, находящиеся во взаимозависимости и взаимосвязи, в целом составляющие единую систему, которая «определяет порядок и посредством которой осуществляется организация... интеграционного взаимодействия государств — участников объединения для реализации уставных целей и задач» [35, с. 81].

К институциональным механизмам интеграции в «узком» смысле относятся: органы, обеспечивающие интеграцию, включая порядок их взаимодействия, механизмы принятия решений [17, с. 19].

В 1993 г. была предпринята первая на постсоветском пространстве серьезная попытка создания прогрессивных форм интеграции. 24 сентября 1993 г. был заключен Договор о создании Экономического союза, который с учетом мирового опыта предусматривал поэтапный переход от зоны свободой торговли к экономическому (валютному) союзу [14, с. 3]. Однако в силу непреодолимых противоречий между государствами СНГ данный договор не смог начать функционировать в полном объеме [19, с. 114]. К концу 1994 г. в СНГ четко сформировались две группы государств. Одна, ставившая перед собою цель достижения прогрессивных форм интеграции и представленная «интеграционной тройкой» — Беларусь, Казахстан и Россия, — и вторая, для которой зона свободной торговли виделась пределом процессов интеграции и в состав которой входили Грузия, Азербайджан и Украина.

15 апреля 1994 г. в рамках СНГ было заключено соглашение о создании зоны свободной торговли, предусматривающее постепенную отмену таможенных пошлин, налогов и сборов эквивалентного значения, а также квот во взаимной торговле при сохранении за каждой страной-участницей права самостоятельно устанавливать правила торговли с третьими государствами. Данное соглашение вступило в силу для большинства его участников в 2012 г. [12]. Очевидно, организационно-правовые механизмы интеграции, действующие на пространстве СНГ, при которых только для достижения исходной ступени интеграции требуется более 18 лет, не могли признаваться приемлемыми для устремлений большей части участников соглашения в восхождении к последующим этапам интеграционных преобразований. Скорее всего, «в силу объективных причин в СНГ продвижение по пути экономической интеграции и формирования общего экономического пространства дальше создания Зоны свободной торговли не предвидится» [35, с. 85].

Все это свидетельствовало об объективных предпосылках необходимости реформирова-

ния институциональной основы СНГ для продвижения процессов интеграции либо формирования новых интеграционных образований.

В то же время в рамках СНГ основным направлением движения к более высокому уровню интеграции стали усилия по формированию и развитию сложных форм интеграции — ТС, ЕЭП, а в дальнейшем и ЕАЭС.

Начало формирования ТС датируется 1995 г. Первоначально правовое оформление ТС осуществлялось в рамках межправительственного Соглашения о Таможенном союзе между Республикой Беларусь и Российской Федерацией от 5 января 1995 г., к которому 20 января 1995 г. присоединилась Республика Казахстан, а 29 марта 1996 г. — Кыргызская Республика [31, с. 87]. Тем не менее, данный проект не достиг заданных целей по построению единого таможенного пространства, характеризующегося отсутствием барьеров в межстрановой торговле, формированием единой внешней таможенно-тарифной политики. Отсутствие единого органа управления тарифной политикой не способствовало достижению поставленных целей.

В целях дальнейшей интеграции в 1996 и 1999 гг. были приняты еще два договора: Договор об углублении интеграции в экономической и гуманитарной областях от 29 марта 1996 г. (между Республикой Беларусь, Республикой Казахстан, Кыргызской Республикой и Российской Федерацией, в 1999 г. к Договору присоединилась Республика Таджикистан) [8] и Договор о Таможенном союзе и Едином экономическом пространстве от 26 февраля 1999 г. [15].

Между тем, влияние их принятия на продвижение процессов интеграции было минимальным [29, с. 73].

Со временем для большинства стран СНГ стало четким понимание ограниченных возможностей универсальных международных экономических организаций. Недостаток организационного обеспечения интеграции был налицо [3, с. 72, 75; 7, с. 57].

Ряд исследователей полагают, что одним из существенных недостатков организационной структуры СНГ является отсутствие в ней элементов наднациональности [3, с. 53; 5, с. 185; 36, с. 92], которые, кроме прочего, проявляются в отсутствии реальных механизмов реализации принятых решений [7, с. 13, 56; 35, с. 83], а также санкций к государствам, не выполняющим подписанные соглашения и решения [7, с. 13; 35, с. 83]. По мере последовательного перехода к более высоким стадиям интеграции должны возрастать значение наднациональных органов [7, с. 56; 23, с. 142; 37, с. 44], расширяться их компетенция, увеличиваться объем полномочий [37, с. 44]. Передача полномочий требует наделения органов интеграционного объединения правом принятия решений прямого действия на территориях

государств — участников объединений по согласованному, пусть даже и довольно узкому (ограниченному, жестко регламентированному), перечню вопросов, входящих во внутреннюю компетенцию членов организации.

Сфера деятельности организации интеграции, отнесенная к ее исключительному ведению, должна быть четко ограничена, но присутствовать должна всегда. Полное отсутствие наднациональности, по мнению В. Б. Рыжова, сильно затрудняет интеграцию [29, с. 36].

Между тем, согласно части 3 статьи 1 Устава СНГ [33] «Содружество не является государством и не обладает наднациональными полномочиями», что в дальнейшем было подтверждено тем, что все акты органов Содружества имеют скорее рекомендательный, нежели обязательный характер (за исключением решений по внутриорганизационным вопросам деятельности СНГ [2, с. 11]), и требуют проведения последующей процедуры имплементации во внутреннее право государств-участников [24, с. 20; 35, с. 83; 36, с. 72].

Кроме того, одним из проявлений наднациональности является наличие органов, которые обладают «правом создавать обязательства для членов не общепринятым в международном праве путем согласования воли субъектов, а собственным решением» [29, с. 10], т. е. решения принимаются большинством, квалифицированным большинством (не консенсусальным методом), в том числе на основе «взвешенного подхода» [26, с. 86].

В СНГ решения его органов вырабатываются консенсусом. Они не имеют прямого действия, что затрудняет процесс экономической интеграции [36, с. 85], но обеспечивает достаточно эффективное взаимодействие в сфере социально-культурного, научно-технического, гуманитарного, трансграничного, военного сотрудничества, где достигнуты достаточно неплохие результаты.

В этой связи подчеркнем, что в оценке эффективности функционирования институционального механизма лежит, прежде всего, вопрос о наднациональности международной организации, который, по мнению Е. А. Шибановой, заключается в соотношении суверенитета государств-членов с полномочиями созданного ими внутриорганизационного механизма [34, с. 45].

Необходимо отметить, что по политическим причинам ряд стран СНГ (например, Азербайджан, Туркменистан, Узбекистан и Украина) были против создания в СНГ наднациональных органов [5, с. 59; 7, с. 56]. Беларусь, Россия и Казахстан, по крайней мере, рассматривали такую возможность (это проявлялось как в формировании Союзного государства Беларуси и России, в котором элементы наднациональности присутствовали изначально [31, с. 92], так и в выдвижении Н. Назарбаевым в 1994 г. Евразийской инициативы [4], пресле-

дующей в качестве конечной цели интеграционных преобразований на постсоветском пространстве формирование экономического союза, имеющего явно наднациональный окрас).

Между тем, опыт функционирования таких интеграционных объединений, как ЕС, МЕРКОСУР, свидетельствует о необходимости создания именно наднациональных органов управления [3, с. 76; 7, с. 55; 19, с. 113].

Таким образом, неудачи в развитии интеграции в рамках «пятерки» (Республика Беларусь, Республика Казахстан, Российская Федерация, Киргизская Республика и Таджикистан) выявили необходимость создания эффективного многостороннего организационно-правового механизма практической реализации имеющихся (и будущих) договоренностей. В 2000 г. было принято решение о преобразовании таможенной «пятерки» в полноценную межгосударственную организацию с четкой структурой и эффективным аппаратом [9].

10 октября 2000 г. лидерами Республики Беларусь, Республики Казахстан, Российской Федерации, Киргизской Республики и Республики Таджикистан был подписан Договор об учреждении Евразийского экономического сообщества, которое является правопреемником и продолжателем процессов формирования ТС и ЕЭП [9]. Создание ЕврАзЭС стало логическим завершением организационно-правового оформления объединения названных пяти стран — участниц СНГ, избравших путь глубокой и динамичной интеграции, прежде всего, в экономической сфере [1, с. 127].

Обеспечивая преемственность созданных ранее сторонами органов управления интеграцией, для выполнения целей и задач ЕврАзЭС действовали: Межгосударственный совет (Межгоссовет); Интеграционный комитет; Межпарламентская ассамблея; Суд ЕврАзЭС. К числу вспомогательных органов относились отраслевые советы, Комиссия постоянных представителей и секретариат.

В соответствии со статьей 5 Договора об учреждении ЕврАзЭС решения на заседаниях Межгоссовета, высшего органа ЕврАзЭС, состоящего из глав государств и правительств, принимались на основе консенсуса и имели обязательный характер [17, с. 28]. Согласно статье 14 Договора об учреждении ЕврАзЭС, они исполнялись путем принятия необходимых национальных нормативных правовых актов в соответствии с национальным законодательством, т. е. не имели прямого действия [9].

В то же время впервые на постсоветском пространстве в данное интеграционное объединение были включены элементы наднациональности, по крайней мере, по форме. Прежде всего, следует отметить тот факт, что, согласно статье 13 Договора об учреждении ЕврАзЭС, стороны согласились принимать решения на уровне заместителей глав пра-

вительств в постоянно действующем органе ЕврАзЭС — Интеграционном комитете на основе квалифицированного большинства голосов (в 2/3 голосов) путем так называемого «взвешенного голосования» [8].

Под процедурой «взвешенного голосования» принято понимать такой способ принятия решений, при котором голоса распределены между государствами неравномерно, а обладание государством — участником организации определенным количеством голосов зависит либо от его экономического вклада в организацию, либо от доли в общемировом экспорте (импорте) определенного товара, либо от иных факторов. Использование рассматриваемого механизма принятия решений на современном этапе представляется оправданным, поскольку обеспечивает возможность более эффективного функционирования организации [26, с. 87—90].

В соответствии со статьей 13 Договора об учреждении ЕврАзЭС количество голосов в Интеграционном комитете было распределено следующим образом: Россия — 40 %, Республика Беларусь, Республика Казахстан и Узбекская Республика по 15 %, а Киргизская Республика и Республика Таджикистан по 7,5 % [12]. Следовательно, с одной стороны, учитывался экономико-политический вес России, а с другой — создавался механизм принятия решения, для которого необходимы голоса, как минимум, четырех государств. В то же время было установлено, что «в случае, если за принятие решения проголосовали пять Договаривающихся Сторон, но при этом оно не набрало большинства в 2/3 голосов, то вопрос передается на рассмотрение Межгоссовета». Таким образом, роль Интеграционного комитета носила сугубо подчиненный и вспомогательный характер, имела скорее лишь вид наднациональности, оставаясь, по сути, международно-правовым организационным механизмом регулирования правоотношений в Сообществе [19, с. 116].

Если наднациональный характер европейской интеграции проявился сравнительно рано, т. е. в добровольной передаче существенного объема суверенных прав от государств-членов независимым наднациональным институтам, полностью приверженным идеям интеграции и претворяющим их в жизнь зачастую без учета национальных интересов отдельных государств-членов, то ЕврАзЭС, как и любая международная организация классического образца, основывалось на суверенном равенстве его государств-членов и примате их национальных интересов [19, с. 116].

Однако данная ситуация не могла устраивать всех участников Сообщества, и из «пятерки» выделась «тройка» (Беларусь, Казахстан, Россия), решившая интенсифицировать процесс интеграции, предприняв усилия по завершению создания ТС к 2010 г. С целью ор-

ганизационного обеспечения данного процесса «тройка» пошла на построение еще одного специализированного интеграционного органа, усилив, насколько это было возможно, его наднациональные элементы.

Согласно Договору о Комиссии таможенного союза, который был подписан в Душанбе 6 октября 2007 г., Республика Беларусь, Республика Казахстан и Российская Федерация учредили Комиссию таможенного союза (КТС). КТС являлась наднациональным органом [17, с. 29], что проявлялось в том, что в ней была сохранена процедура выработки решений квалифицированным большинством (в 2/3 голосов) на основании «взвешенного подхода» (Россия имела 57 голосов, Беларусь и Казахстан — по 21,5 голоса), а ее решения имели прямое и обязательное действие, т. е. не требовали проведения процедуры имплементации. В Душанбе также были подписаны Договор о создании единой таможенной территории и формировании Таможенного союза [13] (уже третий договор, касающихся формирования ТС), Протокол о порядке вступления в силу международных договоров, направленных на формирование договорно-правовой базы Таможенного союза, выхода из них и присоединения к ним [27].

Таким образом, институциональная структура ТС к 6 октября 2007 г. была сформирована следующим образом: Межгоссовет (Высший орган ТС) и Суд ЕврАзЭС — общие органы как для ТС, так и для ЕврАзЭС, КТС (аналог Интеграционного комитета ЕврАзЭС), Секретариат КТС (аналог Секретариата Интеграционного комитета ЕврАзЭС) и еще четыре вспомогательные структуры, не входящие в систему органов ТС, но выполняющие ряд важных функций, обеспечивающих его функционирование: Экспертный совет в рамках ТС, Комитет по вопросам регулирования внешней торговли, Координационный комитет по техническому регулированию, применению санитарных, ветеринарных и фитосанитарных мер и Координационный совет по информационным технологиям.

На пути интеграционных преобразований некоторые государства опасаются утраты части либо полностью своего суверенитета в связи с введением элементов наднациональности в структуру органов интеграции. Данные опасения беспочвенны. Во-первых, «современная единства и неделимости суверенитета как неотъемлемого качества государственной власти» [22, с. 93]. Таким образом, делегироваться могут полномочия, относящиеся к предмету исключительного ведения государства, а не суверенитет. Во-вторых, государства, как раз именно ввиду наличия у них суверенитета, «обладают способностью в любое время прекратить свое членство в наднациональном образовании» [21, с. 9].

С 1 января 2010 г. вступил в силу Единый таможенный тариф, стали применяться единые меры нетарифного регулирования, были упорядочены тарифные льготы и преференции для товаров из третьих стран, начал функционировать и сам ТС [6, с. 27]. Через полгода, 6 июля, вступил в действие Таможенный кодекс Таможенного союза, определивший для его участников единые правила таможенного регулирования в условиях ЕЭП [25]. С 1 июля 2011 г. таможенные органы прекратили контроль на внутренних границах ТС [6, с. 27], что позволило полностью снять таможенные барьеры на пути движения товаров внутри ТС.

Изменения конфигурации интеграционного пространства ТС и ЕврАзЭС, вызванные вступлением в силу 1 января 2012 г. нового витка интеграции — ЕЭП, обусловили необходимость совершенствования пространства ТС и ЕврАзЭС. Такое совершенствование потребовалось в целях как обеспечения функционирования усложненного формата интеграции, так и создания необходимых условий для дальнейшего углубления интеграции, что и было сделано за счет модернизации органов управления интеграционных образований в рамках ТС и ЕврАзЭС.

С целью обеспечения функционирования и развития ТС, ЕЭП и в связи с передачей на наднациональный уровень регулирования свыше 90 функций и полномочий в разных сферах экономики возникла необходимость трансформации КТС в новый формат управляющего органа — Евразийскую экономическую комиссию (ЕЭК). Договор о ЕЭК был подписан 18 ноября 2011 г. [10]. Функционировать ЕЭК начала с 1 января 2012 г. В отличие от КТС ЕЭК является постоянно действующим органом управления ТС и ЕЭП со значительно большими полномочиями, нежели КТС.

С 1 января 2012 г. в Минске начал функционировать Суд ЕврАзЭС. В отличие от Экономического суда СНГ он рассматривает иски не только государств, органов ЕврАзЭС и ТС, но и самих хозяйствующих субъектов. Основной задачей суда является обеспечение единообразного применения государствами — членами ЕврАзЭС действующих в его рамках международных договоров и принимаемых его органами решений [30, ст. 13].

Таким образом, в 2012 г. была практически полностью модернизирована институциональная основа ТС и ЕЭП.

Фактически с момента принятия решения о разработке документов, необходимых для формирования правовой базы ТС и ЕЭП в рамках ЕврАзЭС, до формирования данного образования прошло более 6 лет. В течение этого периода от системы управления, использующей классические международно-правовые методы принятия решений, основанные на суверенном консенсусе государств, участники данных объединений перешли к историче-

ски более оправданной модификации органов управления, имеющих признаки наднациональности.

В настоящее время функционирование ТС и ЕЭП обеспечивается Высшим Евразийским экономическим советом (ВЕЭС), Евразийским межправительственным советом, ЕЭК и Судом ЕАЭС. ВЕЭС является главным интеграционным органом ТС и ЕЭП.

ВЕЭС осуществляет полномочия, которыми ранее был наделен Межгоссовет ЕврАзЭС в соответствии с международными договорами, формирующими договорно-правовую базу ТС и ЕЭП. ВЕЭС решает принципиальные вопросы деятельности ЕАЭС, определяет стратегию, направления и перспективы развития интеграции и принимает решения, направленные на реализацию целей [11]. В его состав входят главы государств. Принятые ВЕЭС решения становятся обязательными для выполнения для всех государств — членов ТС. Согласно статье 6 Договора о ЕАЭС от 29 мая 2014 г. исполнение решений происходит путем принятия необходимых национальных нормативных правовых актов [11].

ЕЭК имеет двухуровневую структуру — Совет и Коллегию. Совет принимает решения по наиболее важным вопросам развития интеграции, в том числе по вопросам, не согласованным на уровне Коллегии. В состав Совета входит по одному представителю от каждого государства — члена ТС на уровне вице-премьеров правительств [11].

Решения Совета ЕЭК принимаются консенсусом. При недостижении консенсуса вопрос передается на рассмотрение Совета глав государств-участников по предложению любого члена Совета [11].

Коллегия обеспечивает условия функционирования ТС и ЕЭП и состоит из 9 членов (по 3 члена от каждой страны) со статусом министра [11].

Решения Коллегии принимаются большинством в 2/3 голосов по вопросам, не отнесенным к полномочиям Совета, имеют обязательный характер и подлежат непосредственному применению на территориях государств-членов (прямое действие). Тем не менее, обязательный характер решений Коллегии достаточно условен [38, с. 70]. Существующий механизм передачи неприемлемых для одной из сторон решений Коллегии на уровень Совета (а затем и ВЕЭС), где они принимаются консенсусом, а также отсутствие положений в Договоре о ЕЭК, которые бы решали вопрос о соотношении по юридической силе решений Комиссии и норм национального права государств-членов, не позволяют вести речь об автономии права ЕЭК по аналогии с правом ЕС в классическом значении этого понятия [31, с. 53].

Наблюдается внешнее сходство институциональных основ ТС и ЕЭП с другими интеграционными объединениями, например с ЕС,

но в то же время имеется и ряд различий, которые касаются, прежде всего, степени наднациональности и сфер компетенции. Структуры ТС и ЕЭП полномочны принимать обязательные для их участников решения. Тем не менее, каждое из представленных в их органах государств сможет воспрепятствовать неприемлемому для него решению, перенеся вопрос для рассмотрения на более высоком уровне, где оно может быть заблокировано. На основании изложенного можно констатировать, что ТС и ЕЭП, обладая некоторыми элементами наднациональности, остаются по существу усовершенствованным, но все же подобием СНГ — организации, основанной на принципе суверенного консенсуса государств-участников [20, с. 94]. Кроме того, решения органов, имеющих наднациональный статус, не обеспечены санкциями на национальных уровнях. В рамках ЕврАзЭС исполняемость решений оставляла желать лучшего, что, помимо всего прочего, связано с малоэффективным механизмом контроля. Практика других интеграционных организаций показывает, что политический механизм контроля исполнения решений не всегда эффективен даже в условиях сложившегося взаимного доверия и высокой правовой культуры [32, с. 8].

В целях повышения наукоемкости деятельности ЕАЭС представляются целесообразными организация при ЕЭК научно-исследовательского консультативного органа по проблематике международной экономической интеграции, а возможно, и учреждение специализированного института правовых проблем развития евразийской интеграции. Можно также спроецировать рекомендацию В. В. Заварзиной (рекомендации были сделаны в отношении ЕврАзЭС) по организации прохождения научной и учебной практики в органах управления интеграцией докторантов, аспирантов, студентов высших учебных заведений государств — членов ЕАЭС, занимающихся научной разработкой вопросов правового обеспечения интеграционных процессов, в ЕАЭС [16, с. 114].

В настоящее время в мире наблюдается тенденция развития органов управления интеграции в направлении передачи все больших полномочий сначала на межнациональный, а потом и на наднациональный уровни, формирования управляющих структур со все более четко определенными компетенцией и функциями, что прослеживается и в ЕврАзЭС, и в ЕАЭС.

1 января 2015 г. начал функционировать ЕАЭС, который будет представлять собой мощное наднациональное объединение. Данная трансформация повлечет за собой и дальнейшие изменения институциональной основы ТС и ЕЭП. Остается надеяться, что трудности переходного периода не повлияют на управляемость ТС и ЕЭП, положительно скажутся на проведении интеграционных процессов.

Таким образом, можно сделать следующие выводы.

1. За более чем 20-летнюю историю развития экономической интеграции постсоветского пространства интеграционные образования эволюционировали от зоны свободной торговли до ЕЭП. Это стало возможным за счет введения в организационно-правовой механизм обеспечения интеграции постоянно действующих органов управления (с постоянным действующим аппаратом управления) с элементами наднациональности.

2. Анализируя этапы формирования и развития институциональных основ интеграционных образований на постсоветском пространстве, можно сделать вывод, что в период развития таких интеграционных образований их институциональная система прошла путь от системы управления, использующей классические международно-правовые методы принятия решений, основанные на суверенном консенсусе государств, до исторически более оправданной модификации органов управления, сочетающей в себе как международно-правовые, так наднациональные методы регулирования правоотношений в сфере интеграции.

3. ЕАЭС и ТС в отличие от СНГ (которое не является наднациональной организацией) имеют явные признаки наднациональности (которые, тем не менее, могут быть нивелированы сведением механизма принятия решений неконсенсуальными методами до уровня консенсуса в случае категорического несогласия сторон с принимаемыми решениями). ЕврАзЭС, скорее всего, занимает промежуточное положение по данному критерию.

4. Вопросы разграничения сфер компетенций между организацией и ее членами, их детализация и конкретизация, а также поиск оптимального соотношения международно-правовых и наднациональных механизмов регулирования данных правоотношений, заключающихся, прежде всего, в механизме выработки решений органами интеграции, становятся ключевыми.

5. Необходимость снижения уровня принятия решений по отдельным специфическим вопросам оперативного управления интеграцией, придания им прямого действия, обязательной юридической силы и приоритета перед национальными актами видится актуальной.

6. Положительный, равно как и отрицательный, опыт развития организационно-правовых структур ЕС (Европейских сообществ), МЕРКОСУР, организаций интеграции на постсоветском пространстве должен быть максимально обобщен, проанализирован и в обязательном порядке учтен в процессе совершенствования институциональной структуры ЕАЭС. В этой связи стоит согласиться с мнением Ю. Н. Кавешникова, что, сопоставляя институциональные структуры ЕС и ЕврАзЭС

(предшественника ТС, а затем и ЕАЭС), «никоим образом нельзя ставить знак равенства между "иная" и "плохая"», поскольку «...мно-

гие отличия вызваны объективными факторами и не могут считаться недостатками» [17, с. 20].

Список использованных источников

1. Барков, А. В. Правовой статус Евразийского экономического сообщества // Журн. рос. права. — 2003. — № 4. — С. 127—136.
2. Барковский, И. А. Некоторые аспекты правотворческой деятельности Содружества Независимых Государств / И. А. Барковский // Журн. междунар. права и междунар. отношений. — 2006. — № 4. — С. 9—14.
3. Бурганова, И. Н. Политическая интеграция на постсоветском пространстве: проблемы и перспективы: дис. ... канд. юрид. наук: 23.00.04 / И. Н. Бурганова. — СПб., 2006. — 189 л.
4. Выступление Президента Казахстана Н. Назарбаева в МГУ с лекцией «От идеи Евразийского союза — к новым перспективам евразийской интеграции» [Электронный ресурс] // Официальный сайт Президента Республики Казахстан. — 2014. — Режим доступа: <http://akorda.kz/ru/page/page_216601_vystuplenie-prezidenta-respubliki-kazakhstan-p-a-nazarbaeva-v-moskovskom-gosudarstvennom-universit>. — Дата доступа: 10.02.2015.
5. Гвозденко, Д. В. Международная торгово-экономическая интеграция как фактор экономического роста (на примере стран СНГ): дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.10 / Д. В. Гвозденко. — М., 2004. — 212 л.
6. Гошин, В. А. Таможенное законодательство Таможенного союза: современное состояние и основные направления совершенствования / В. А. Гошин // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. — 2013. — № 13. — С. 26—29.
7. Джамалдинов, С. А. Международные экономические договоры в рамках СНГ и их применение в правовых системах государств-участников: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.10 / С. А. Джамалдинов. — СПб., 2005. — 196 л.
8. Договор об углублении интеграции в экономической и гуманитарной областях от 29 марта 1996 г. [Электронный ресурс] // Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации. — Режим доступа: <<http://docs.cntd.ru/document/1901125>>. — Дата доступа: 13.03.2015.
9. Договор об учреждении Евразийского экономического сообщества от 10 окт. 2000 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2002. — № 7. — С. 2031—2038.
10. Договор о Евразийской экономической комиссии [Электронный ресурс] // Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации. — Режим доступа: <<http://docs.cntd.ru/document/902315502>>. — Дата доступа: 13.03.2015.
11. Договор о Евразийском экономическом союзе [Электронный ресурс] // Евразийская экономическая комиссия. — Режим доступа: <<http://www.eurasiancommission.org/ru/Lists/EECDocs/635375701449140007.pdf>>. — Дата доступа: 13.03.2015.
12. Договор о зоне свободной торговли [Электронный ресурс] // Официальный сайт Исполнительного комитета СНГ. — Режим доступа: <<http://cis.minsk.by/reestr/ru/index.html#reestr/view/summary?doc=3183>>. — Дата доступа: 13.03.2015.
13. Договор о создании единой таможенной территории и формировании Таможенного союза от 6 окт. 2007 г. [Электронный ресурс] // Евразийский экономический союз. — Режим доступа: <<http://evrazes.com/docs/view/75>>. — Дата доступа: 13.03.2015.
14. Договор о создании Экономического союза от 24 сент. 1993 г. // Бюл. междунар. договоров. — 1995. — № 1. — С. 3—11.
15. Договор о Таможенном союзе и Едином экономическом пространстве от 26 февр. 1999 г. [Электронный ресурс] // Евразийская экономическая комиссия. — Режим доступа: <http://www.tsouz.ru/Docs/IntAgrmnts/Pages/Dogovor_26021999.aspx>. — Дата доступа: 13.03.2015.
16. Заварзина, В. В. Совершенствование международно-правового статуса таможенных союзов: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.10 / В. В. Заварзина. — М., 2009. — 202 л.
17. Кавешников, Н. Ю. Развитие институциональной структуры Евразийского экономического сообщества / Н. Ю. Кавешников // Евраз. экон. интеграция. — 2011. — № 2. — С. 19—35.
18. Калачян, К. К. Экономическая интеграция государств — участников Содружества Независимых Государств на фоне глобализации мировой экономики (международно-правовые проблемы): дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.10 / К. К. Калачян. — М., 2003. — 170 л.
19. Кембаев, Ж. М. Международная экономическая интеграция: разновидности и некоторые основные закономерности / Ж. М. Кембаев // Журн. рос. права. — 2008. — № 10. — С. 109—117.
20. Кембаев, Ж. М. О правовых вопросах интеграционных процессов на евразийском пространстве / Ж. М. Кембаев // Современное право. — 2011. — № 9. — С. 90—98.
21. Королев, М. А. Наднациональность с точки зрения международного права / М. А. Королев // Москов. журн. междунар. права. — 1997. — № 2. — С. 3—20.
22. Лепешков, Ю. А. К вопросу о соотношении государственного суверенитета и наднациональности в международном праве / Ю. А. Лепешков // Беларусь в современном мире: материалы X Междунар. науч. конф., посвящ. 90-летию образования БГУ, Минск, 29 окт. 2011 г. / редкол.: В. Г. Шадурский [и др.]. — Минск: Изд. центр БГУ, 2011. — С. 91—93.
23. Манов, Б. Г. Принцип наднациональности в деятельности межгосударственных объединений / Б. Г. Манов // Вестн. межпарламент. ассамблеи. — 2000. — № 2 (25). — С. 140—142.
24. Михалева, Н. А. Правовые проблемы создания Союзного государства России и Беларуси / Н. А. Михалева // Государство и право. — 2002. — № 6. — С. 14—21.
25. О Договоре о Таможенном кодексе таможенного союза: решение Межгосударственного совета Евразийского экономического сообщества от 27 нояб. 2009 г. № 17 [Электронный ресурс] // Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации. — Режим доступа: <<http://docs.cntd.ru/document/902198438>>. — Дата доступа: 13.03.2015.
26. Попов, М. С. Правовой статус международных экономических организаций: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.10 / М. С. Попов. — М., 2006. — 219 л.
27. Протокол о порядке вступления в силу международных договоров, направленных на формирование договорно-правовой базы Таможенного союза, выхода из них и присоединения к ним от 6 окт. 2007 г. // Бюл. междунар. договоров. — 2011. — № 7. — С. 8—10.
28. Ремезова, Н. А. Международно-правовые проблемы совершенствования экономической интеграции в рамках СНГ и ЕвразЭС: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.10 / Н. А. Ремезова. — М., 2008. — 185 л.

29. Рыжов, В. Б. Международно-правовые модели региональных интеграционных объединений (на примере Европейского союза, МЕРКОСУР и ЕврАзЭС): дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.10 / В. Б. Рыжов. — М., 2007. — 231 л.
30. Статут Суда Евразийского экономического сообщества от 5 июля 2010 г. [Электронный ресурс] // Суд Евразийского экономического сообщества. — Режим доступа: <<http://sudevtazes.org/main.aspx?queueid=19121.html>>. — Дата доступа: 13.03.2015.
31. Стоякин, С. Г. Международно-правовые проблемы интеграции государств — участников Содружества Независимых Государств: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.10 / С. Г. Стоякин. — М., 2008. — 166 л.
32. Убайдуллоев, М. Об основных направлениях деятельности Межпарламентской ассамблеи Евразийского экономического сообщества и перспективах ее развития: докл. на заседании Бюро МПА ЕврАзЭС, 31 окт. 2007 г. // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. — 2008. — № 3. — С. 6—9.
33. Устав Содружества Независимых Государств [Электронный ресурс] // Официальный сайт Исполнительного комитета. — Режим доступа: <<http://www.cis.minsk.by/page.php?id=180>>. — Дата доступа: 13.03.2015.
34. Шиббаева, Е. А. К вопросу о наднациональности межправительственных организаций универсального характера / Е. А. Шиббаева // Москов. журн. междунар. права. — 1992. — № 4. — С. 42—47.
35. Шумский, Н. Н. Институциональные механизмы интеграции в Содружестве Независимых Государств / Н. Н. Шумский // Журн. междунар. права и междунар. отношений. — 2014. — № 1. — 80—87.
36. Шумский, Н. Н. Интеграция постсоветских государств: возможности и перспективы развития / Н. Н. Шумский // Белорус. журн. междунар. права и междунар. отношений. — 2000. — № 3. — С. 85—95.
37. Шумский, В. Н. Формирование нормативно-правовой базы СНГ / В. Н. Шумский // Журн. рос. права. — 1998. — № 9. — С. 41—46.
38. Ярышев, С. Н. Сравнительно-правовой анализ интеграционных механизмов в рамках Европейского союза и Евразийского экономического сообщества / С. Н. Ярышев, Е. Т. Байльдинов // Москов. журн. междунар. права. — 2014. — № 4. — С. 59—73.

«Становление и развитие институциональных механизмов обеспечения евразийской экономической интеграции» (Василий Голуб)

В статье рассматриваются этапы становления и закономерности развития институциональных основ интеграционного пространства государств — участников СНГ, включая структуру органов, обеспечивающих функционирование интеграционных образований, порядок принятия и принцип действия их решений, наличие в их структуре элементов наднациональности. Анализируется влияние конфигурации институциональных основ интеграционного пространства на динамику интеграционных процессов.

«Formation and Development of Institutional Mechanisms for the Eurasian Economic Integration» (Vasili Holub)

The article covers the stages of formation and development of the institutional basis of the integration space of CIS member states, including the structure of the bodies, which ensure the operation of the integration structures, the procedure for making decisions and the operating principle of their decisions and the presence of supranational elements in their structure. The influence of the integration space institutional basis on the integration processes dynamics is analysed.

Статья поступила в редакцию в марте 2015 г.

ДА ВЫХАДУ Ў СВЕТ 10-ТОМНАГА ВЫДАННЯ «ЗНЕСНЯ ПАЛІТЫКА БЕЛАРУСІ: ЗБОРНІК ДАКУМЕНТАЎ І МАТЭРЫЯЛАЎ»

Уладзімір Снапкоўскі

У канцы 2014 г. у Выдавецкім цэнтры БДУ выйшаў у свет 10-ты том выдання «Знешняя палітыка Беларусі: зборнік дакументаў і матэрыялаў», які ахоплівае перыяд 2006—2010 гг. Публікацыя гэтага шматтомнага выдання, якое першапачаткова меркавалася ўмясціць у 6 тамоў, на гэтым можа лічыцца часова завершанай. Інавацыйны даследчы праект, запланаваны пад 10-ты том, паспяхова завершаны, археаграфічнае адлюстраванне падзей у зборніку даведзена да апошніх гадоў. Даследчы праект наступнага 11-га тома (2011—2015 гг.) пакуль што не выспеў у галовах складальнікаў папярэдніх тамоў, хаця патрэба ў ім уяўляецца лагічнай і абгрунтаванай. Так што гэтае выданне, як мы мяркуем, будзе працягвацца, а пакуль што час падвесці вынікі таго, што зроблена. А зроблена сапраўды вялікая праца.

Публікацыя зборніка пачалася ў 1997 г. выхадам яго 1-га тома, які ахоплівае перыяд 1917—1922 гг. У далейшым на працягу 17 гадоў з сярэдняй перыядычнасцю каля двух гадоў выходзілі чарговыя тамы гэтага гісторыка-дыпламатычнага выдання. Найбольш працяглы перапынак у выданні адбыўся паміж 7-м (выйшаў у 2004 г.) і 8-м (выйшаў у 2008 г.) тамамі. Яго храналагічныя рамкі пашыраюцца амаль на цэлае стагоддзе, дакладней на 93 гады: ад 1917 да 2010 г. уключна.

Пэўным чынам адбыліся змены ў складзе ўстаноў, што выдавалі зборнік. На тытульным лісце 1-га тома прысутнічалі назвы такіх устаноў, як: Пастанная камісія Савета Рэспублікі Нацыянальнага сходу Рэспублікі Беларусь, Міністэрства замежных спраў Рэспублікі Беларусь, Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Беларускі навукова-даследчы інстытут дакументазнаўства і архіўнай справы (БелНДІДАС). Пры гэтым галоўнай установай, што рыхтавала выданне, з'яўляўся БелНДІДАС, паколькі тры з пяці складальнікаў тома (У. М. Міхнюк, У. К. Ракашэвіч, Я. С. Фалей) былі супрацоўнікамі гэтай установы. У наступных таммах (2-гі—5-ты) вядучая роля БелНДІДАС у выданні зборніка захавалася, а кіраўніком калектыву складальнікаў быў У. М. Міхнюк. 6-ты і 7-мы тамы былі падрыхтаваны двума складальнікамі, якія прадстаўлялі БелНДІДАС і БДУ: У. К. Ракашэвічам і А. В. Шарапам. Складальнікамі 8—10-га тамоў з'яўляюцца супрацоўнікі кафедры міжнародных

адносін БДУ У. Е. Снапкоўскі, А. В. Ціхаміраў, А. В. Шарапа (кіраўнік праекта). Трэба адзначыць, што апошні з'яўляецца адзінай асобай, што нязменна ўваходзіла ў шэраг складальнікаў усіх 10 тамоў. Увогуле, складальнікамі ўсяго выдання з'яўляецца адносна невялікі калектыв з 10 чалавек. У. М. Міхнюк і У. К. Ракашэвіч, якія ўнеслі значны ўклад у падрыхтоўку і публікацыю першых сямі тамоў зборніка, на жаль, заўчасна пайшлі з жыцця, не дачакаўшыся выхаду апошніх тамоў.

У беларускай гістарычнай літаратуры ўжо было некалькі рэцэнзій і водгукаў на выхад першага і наступных тамоў гэтага выдання. На публікацыю 1-га тома адгукнуліся Э. Ліпецкі і А. Слабодскі [4; 6]. Прытым апошні зрабіў гэта ўскосна ў рэцэнзіі на кнігі Р. Платонава і У. Міхнюка. Выхад 1-га тома А. Слабодскі назваў «сенсацыйным», паколькі за апошнія 80 гадоў у Беларусі не было аналагаў падобнага выдання. Па яго словах, 235 дакументаў і матэрыялаў зборніка даюць аб'ектыўную карціну барацьбы за дзяржаўную незалежнасць Беларусі. Рэцэнзент выказаў спадзяванне, што размова пра гэта выданне будзе актыўна весціся спецыялістамі ў галіне права, дзяржаўнага будаўніцтва, гісторыі міжнародных адносін [6, с. 290]. Аднак шырокага розгаласу публікацыя наступных тамоў не выклікала, нягледзячы на іх высокую запатрабаванасць спецыялістамі і шырокім колам чытачоў у Беларусі і за мяжой.

У 2002 г. М. Ф. Шумейка апублікаваў становачую рэцэнзію на першыя чатыры тамы выдання ў «Беларускім археаграфічным штогодніку» [8]. Пра гэтае ж выданне ён выказаўся ў сваім артыкуле аб дзейнасці Камітэта па архівах і справаходству Рэспублікі Беларусь у 2000—2001 гг. [9, с. 13]. З некалькімі крытычнымі заўвагамі наконт археаграфічнай культуры складальнікаў 1-га і 2-га тамоў выступіў Ю. У. Несцяровіч [5, с. 16—17]. На гэтым цікавасць рэцэнзентаў да наступных тамоў, паколькі нам вядома, вычарпалася. Гэта дае нам падставы выказаць свае думкі, меркаванні і ацэнкі як пра першыя тамы, так і пра ўсё 10-томнае выданне, не разглядаючы аднак дадзеную публікацыю як рэцэнзію на гэта выданне.

Усяго 10 тамоў змяшчаюць 1735 дакументаў і матэрыялаў, што складае ў сярэднім 173,5 адзінкі на адзін том. У аналізе

Аўтар:

Снапкоўскі Уладзімір Еўдакімавіч — доктар гістарычных навук, прафесар кафедры міжнародных адносін факультэта міжнародных адносін Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта

М. Ф. Шумейкі па першых чатырох тамах адзначана, што з 751 адзінкі дакументаў і матэрыялаў 333 узяты з архіваў (302 — з Нацыянальнага архіва Рэспублікі Беларусь, 31 — з Цэнтральнага дзяржаўнага архіва Літвы), 124 — з афіцыйных і перыядычных выданняў. У выніку 44 % дакументаў прадстаўлены архіўнымі крыніцамі, 16 % — публікацыямі ў афіцыйных і перыядычных выданнях. Сярэдні працэнт паўторна апублікаваных дакументаў (узятых са зборнікаў дакументаў і манаграфій) складае, паводле разлікаў М. Ф. Шумейкі, каля 40 %, што ацэньваецца ім не на карысць складальнікаў, якія, аднак, паўсюль спаслаліся на сваіх папярэднікаў і захавалі прыныцы навуковай этыкі. Рэцэнзент таксама са шкадаваннем канстатаваў адсутнасць у выданні дакументаў з расійскіх архіваў [8, с. 227].

5-ты і 6-ты тамы (1945—1991 гг.) уключаюць пераважна дакументы з Нацыянальнага архіва Рэспублікі Беларусь. У 5-м томе са 152 адзінак дакументаў і матэрыялаў 123 паходзяць з Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі, астатнія 29 — з афіцыйных і перыядычных выданняў. У 6-м томе томе з 99 адзінак дакументаў і матэрыялаў 81 паходзіць з Нацыянальнага архіва Рэспублікі Беларусь, 18 — з афіцыйных і перыядычных выданняў. Такім чынам, у гэтых двух тамах працэнт архіўных крыніц вельмі высокі. У 7-м томе няма архіўных крыніц, дакументы ўзяты з афіцыйных і перыядычных выданняў — Ведамасцей Вярхоўнага Савета Рэспублікі Беларусь, зборніка указаў Прэзідэнта, зборніка пастанаў Урада Рэспублікі Беларусь. Асноўная частка ўключаных у 8—10-ты тамы дакументаў і матэрыялаў выяўлена ў Весніку Міністэрства замежных спраў Рэспублікі Беларусь, Нацыянальным рэестры прававых актаў, на сайтах Прэзідэнта Рэспублікі Беларусь, Міністэрства замежных спраў Рэспублікі Беларусь, Міністэрства замежных спраў Расійскай Федэрацыі, Арганізацыі Аб'яднаных Нацый, у перыядычным друку, дакументальных выданнях.

5—7-мы тамы аказаліся беднаватымі на каментарыі і заўвагі. У 5-м томе іх 90, і яны даволі кароткія. У 6-м томе каментарыяў яшчэ менш, толькі 46, у 7-м томе іх колькасць скарацілася да 36. У гэтых тамах няма біяграм, якія былі ў папярэдніх 2—4-м тамах і якія зноў з'явіліся ў 8—10-м тамах. У 7-м томе з'явілася новая рубрыка «Спіс дакументаў, якія не друкуюцца», і ў яе было ўключана 93 назвы адпаведных дакументаў. У 8—10-м тамах гэты спіс значна павялічыўся. Напрыклад, у 9-м томе ў яго ўключаны 321 дакумент. Апошнія тры тамы выдзяляюцца большымі памерамі і лепшай паліграфічнай якасцю, асабліва 9-ты і 10-ты тамы, што выйшлі ў цвёрдай вокладцы і значна лепшым афармленні, чым папярэднія. Апошнія два тамы выгадна адрозніваюцца ад папярэдніх вялікім аб'ёмам «Уводзін», дзе падрабязна апісваюцца асноўныя тэматыч-

ныя блокі, што складаюць адпаведныя кнігі: у 9-м томе «Уводзіны» налічваюць 35 старонак, у 10-м томе — 19 старонак. Апошнія тры тамы змяшчаюць змястоўныя і падрабязныя заўвагі і каментарыі, куды ўключаны і біяграмы: у 8-м томе іх налічваецца 309 (с. 516—577), 9-м томе — 443 (с. 577—649), 10-м томе — 405 (с. 535—577).

Цяпер коратка спынімся на характарыстыцы зместу 5—10-га тамоў, якія яшчэ не сталі прадметам увагі рэцэнзентаў. 5-ты том ахоплівае самы вялікі храналагічны перыяд (1945—1975 гг.). У ім адлюстраваны ўдзел дэлегацый БССР ў рабоце ААН і яе спецыялізаваных устаноў, у тым ліку ўступленне рэспублікі ў шэраг з іх (ЮНЕСКА, Міжнародная арганізацыя працы, МАГАТЭ і інш.), далучэнне да міжнародных дагавораў і пагадненняў у галіне раззбраення, удзел у пасляваенным мірным урэгуляванні ў Еўропе. Вялікая колькасць дакументаў прысвечана адносінам і сувязям БССР з ПНР (рэпатрыяцыя насельніцтва, эканамічнае і культурнае супрацоўніцтва, прыгранічныя сувязі) і іншымі дзяржавамі. Шмат архіўных дакументаў публікуецца ўпершыню (аб рэпатрыяцыі, дзейнасці генеральных консульстваў ПНР і ГДР у Мінску, планы замежных сувязей абкамаў КПБ), другая частка ўключаных у том дакументаў Нацыянальнага архіва Рэспублікі Беларусь ужо была апублікавана ў іншых афіцыйных і перыядычных выданнях. Шэраг дакументаў не нясе значнай сэнсавай нагрузкі, і іх можна было б скараціць (напрыклад, удзел у кірмашах і выстаўках, правядзенне дзён культуры, стварэнне таварыстваў дружбы на пэўных прадпрыемствах і ва ўстановах). Замест іх было б пажадана даць толькі два выступленні двух міністраў замежных спраў БССР: К. В. Кісялёва на 1-й сесіі Генеральнай Асамблеі ААН у 1946 г. і А. Е. Гурыновіча як старшыні Савета Бяспекі ААН у 1974—1975 гг., калі БССР была непастаянным членам гэтага органа сусветнай арганізацыі. Яны добра перадаюць палітычную атмасферу тых часоў, як і ролю рэспублікі ў правядзенні знешняй палітыкі СССР. Ва «Уводзінах» гаворыцца пра праект рэзалюцыі БССР аб выдачы і пакаранні ваенных злачынцаў, унесены ў ААН у 1946 г. (с. 4), але самога тэксту рэзалюцыі Генеральнай Асамблеі не змяшчаецца.

Даволі блізка па змесце масіў матэрыялаў змяшчаецца ў 6-м томе, што ахоплівае перыяд з 1976 па верасень 1991 г. У ім публікуюцца ўрыўкі з Канстытуцыі СССР 1977 г. і Канстытуцыі БССР 1978 г., якія адлюстроўваюць знешнепалітычныя паўнамоцтвы цэнтра і рэспублік, цалкам прыводзіцца (упершыню) Палажэнне аб Міністэрстве замежных спраў БССР 1988 г. з яго супярэчлівымі сцвярджэннямі аб тым, што яно «ў сваёй дзейнасці падпарадкоўваецца як Савету Міністраў БССР, так і Міністэрству замежных

спраў СССР» (дак. № 82). Змешчаны шматлікія архіўныя дакументы аб развіцці эканамічнага і навукова-тэхнічнага супрацоўніцтва БССР з замежнымі краінамі (пераважна гэта рашэнні ЦК КПБ і Савета Міністраў БССР), а таксама аб развіцці замежных дружалюбных сувязей, што ажыццяўлялі партыйныя, савецкія і грамадскія арганізацыі рэспублікі. У зборніку знайшлі адлюстраванне і змены, што адбыліся ў кіраўніцтве і рэгуляванні знешнепалітычнай дзейнасці і замежных сувязей БССР у гады перабудовы (пастановы ЦК КПБ аб перабудове сістэмы выездаў за мяжу, Закон «Аб асновах знешнеэканамічнай дзейнасці БССР» і інш.). Змешчаны (толькі ва ўрыўках) Дэкларацыя аб дзяржаўным суверэнітэце БССР ад 27 ліпеня 1990 г., закон аб наданні ёй статуса канстытуцыйнага закона ад 25 жніўня 1991 г. і закон аб назве дзяржавы ад 19 верасня 1991 г. Аднак, на жаль, складальнікі не ўключылі ў том такія важныя дакументы, як заява Прэзідэнта Вярхоўнага Савета БССР па віленскім пытанні ад 29 сакавіка 1990 г. ці пастанова Вярхоўнага Савета БССР «Аб забеспячэнні палітычнай і эканамічнай самастойнасці Беларускай ССР» ад 25 жніўня 1991 г., якая разам з законам аб наданні статуса канстытуцыйнага закона Дэкларацыі аб дзяржаўным суверэнітэце БССР азначала абвясчэнне незалежнасці Беларусі.

7-мы том ахоплівае лёсавызначальны перыяд у гісторыі Беларусі (верасень 1991—1995 гг.) і прысвечаны станаўленню незалежнай беларускай дзяржавы і яе знешняй палітыцы, што пацвярджаюць змешчаныя ў томе дакументы і матэрыялы. Яны адлюстроўваюць фарміраванне асноў знешняй палітыкі Рэспублікі Беларусь як да падпісання пагадненняў аб стварэнні СНД, так і ў наступныя гады, удзел нашай краіны ў інтэграцыйных працэсах на пост-савецкай прасторы, развіццё двухбаковых адносін з замежнымі дзяржавамі шляхам перш за ўсё стварэння дагаворна-прававой базы, уступленне Беларусі ў новыя міжнародныя арганізацыі. Адпаведныя дакументы паказваюць знешнепалітычныя прыярытэты новай незалежнай дзяржавы: адносіны з Расіяй і іншымі краінамі СНД, суседнімі дзяржавамі, вядучымі дзяржавамі Захаду і Сусветнага Поўдня, развіццё шматбаковай дыпламатыі. Разам з тым шэраг важных дакументаў па знешняй палітыцы Рэспублікі Беларусь аказаўся не прадстаўленым у томе: Дагавор аб дзяржаўнай мяжы з Латвіяй ад 21 лютага 1994 г, Дагавор аб устанавленні дзяржаўнай мяжы з Літвой ад 6 лютага 1995 г., Дагавор аб аб'яднанні грашовых сістэм Рэспублікі Беларусь і Расійскай Федэрацыі ад 12 красавіка 1994 г., Мемарандум аб гарантыях бяспекі Рэспублікі Беларусь ад 5 снежня 1994 г. Прыкрай памылкай складальнікаў 6-га і 7-га тамоў з'явілася ўключэнне ў іх двойчы аднаго і таго ж дакумента: закона аб назве Беларускай ССР ад 19 верасня 1991 г.

На нашу думку, пэўным упушчэннем складальнікаў 5—7-га тамоў з'яўляецца захапленне міжнародна-прававой і дагаворна-прававой тэматыкай, у выніку чаго аказаліся добра прадстаўленымі міжнародныя дагаворы і пагадненні БССР/Рэспублікі Беларусь, унутрыдзяржаўныя законы, пастановы, указы, пратаколы, палажэнні; з другога боку, недастаткова адлюстраваны пытанні знешнепалітычнай дзейнасці БССР і знешняй палітыкі і дыпламатыі Рэспублікі Беларусь, у тым ліку праз прызму дзейнасці кіраўнікоў дзяржавы і Міністэрства замежных спраў.

Падобных хібаў пастараўся пазбегнуць абноўлены састаў складальнікаў 8—10-га тамоў, дзе, як нам уяўляецца, збалансавана прадстаўлены асноўныя тэматычныя блокі пытанняў знешняй палітыкі беларускай дзяржавы: яе канстытуцыйна-прававыя асновы, дзейнасць галоўных органаў дзяржаўнай улады (прэзідэнта, урада, парламента) па ажыццяўленні двухбаковых і шматбаковых адносін Беларусі на міжнароднай арэне. У матэрыялах зборніка адлюстраваны такія важнейшыя дакументы па беларускай знешняй палітыцы, як Канцэпцыя нацыянальнай бяспекі Рэспублікі Беларусь (2001 і 2010 гг.), Ваенная дактрына Рэспублікі Беларусь 2002 г., Закон «Аб зацвярджэнні асноўных кірункаў унутранай і знешняй палітыкі Рэспублікі Беларусь» 2005 г.

У зборніку змешчаны шэраг дакладаў, выступленняў і інтэрв'ю Прэзідэнта Рэспублікі Беларусь па пытаннях знешняй палітыкі Беларусі і міжнародных адносін, у тым ліку праграмны даклад «Знешняя палітыка Беларусі ў новым свеце» ад 22 ліпеня 2004 г., знешнепалітычныя раздзелы прэзідэнцкіх дакладаў на 1—4-м Усебеларускіх сходах і Штогадовых пасланьняў да беларускага народа і Нацыянальнага сходу, выступленні на нарадах з кіраўнікамі беларускіх замежных дыпламатычных устаноў, міжнародных форумах і сустрэчах. Дастанкова поўна адлюстравана дзейнасць Міністэрства замежных спраў па канкрэтных кірунках знешняй палітыкі і дыпламатыі, у тым ліку ў сферы гандлю і культуры.

Значны масіў дакументаў і матэрыялаў прысвечаны двухбаковым сувязям Беларусі з замежнымі дзяржавамі, сярод якіх прыярытэтным кірункам засталіся адносіны з Расійскай Федэрацыяй. Змешчаныя ў зборніку дакументы адлюстроўваюць як дасягненні на шляху збліжэння дзвюх краін і народаў, так і цяжкасці і нават канфліктныя сітуацыі, з якімі сутыкнуліся дзяржавы-саюзніцы ў палітычнай і эканамічнай сферах. Найбольш рэпрэзентатыўна гэта тэматыка прадстаўлена ў 9-м і асабліва ў 10-м тамах. Рознабаковыя сувязі з іншымі краінамі СНД раскрыты праз публікацыю дагавораў аб дружбе і супрацоўніцтве, пагадненняў ў канкрэтных

галінах супрацоўніцтва, паведамленняў аб сустрэчах кіраўнікоў дзяржаў і ўрадаў у двухбаковым і шматбаковым фармаце. Праз тэксты адпаведных дакументаў афіцыйнага Мінска паказаны адносінны Беларусі з дзяржавамі Захаду і Сусветнага Поўдня, яе ўдзел у міжнародных арганізацыях і структурах (ААН і яе спецыялізаваныя ўстановы, АБСЕ, Рух недалучэння і інш.).

Амаль усе дакументы і матэрыялы 7–10-га тамоў паходзяць з беларускіх афіцыйных крыніц ці перыядычных выданняў. Выключэнне складаюць некалькі дакументаў у 9-м і 10-м тамах. Дакументы № 84, 142, 194, 202, 220, 226 з 9-га тома паходзяць з Адміністрацыі Прэзідэнта, Міністэрства замежных спраў і Фэдэральнай службы бяспекі Расійскай Федэрацыі і адлюстроўваюць пазіцыю гэтай краіны па пытаннях перспектывы адносін з Беларуссю, газавага канфлікту і пагрозы аксамітавай рэвалюцыі ў Беларусі. У 10-м томе — два дакументы расійскага паходжання (№ 124 і 127), якія датычацца так званай «малочнай вайны» 2009 г., і падпісаная Беларуссю Дэкларацыя саміту Усходняга партнёрства ад 7 мая 2009 г. (дак. № 121), не змешчаная аднак у афіцыйных беларускіх дакументах.

Як адзначалася, для апошніх тамоў распрацаваны падрабязныя каментарыі, якія складаюцца з тэматычных артыкулаў і біяграм. Каментарыі, дарэчы, маюць скразны характар, што дазваляе адсылаць да адпаведных тэм ці біяграм, змешчаных у ранейшых тамах. У 10-м томе (раздзел «Уводзіны») пададзены спасылкі на каментарыі ў ранейшых тамах выдання (5-м, 7–9-м).

М. Ф. Шумейка ў вышэй згаданай рэцэнзіі на першыя чатыры тамы выдання «Знешняя палітыка Беларусі: зборнік дакументаў і матэрыялаў» высока ацаніў яго як «сур’ёзную фундаментальную публікацыю», «першую археаграфічную публікацыю дакументаў дыпламатычнай гісторыі Беларусі ў форме серыі» [8, с. 225]. Па яго словах, калектыву складальнікаў на чале з прафесарам У. М. Міхнюком выканаў вялікую і надзвычай карысную работу па выяўленні і ўключэнні ў навуковы аб’ект значнага масіву арыгінальных крыніц, якія будуць запатрабаваныя як даследчыкамі, так і шырокім колам чытачоў. Пры гэтым аднак была выказана заўвага наконт малога тыражу выдання (200 экз.), які пазней ўвогуле зменшыўся да 100 экз. Рэцэнзент падкрэсліў высокі навуковы ўзровень публікацыі, якая «ўзбагачае як айчынную гістарыяграфію, так і археаграфію» [8, с. 227–228].

Пагадзімся з выказанымі ацэнкамі аб тым, што гэта выданне не мае аналагаў у беларускай археаграфіі, хаця пэўныя традыцыі публікацыі міжнародных дагавораў і пагадненняў Беларускай ССР, матэрыялаў аб яе знешнепалітычнай дзейнасці былі назапашаны ў рэспубліцы ў 1960–1980-я гады [1–3]. Праўда, гэтыя пра-

цы не мелі строга навуковага характару, аб чым сведчыла адсутнасць каментарыяў і паказальнікаў.

Калі ацэньваць зробленую складальнікамі 10-томніка працу ў міжнародным навуковым кантэксце, то трэба адзначыць, што беларускія даследчыкі апырэдзілі сваіх калег з суседніх дзяржаў па хуткасці адлюстравання найноўшых падзей у апошніх тамах выдання, давёўшы яго, як адзначалася, да канца 2010 г. Аналагічнае выданне Міністэрства замежных спраў Расійскай Федэрацыі «Внешняя политика России: сборник документов», кожны том якога ахоплівае адзін год, спынілася на 2004 г. (выйшаў у 2008 г.). У Польшчы распачата вялікая праца па публікацыі трох серый дакументаў, прысвечаных польскай знешняй палітыцы ў XX ст. Першая серыя пачынаецца з 1918 г., другая — з 1939 г., трэцяя — з 1957 г. Апошнія тамы трэцяй серыі ахопліваюць канец 1970-х гг. Серыйных публікацый дакументаў па знешняй палітыцы сучаснай Польшчы (III Рэчы Паспалітай) няма. Тое ж самае можна сказаць пра Украіну, Літву і Латвію, дзе пакуль што не распачата праца па стварэнні серыйных дакументальных выданняў пра знешнюю палітыку гэтых дзяржаў у постсавецкі перыяд. Такім чынам, беларуская гістарыяграфія, крыніцазнаўства і археаграфія міжнародных адносін і знешняй палітыкі Беларусі перыяду XX — пачатку XXI ст. можа ганарыцца тым, што падрыхтаванае і апублікаванае вучонымі БДУ і БелНДДАС 10-томнае выданне дакументаў і матэрыялаў па знешняй палітыцы Беларусі даведзена да апошніх гадоў. У гэтым сэнсе наша гісторыка-дыпламатычнае выданне не мае аналагаў па меншай меры ў суседніх дзяржавах, стан спраў якіх у гэтым кірунку намі ахарактарызаваны вышэй.

Вышэй сказанае дае падставы характарызаваць завершанае 10-томнае выданне дакументаў па знешняй палітыцы Беларусі як важную і значную падзею ў гістарычнай навуцы Рэспублікі Беларусь увогуле і ў гісторыка-дыпламатычных даследаваннях беларускіх вучоных у прыватнасці. Публікацыя знайшла зацікаўленых чытачоў сярод студэнтаў, аспірантаў, дактарантаў, выкладчыкаў, навуковых работнікаў, дыпламатаў, дзяржаўных служачых, усіх аматараў знешнепалітычнай гісторыі Беларусі ў краіне і за мяжой.

Завершаны 10-томнік — гэта не адзінае дасягненне беларускіх даследчыкаў гісторыі знешняй палітыкі і дыпламатыі Беларусі. Да яго трэба далучыць яшчэ два дакументальныя выданні, апублікаваныя ў апошнія гады калектывам супрацоўнікаў кафедры міжнародных адносін БДУ разам з вучонымі іншых навучальных і навуковых устаноў рэспублікі. Гэта работа «Беларусь у палітыцы суседніх і заходніх дзяржаў (1914–1991 гг.): зборнік дакументаў і матэрыялаў у 4 тамах» і публікацыя «Государственные границы Беларуси (1917–2010 гг.):

сборник документов и материалов в 2 томах». Можна толькі пашкадаваць, што і гэтыя працы выдадзены малым тыражом, а першая з іх увогуле мізэрным — усяго 50 экз.

Зроблены беларускімі гісторыкамі і архівістамі прарыў у справе публікацыі дакументаў і матэрыялаў па знешнепалітычнай гісторыі Беларусі перыяду ХХ — пачатку ХХІ ст. пацвярджае выказаную намі дум-

ку аб фарміраванні беларускай нацыянальнай школы міжнародных даследаванняў [7]. А што датычыцца выдадзеных 16 тамоў трох згаданых вышэй публікацый, то яны складаюць багатую даследчую базу для палітычных манаграфічных распрацовак па найноўшай гісторыі Беларусі, у тым ліку ў знешнепалітычнай, дзяржаўна-прававой, ваеннай, грамадска-палітычнай і іншых галінах.

Пералік тамоў зборніка з бібліяграфічным апісаннем

1. *Знешняя палітыка Беларусі: зборнік дакументаў і матэрыялаў. Т. 1: 1917—1922 гг. / склад.: У. М. Міхнюк, У. К. Ракашэвіч, Я. С. Фалей, А. В. Шарапа, С. А. Шупа; Пастанная камісія Савета Рэспублікі Нацыянальнага сходу Рэспублікі Беларусь па міжнародных справах і нацыянальнай бяспецы, Міністэрства замежных спраў Рэспублікі Беларусь, Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Беларускі навукова-даследчы інстытут дакументазнаўства і архіўнай справы.* — Мінск: БелНДЦДАС, 1997. — 398 с.

Рэдакцыйная калегія: І. І. Антановіч (старшыня), У. М. Міхнюк, У. К. Ракашэвіч, М. І. Чаргінец, В. В. Цэпкала, А. В. Шарапа.

Зборнік уключае дакументы і матэрыялы, якія паказваюць геапалітычнае становішча Беларусі ў перыяд ад Лютаўскай (1917 г.) рэвалюцыі ў Расіі да ўтварэння СССР, адносіны суседніх краін і дзяржаў свету да праблемы нацыянальна-дзяржаўнага вызначэння беларускага народа, характарызуюць яго пакутлівы лёс у перыяд рэвалюцыі і грамадзянскай вайны, нямецкай і польскай акупацыі, сведчаць аб вялікіх намаганнях лідэраў нацыянальнага руху па стварэнні самастойнай і незалежнай Беларускай Рэспублікі.

2. *Знешняя палітыка Беларусі: зборнік дакументаў і матэрыялаў. Т. 2: 1923—1927 гг. / склад.: У. М. Міхнюк, У. К. Ракашэвіч, Я. С. Фалей, А. В. Шарапа; Міністэрства замежных спраў Рэспублікі Беларусь, Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Беларускі навукова-даследчы інстытут дакументазнаўства і архіўнай справы.* — Мінск: б. м. в., 1999. — 461 с.

Рэдакцыйная калегія: І. І. Антановіч (старшыня), У. М. Міхнюк (нам. старшыні), П. І. Брыгадзін, У. К. Ракашэвіч, Я. С. Фалей, У. В. Фядосаў, А. В. Шарапа.

Дакументы і матэрыялы другога тома адлюстроўваюць геапалітычнае і знешнепалітычнае становішча БССР і яе статус у складзе СССР, выкананне ўмоў Рыжскага дагавора, праблемы гісторыі Віленшчыны і віленскага канфлікту, першага і другога ўзбуйнення БССР у 1920-я гг.

3. *Знешняя палітыка Беларусі: зборнік дакументаў і матэрыялаў. Т. 3: 1928 г. — чэрвень 1941 г. / склад.: У. М. Міхнюк, У. К. Ракашэвіч, Я. С. Фалей, А. В. Шарапа; Міністэрства замежных спраў Рэспублікі Беларусь, Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Беларускі навукова-даследчы інстытут дакументазнаўства і архіўнай справы.* — Мінск: б. м. в., 2001. — 321 с.

Рэдакцыйная калегія: У. Р. Латыпаў (старшыня), У. М. Міхнюк (нам. старшыні), У. К. Ракашэвіч, У. В. Фядосаў, А. В. Шарапа.

Дакументы і матэрыялы трэцяга тома раскрываюць знешнепалітычныя, эканамічныя і культурныя сувязі БССР у канцы 1920-х — пачатку 1940-х гг., іх істотнае зортванне ў часы ўсталявання і ўмацавання таталітарнага рэжыму ў Савецкім Саюзе. Шэраг дакументаў адлюстроўвае падтрымку БССР рэвалюцыйнага і нацыянальна-вызваленчага руху ў Заходняй Беларусі і яе ўз'яднанне з БССР, а таксама драматычныя падзеі, звязаныя з рэалізацыяй пакта Молатава — Рыбентрапа і сакрэтнага пратакола да яго ад 23 жніўня 1939 г., перадачу Віленшчыны са складу БССР у склад Літоўскай Рэспублікі.

4. *Знешняя палітыка Беларусі: зборнік дакументаў і матэрыялаў. Т. 4: чэрвень 1941 г. — жнівень 1945 г. / склад.: Н. М. Дзятчык, У. М. Міхнюк, У. К. Ракашэвіч, В. Дз. Селяменей, А. В. Шарапа, І. Г. Яцкевіч; Міністэрства замежных спраў Рэспублікі Беларусь, Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Беларускі навукова-даследчы інстытут дакументазнаўства і архіўнай справы.* — Мінск: БДУ, 2001. — 394 с.

Рэдакцыйная калегія: У. Р. Латыпаў (старшыня), У. М. Міхнюк (нам. старшыні), У. К. Ракашэвіч, У. В. Фядосаў, А. В. Шарапа.

Дакументы і матэрыялы чацвёртага тома адлюстроўваюць планы фашысцкай Германіі ў адносінах да Беларусі і яе адміністрацыйна-тэрытарыяльнага падзелу, устанавленне акупацыйнага рэжыму і правядзенне палітыкі генацыду ў гады Вялікай Айчыннай вайны, паказваюць дзейнасць партыйных і савецкіх органаў па арганізацыі абароны краіны, разгортванні партызанскай і падпольнай барацьбы супраць акупантаў, па захаванні цэласнасці беларускай

дзяржавы і актывізацыі міжнародных сувязей пасля яе вызвалення і ўдзел БССР у стварэнні ААН. Пэўная частка дакументаў раскрывае дыпламатычныя і ваенныя перытеты драматычных польска-савецкіх і польска-беларускіх адносін па пытанні вызначэння беларуска-польскай граніцы ў гады вайны і пасля разгрому Германіі. Шэраг дакументаў адлюстроўвае пазіцыю беларускай калабарацыі, якая беспаспяхова шукала шляхі стварэння самастойнай нацыянальнай дзяржавы ва ўмовах фашысцкай акупацыі.

5. Знешняя палітыка Беларусі: зборнік дакументаў і матэрыялаў. Т. 5: Верасень 1945 г. — 1975 г. / склад.: У. М. Міхнюк, У. К. Ракашэвіч, А. В. Шарапа, І. Г. Яцкевіч; Міністэрства замежных спраў Рэспублікі Беларусь, Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Беларускі навукова-даследчы інстытут дакументазнаўства і архіўнай справы. — Мінск: Выд. цэнтр БДУ, 2002. — 344 с.

Рэдакцыйная калегія: М. М. Хвастой (старшыня), У. М. Міхнюк, У. К. Ракашэвіч, У. В. Фядосаў, А. В. Шарапа.

Дакументы і матэрыялы пятага тома зборніка адлюстроўваюць знешнепалітычную дзейнасць БССР у пасляваенны час, яе грамадска-палітычныя, эканамічныя і культурныя сувязі з замежнымі краінамі. Галоўным накірункам міжнароднай дзейнасці Беларусі ў адзначаны перыяд з'яўляўся яе ўдзел у рабоце Арганізацыі Аб'яднаных Нацый, аб чым сведчаць шматлікія дакументы тома.

6. Знешняя палітыка Беларусі: зборнік дакументаў і матэрыялаў. Т. 6: 1976 г. — верасень 1991 г. / склад.: У. К. Ракашэвіч, А. В. Шарапа; Міністэрства замежных спраў Рэспублікі Беларусь, Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Беларускі навукова-даследчы інстытут дакументазнаўства і архіўнай справы. — Мінск: Выд. цэнтр БДУ, 2003. — 335 с.

Рэдакцыйная калегія: М. М. Хвастой (старшыня), У. М. Міхнюк, У. К. Ракашэвіч, У. В. Фядосаў, А. В. Шарапа.

Дакументы і матэрыялы шостага тома зборніка адлюстроўваюць знешнепалітычную дзейнасць БССР у 1976—1991 гг. Гэта былі гады актыўнага ўдзелу рэспублікі ў дзейнасці міжнародных арганізацый сістэмы ААН, развіцця міжнародных эканамічных, навукова-тэхнічных і культурных сувязей з іншымі дзяржавамі.

7. Знешняя палітыка Беларусі: зборнік дакументаў і матэрыялаў. Т. 7: верасень 1991 г. — 1995 г. / склад.: У. К. Ракашэвіч, А. В. Шарапа; Міністэрства замежных спраў Рэспублікі Беларусь, Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Беларускі навукова-даследчы інстытут дакументазнаўства і архіўнай справы. — Мінск: Выд. цэнтр БДУ, 2004. — 479 с.

Рэдакцыйная калегія: С. М. Мартынаў (старшыня), У. М. Міхнюк, У. К. Ракашэвіч, У. В. Фядосаў, А. В. Шарапа.

Дакументы і матэрыялы сёмага тома зборніка адлюстроўваюць знешнепалітычную дзейнасць Рэспублікі Беларусь у верасні 1991—1995 г. У гэты перыяд заканадаўча быў замацаваны прыярытэт міжнароднага права над унутраным заканадаўствам. Як суверэнная дзяржава і суб'ект міжнароднага права Рэспубліка Беларусь самастойна заключала міжнародныя дагаворы і пагадненні, умацоўвала ўсебаковае супрацоўніцтва з іншымі дзяржавамі.

8. Знешняя палітыка Беларусі: зборнік дакументаў і матэрыялаў. Т. 8: 1996—2000 гг. / склад.: У. Е. Снапкоўскі, А. В. Ціхаміраў, А. В. Шарапа, У. К. Ракашэвіч; Міністэрства замежных спраў Рэспублікі Беларусь, Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт. — Мінск: Выд. цэнтр БДУ, 2008. — 639 с.

Рэдакцыйная калегія: С. М. Мартынаў (старшыня), У. Е. Снапкоўскі, А. В. Ціхаміраў, А. В. Шарапа.

Дакументы і матэрыялы восьмага тома зборніка адлюстроўваюць знешнепалітычную дзейнасць і міжнароднае становішча Рэспублікі Беларусь у 1996—2000 гг. У гэты перыяд знешняя палітыка Беларусі была накіравана на адстойванне нацыянальных інтарэсаў дзяржавы, стварэнне спрыяльных умоў для развіцця нацыянальнай эканомікі, пашырэнне супрацоўніцтва з замежнымі дзяржавамі і міжнароднымі арганізацыямі.

9. Знешняя палітыка Беларусі: зборнік дакументаў і матэрыялаў. Т. 9: 2001—2005 гг. / склад.: У. Е. Снапкоўскі, А. В. Ціхаміраў, А. В. Шарапа; Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Міністэрства замежных спраў Рэспублікі Беларусь. — Мінск: БДУ, 2013. — 688 с.

Рэдакцыйная калегія: С. М. Мартынаў (старшыня), У. Е. Снапкоўскі, А. В. Ціхаміраў, А. В. Шарапа.

Дзевяты том зборніка ўключае дакументы і матэрыялы, якія адлюстроўваюць знешнепалітычную дзейнасць Рэспублікі Беларусь у 2001—2005 гг., дзяржаўна-прававыя і канцэптואльныя асновы беларускай знешняй палітыкі, пазіцыі і падыходы дзяржаўнага кіраўніцтва па важнейшых пытаннях знешняй палітыкі краіны і міжнародных адносін, двухбаковыя адносіны Беларусі з замежнымі дзяржавамі і яе ўдзел у міжнародных арганізацыях.

10. *Знешняя палітыка Беларусі: зборнік дакументаў і матэрыялаў. Т. 10: 2006—2010 гг. / склад.: У. Е. Снапкоўскі, А. В. Ціхаміраў, А. В. Шарапа; Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Міністэрства замежных спраў Рэспублікі Беларусь. — Мінск: БДУ, 2014. — 607 с.*

Рэдакцыйная калегія: С. М. Мартынаў (старшыня), У. Е. Снапкоўскі, А. В. Ціхаміраў, А. В. Шарапа.

Дакументы і матэрыялы дзясятага тома зборніка адлюстроўваюць дзяржаўна-прававыя і канцэптуальныя асновы знешняй палітыкі Рэспублікі Беларусь у 2006—2010 гг., пазіцыі і падыходы дзяржаўнага кіраўніцтва па важнейшых пытаннях знешняй палітыкі краіны і міжнародных адносін, двухбаковыя адносіны Беларусі з замежнымі дзяржавамі і ўдзел Беларусі ў міжнародных арганізацыях.

Спіс выкарастаных крыніц

1. Белорусская ССР в международных отношениях: международные договоры, конвенции и соглашения Белорусской ССР с иностранными государствами (1944—1959) / ред. К. В. Киселев; сост. С. П. Маргунский, А. С. Зайцев. — Минск: Изд-во Акад. наук БССР, 1960. — 1050 с.
2. Белорусская ССР в международных отношениях: международные договоры, конвенции и соглашения БССР (1960—1980). — Минск: Беларусь, 1983. — 740 с.
3. За мир и сотрудничество между народами: участие БССР в 40-й Генеральной Ассамблеи ООН / сост. С. Н. Мартынов. — Минск: Беларусь, 1986. — 197 с.
4. Ліпецкі, Э. А. Кніга пра знешнюю палітыку Беларусі / Э. А. Ліпецкі // Весн. М-ва замеж. спраў Рэсп. Беларусь. — 1998. — № 1. — С. 157—158.
5. Несцяровіч, Ю. У. Некаторыя пытанні археаграфічнай культуры беларускіх дакументальных выданняў другой паловы 1990-х гадоў / Ю. У. Несцяровіч // Беларус. археаграфіч. штогоднік. — 2002. — № 3. — С. 14—21.
6. Слабодскі, А. Платонаў, Расціслаў П. Палітыкі. Ідзі. Лёсы. Мінск, 1996. 382; Міхнюк, Уладзімір М. Арыштаваць у высшыцы. Мінск, 1996. 149; Міхнюк В. Н. Антон Луцкевич. Материалы следственного дела НКВД БССР. Минск, 1997. 203; дадат. / А. Слабодскі // Беларус. гіст. агляд. — 1997. — Т. 4. Сш. 1-2 (6-7). — С. 285—290.
7. Снапкоўскі, У. Е. Аб беларускай школе міжнародных даследаванняў / У. Е. Снапкоўскі // Беларусь в современном мире: материалы VI Междунар. науч. конф., посвященной 86-летию Белорус. гос. ун-та, Минск, 30 окт. 2007 г. — Минск: БГУ, 2007. — С. 80—82.
8. Шумейко, М. Ф. Внешняя политика Беларуси в документах и материалах / М. Ф. Шумейко // Беларус. археаграфіч. штогоднік. — 2002. — № 3. — С. 223—228.
9. Шумейко, М. Ф. Деятельность Археографической комиссии Белкомархива в 2000—2001 гг. и перспективы ее развития / М. Ф. Шумейко // Беларус. археаграфіч. штогоднік. — 2002. — № 3. — С. 3—14.

«Да выхаду ў свет 10-томнага выдання "Знешняя палітыка Беларусі: зборнік дакументаў і матэрыялаў"» (Уладзімір Снапкоўскі)

У артыкуле распавядаецца аб завершаным у 2014 г. праекце па апублікаванню 10-томнага гісторыка-дакументальнага выдання «Знешняя палітыка Беларусі: зборнік дакументаў і матэрыялаў», першы том якога выйшаў у 1997 г. і ўключыў у сябе дакументы 1917—1922 гг. Апошні, 10-ты, том ахоплівае падзеі 2006—2010 гг. Гэта выданне падрыхтавана супрацоўнікамі кафедры міжнародных адносін факультэта міжнародных адносін Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, Беларускага навукова-даследчага інстытута дакументазнаўства і архіўнай справы пры ўдзеле спецыялістаў іншых устаноў рэспублікі. Аўтар, які з'яўляецца адным са складальнікаў і членаў рэдкалегіі апошніх тамоў выдання, ацэньвае публікацыю як важную падзею ў гістарычнай навуцы Рэспублікі Беларусь у цэлым і гісторыка-дыпламатычных даследаваннях беларускіх вучоных у прыватнасці. У артыкуле маюцца бібліяграфічныя дадзеныя аб усіх 10 тамах выдання.

«Towards the publication of the 10-volume edition "The Foreign Policy of Belarus: a Collection of Documents and Materials"» (Vladimir Snapkouski)

The article is devoted to the project completed in 2014 which involved publication of the 10-volume historical documentary edition «Foreign Policy of Belarus: a Collection of Documents and Materials», the first volume of which was issued in 1997 and included documents dated 1917—1922; the 10th volume covers the events between 2006 and 2010. This publication was prepared by the staff of the Department of International Relations of the Faculty of International Relations of Belarusian State University, the Belarusian Scientific Research Institute of Records Management and Information Science with the support of specialists from other national institutions. The author who is one of the co-compilers and members of the editorial board of the several last volumes assesses the publication as an important event in historical science of the Republic of Belarus in general and historical and diplomatic research of Belarusian scientists in particular. The article contains the bibliographic data about all 10 volumes of the edition.

Артыкул паступіў у рэдакцыю ў сакавіку 2015 г.

БЕЛОРУССКО-КИТАЙСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО (1992—2013 гг.)

Виталий Воронович

Развитие системы международных отношений в последние десятилетия свидетельствует о постоянном повышении значения в рамках диверсифицированного многостороннего взаимодействия Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР) и особенно одного его ключевых акторов — Китая. Тем более, что руководство КНР, наряду с наращиванием собственной политической мощи, для надежного укрепления безопасности на всех уровнях стремится заложить в базовое обеспечение соответствующих мероприятий принцип общности экономических, финансовых, военных и стратегических интересов с максимально возможным (разумеется, без ущерба для устойчивого развития собственно КНР) числом государств.

В данном контексте с учетом не имеющей аналогов емкости и значительных потребностей собственного рынка, сопровождающихся явным запросом на инновации и прорывные технологии в различных сферах (от сектора реального производства до государственного управления и военного менеджмента), являющаяся постоянным членом Совета Безопасности ООН Китайская Народная Республика вполне обоснованно на протяжении уже десятилетия неизменно является одним из приоритетных партнеров Республики Беларусь во внешней политике, а также военных, экономических, культурных, научно-образовательных контактах. Не случайно Президент Республики Беларусь А. Г. Лукашенко еще в 2011 г. официально заявил о том, что белорусское руководство «высоко оценивает достигнутый уровень доверия и взаимопонимания с великим Китаем» [8], и за истекший период ситуация в двусторонних отношениях не утратила наметившейся тогда ощутимой положительной динамики.

Принимая во внимание, что, как справедливо замечают эксперты, сегодня «путь развития Китая, скорость и направление развития, мировидение этой страны в высокой степени структурируют состояние международных отношений» [5, с. 7], а сотрудничество с ней в сочетании с участием в интеграционных процессах на постсоветском пространстве формирует необходимые предпосылки для успешного отстаивания белорусских национальных инте-

ресов в мировых политических и экономических институтах, гарантирования устойчивого развития и защиты безопасности, именно сейчас представляется целесообразным подвести промежуточные итоги белорусско-китайского сотрудничества, сосредоточившись не только на значительных достижениях, но также на неиспользованных резервах последнего, чему и посвящена настоящая статья.

Достижению заявленной цели способствовало изучение трудов отечественных и зарубежных ученых, аналитических, статистических и информационных материалов.

В частности, роль КНР в наблюдаемых на современном этапе изменениях системы международных отношений, научно-теоретической разработке и практической реализации качественно новых концепций безопасности рассматривается в работах А. М. Байчорова [3], О. Н. Быкова [4], В. В. Михеева [16; 17], М. Ю. Панченко [18] и ряда других специалистов. Вопросы трансформации внутренней и внешней политики Китая, факторы благоприятствования и ограничения, собственно форматы сотрудничества КНР с белорусской и российской сторонами оценивают Е. П. Бажанов [2], А. Д. Воскресенский [5; 6], В. А. Корсун [9], Л. Е. Криштапович и В. М. Мацель [10; 13—15], Д. Ю. Ледян [11], А. И. Салицкий [19], А. А. Свешников [20; 21], М. Л. Титаренко [22—24], С. М. Шамко [25].

При этом нельзя не согласиться с преобладающей в экспертном сообществе точкой зрения, согласно которой дальнейшему продолжению и углублению непосредственно белорусско-китайского сотрудничества по-прежнему способствует весьма динамично увеличивающаяся совокупность факторов — устойчивость политических систем и режимов обеих стран, несомненное совпадение базовых параметров государственных идеологий, очевидная близость принципов и главных направлений внешней политики, упрочение и диверсификация производственно-технологической и финансово-экономической кооперации, влияние все более мощных и разнообразных, благодаря различным проектам по культурным, образовательным, научным обменам, потоков «народной дипломатии», обоюдное стремление к налаживанию конструктивного вза-

Автор:

Воронович Виталий Валерьевич — кандидат исторических наук, доцент Военной академии Республики Беларусь

Рецензенты:

Русакович Андрей Владимирович — кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой дипломатической и консульской службы факультета международных отношений Белорусского государственного университета
Шимукович Сергей Фадеевич — кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой историко-культурного наследия Беларуси Республиканского института высшей школы

имодействия с партнерами на постсоветском пространстве, равно как незавершенность социально-экономических и политических преобразований.

Ко всему прочему в качестве фундаментальных принципов концепции внешней политики КНР провозглашены стремление к взаимному доверию и прагматизм на основе взаимной выгоды и равенства, понимание как вызова национальной безопасности «возрастающего гегемонизма и силовой политики США и некоторых других стран», «достижение экономических гарантий мира через взаимовыгодное сотрудничество и всеобщее процветание», на что справедливо обращают внимание ряд российских специалистов-международников (в частности, М. Ю. Панченко [18, с. 112]) и что также вполне согласуется с обозначенными и руководством Беларуси ориентирами.

В целом наблюдается совпадение политики наших стран в сфере внешней торговли, привлечения иностранных инвестиций и валютного регулирования, которое применительно к КНР специалисты характеризуют как «сочетание селективного и ограниченного "открытия" с жестким государственным контролем за его ходом и выраженным протекционизмом» [19, с. 72]. Однако, несмотря на создание еще в первой половине 1990-х гг. вполне приемлемого механизма двустороннего рабочего взаимодействия и координации определенных шагов на международной арене наших внешнеполитических ведомств, проведение регулярных консультаций их руководства (особенно после подписания в январе 1993 г. Пекинского меморандума о системном сотрудничестве в данном направлении), трудно не согласиться с В. М. Мацелем, что «в 1991—1994 гг. четкой, продуманной стратегии и тактики сотрудничества Республики Беларусь с государствами Северо-Восточной Азии у тогдашнего руководства страны не было» [13, с. 96], а это существенно и не самым лучшим образом сказывалось на результативности сотрудничества.

Нельзя не признать, что только после избрания Президентом Республики Беларусь А. Г. Лукашенко белорусско-китайскому диалогу был придан должный импульс и соответствующая «повестка дня» стала наполняться не привычными декларациями о намерениях, но, напротив, конкретными договоренностями и взаимовыгодными проектами в различных сферах (особенно в финансово-экономической, военно-технической и образовательной), планомерной и весьма серьезной поддержкой друг друга по широчайшему спектру вопросов (в частности, о признании результатов референдума по внесению изменений в Конституцию в ноябре 1996 г. и легитимности нового белорусского Парламента, о снижении взносов Беларуси в бюджет ООН и помощи международного сообщества в преодолении последствий аварии на ЧАЭС, о со-

вместном отстаивании соблюдения на практике международно-правового принципа недопустимости вмешательства во внутренние дела суверенных государств под предлогом защиты прав человека и нарушения территориальной целостности, о важности многополюсного мироустройства и проведения ориентированной на упреждение вооруженных конфликтов превентивной дипломатии, а также об обоюдной поддержке кандидатур представителей обеих стран на выборах в управляющие органы международных институтов и др.).

Предложенная автором периодизация белорусско-китайских отношений включает в себя три этапа:

1) 1991—1994 гг. (отличается спорадичностью, фрагментарностью и вынужденной ограниченностью контактов, крайне осторожным с учетом прежней весьма запутанной и сложной истории советско-китайских контактов началом создания диверсифицированной правовой базы отношений между государствами, что дополнительно осложнялось отсутствием опыта и первоначально излишним идеализмом и романтизмом во внешней политике молодого независимого белорусского государства, значительным числом внутренних проблем, требовавших безотлагательного решения (зачастую в ущерб соображениям стратегического характера));

2) 1995—2004 гг. (сопряжен с повышением интенсивности, последовательностью, большей регулярностью и доверительностью контактов на политическом уровне, регулярным использованием механизма двусторонних рабочих консультаций в различных областях, что в значительной мере стало возможным благодаря достигнутым в процессе первого официального визита в январе 1995 г. Президента Республики Беларусь А. Г. Лукашенко в Китай договоренностям, хотя и не повлекло столь же стремительного наращивания объемов взаимной торговли, устранения пробелов в сферах научно-технического, культурного и иного сотрудничества в сугубо гуманитарном и понятном гражданам обеих стран измерении).

При этом, в целом соглашаясь с подходами В. М. Мацеля, полагающего, что данный этап отмечен «постепенным выравниванием составляющих комплекса двусторонних отношений» [14, с. 12], считаем целесообразным обратить внимание не только на очевидное наращивание белорусской стороной усилий по увеличению собственного экспорта, но и на несомненный качественный прорыв именно в политической сфере и в области безопасности, возникновения и постоянного углубления взаимной заинтересованности, оказываемой друг другу значительной поддержки на международной арене;

3) 2005 г. — по настоящее время (дополняет предложенную ранее В. М. Мацелем периодизацию и характеризуется поступательным

и диверсифицированным характером развития двустороннего сотрудничества, реальным переходом к стратегическому партнерству в военно-политической и экономической сферах, берущего начало, пожалуй, с визита белорусского Президента в КНР в декабре 2005 г. и введенной затем практики регулярных обменов визитами и личного контроля руководителей государств реализации достигнутых договоренностей на высшем уровне).

Подобные акценты и особенно упомянутый выше режим личного участия и постоянного контроля процесса организации и совершенствования двустороннего взаимодействия на ближайшую перспективу при наличии некоторых неизбежных издержек все-таки представляются правильными и оправдывающими себя. Трудно отрицать тот факт, что, несмотря на перерастание наших отношений благодаря усилиям руководителей стран и дипломатов действительно в стратегическое партнерство, что отражено и в согласованной «повестке дня» межгосударственных отношений, и в актуальном дискурсе политических и экономических элит, а также вопреки внушительному и заслуживающему положительной оценки росту цифр двустороннего товарооборота в последние годы, имеющиеся достижения пока и на треть не перекрывают созидательный потенциал и колоссальные резервы соответствующего сотрудничества.

Трудно отрицать, что темпы развития товаропроводящей сети отечественных производителей в КНР увеличились, а непосредственно в Беларуси работают вполне успешные совместные предприятия и такие крупные корпорации, как Китайская железнодорожно-инженерная группа, Китайская компания по экспорту и импорту электрооборудования, «ZTE» и др., реализуются крупные инвестиционные проекты в энергетической (например, в сфере сотрудничества по модернизации белорусских ТЭЦ), транспортной, строительной областях.

Между тем, представляется, что наша торговля с КНР имеет значительный и пока не использованный в должной мере потенциал для развития взаимовыгодных контактов в различных сферах, особенно в части интенсификации сотрудничества в денежно-кредитной, космической и военно-технической областях. Этому, безусловно, способствуют вполне предельный и четко артикулированный интерес китайской стороны к запуску соответствующих совместных проектов (в том числе на белорусской территории), некоторая схожесть методологии, средств и форм государственного влияния в экономической сфере, равно как реальные возможности создания наряду с технопарками совместных центров промышленного внедрения результатов двусторонней научно-технической кооперации. В широком контексте, как следствие перечисленного, обозначен-

ные действия способны на практике ощутимо стимулировать дальнейшее продвижение политических и экономических позиций Республики Беларусь в чрезвычайно перспективном и динамично развивающемся регионе.

Относительно перспектив белорусско-китайского взаимодействия заметим, что одной из серьезнейших проблем двустороннего сотрудничества, несмотря на рост объемов двусторонней торговли только за последнее десятилетие в 7,7 раза [11, с. 93], остаются ощутимые диспропорции торгового баланса, поскольку на протяжении многих лет экспорт отечественной продукции в КНР традиционно в несколько раз уступал импорту.

В итоге с момента установления дипломатических отношений товарооборот вырос с 32 млн до 3 млрд дол. США, но 2,5 млрд из них — китайский импорт [1]. При этом статистические сведения и аналитические обзоры экспертов подтверждают, что в течение многих лет «основными статьями белорусского экспорта в Китай являлись калийные удобрения, капролактамы, карьерные самосвалы и запчасти к ним, электронные интегральные микросхемы и микросборки, металлопродукция, химическая продукция, продукция станко- и приборостроения» [25, с. 115]. В данном контексте положительно следует оценивать и постепенную диверсификацию номенклатуры поставляемой в Поднебесную продукции, и увеличение объемов отечественного экспорта на китайский рынок до 460,1 млн дол. США в 2013 г. [12]. Однако по-прежнему, согласно данным Белстата и оценкам специалистов в области внешнеэкономической деятельности, «товарная номенклатура импортируемых из Китая в Беларусь позиций в целом гораздо более разнообразна, чем импортируемых в КНР из Беларуси» [12]. В то же время положительно можно характеризовать обозначившуюся в 2013 г. тенденцию роста импорта из Китая аппаратуры связи и частей к ней (на 95,5 млн дол. по сравнению с 2012 г.), вычислительных машин для автоматической обработки информации (на 65,7 млн дол.), частей и принадлежностей машин для обработки информации (на 28,3 млн дол.) [12], что свидетельствует о переходе сотрудничества с КНР на качественно новую ступень, связанную с реальным осуществлением высокотехнологичных и подлинно инновационных проектов.

Однако еще не полностью использованы имеющиеся резервы взаимодействия в инвестиционной сфере, сотрудничества в области образования и науки, стимулирования инновационного предпринимательства и совместного производства наукоемкой продукции, предоставления высокотехнологичных услуг, на что следует обратить особое внимание в работе смешанных комиссий по торгово-экономическому сотрудничеству обеих стран.

Весьма выгодным представляется и сотрудничество в создании производств шестого технологического уклада, основанного на использовании сферы разума или биокомпьютеров, совместимых с интеллектом человека. Особо пристального внимания заслуживают информационно-телекоммуникационные системы, живые системы, нанотехнологии и наноматериалы, рациональное природопользование, энергетика и энергосбережение, технологии безопасности, по которым ведутся активные разработки в профильных институтах НАН Беларуси. В рамках действующей Программы научно-технического сотрудничества на 2013—2014 гг. осуществлялось около 20 крупных проектов, среди которых, в частности, создание суперкомпьютера *UIIP-INSPUR*, разработка износостойких алмазоподобных покрытий, магнитомягких металлических материалов и др.

В качестве наиболее удачных примеров уже реализованных на практике проектов назовем поставку в Китай специальных медицинских установок для спасения новорожденных с поражениями печени, уникального оборудования для дальних локаций морских акваторий, участие химиков Белорусского государственного университета в создании антикоррозийной защиты для морских судов и разработке специальных клеевых материалов для космических кораблей КНР, деятельность белорусско-китайского технопарка в г. Чаньчунь. Однако пока доля коммерческих продуктов двустороннего научно-технического сотрудничества не превышает 1—2 % от всего белорусского экспорта в Китай [1], хотя у формируемого Белорусско-китайского промышленного парка, по оценкам специалистов, очень хорошее будущее.

В частности, как заявил 3 марта 2014 г. на встрече с премьер-министром Беларуси Михаилом Мясниковичем старший вице-президент, глава всемирного финансового центра *ZTE Corporation* Шао Вэйлин, китайская корпорация готова инвестировать в производства в сфере высоких и информационно-коммуникационных технологий, создаваемые совместно с Беларусью на территории Китайско-белорусского промышленного парка — например, в проекты системы мониторинга логистических потоков на основе *RFID*-технологий, комплексной модернизации инфраструктуры крупнейшего государственного кабельного оператора и др., на общую сумму около 300 млн дол. США [7].

Стимулированию китайских инвестиций в экономику Республики Беларусь, совершенствованию организации, повышению дисциплины взаиморасчетов при проведении внешне-торговых операций способствовало подписание соглашения о сотрудничестве в финансовой сфере между Министерством финансов Беларуси и Государственным банком раз-

вития Китая, а также соглашения об организации расчетов между национальными банками обеих стран. Результатом заключенных договоренностей стало получение белорусской стороной 20 млрд юаней (около 3 млрд дол. США), китайской — 8 трлн бел. руб. для реализации своп-операций, равно как предоставление Беларуси в 2012 г. КНР несвязанного кредита в размере 1 млрд дол. США на проекты внутри страны [11, с. 93] и сохранение столь же значительного уровня инвестиционного сотрудничества и финансовой поддержки в 2013—2014 гг., хотя одновременно нельзя не признать, что ожидания относительно объемов и диверсификации направлений взаимодействия в указанной сфере оказались несильно завышенными.

Для Беларуси исключительно важно учесть и как можно скорее использовать в ходе развития и наполнения реальным содержанием подлинно стратегического партнерства с Китаем, совершенствования взаимовыгодного коммерческого взаимодействия тот факт, что руководством КНР на современном этапе официально заявлен переход от большой нации к мощной силе в науке и технологиях, а в уже одобренном плане развития до 2030 г. стратегически важными считаются энергия, жизнь и окружающая среда. Именно здесь могут быть полезны имеющиеся белорусские разработки, равно как безотлагательное инициирование совместных проектов, позволяющих быстрее выйти с качественно новыми продуктами на значительно более широкие международные рынки.

Помимо изложенного среди вероятных направлений сотрудничества можно назвать ориентированные на европейский рынок заготовку леса и деревообработку, телекоммуникационные технологии, проекты в сфере электронной торговли, кооперацию на основе поставок комплектного оборудования в производстве медтехники, обуви, фармацевтической продукции, совместное производство искусственных алмазов, оптики, удобрений. Реализации обозначенных проектов и коммерческих инициатив, установлению новых контактов государственных органов и субъектов хозяйствования республики с азиатскими партнерами, безусловно, будет способствовать и давно налаженная (в том числе при весьма деятельной поддержке китайских партнеров) в нашей стране на факультете международных отношений Белгосуниверситета подготовка прекрасного владеющих китайским языком и хорошо знакомых с традициями и культурой Поднебесной специалистов.

КНР и Беларусь, несмотря на разделяющие наши страны огромные расстояния, в политическом, экономическом, идеологическом, военно-стратегическом плане совместными усилиями формируют все более значительное пространство обоюдного сотрудничества в самых разных сферах, координации

шагов внешнеполитических и силовых министерств и ведомств, ориентированных на укрепление национальной, региональной и глобальной безопасности, преодоление кризисных явлений в международных отношениях, а значит, создают формат абсолютно не формального, но, напротив, весьма предметного и под-

линно стратегического сотрудничества. Не случайно эксперты оценивают наши как «особо доверительные на политическом уровне» [1]. И в данной ситуации главное — грамотно и своевременно воспользоваться представляющимися возможностями, не останавливаясь на достигнутом в двусторонних отношениях.

Список использованных источников

1. «Амплитуда». Белорусско-китайские отношения: стратегическое взаимодействие с экономическим пессимизмом? [Электронный ресурс] // TUT.by: белорусский портал. — Режим доступа: <<http://news.tut.by/politics/378376.html>>. — Дата доступа: 04.03.2014.
2. Бажанов, Е. П. Китай: от Срединной империи до сверхдержавы XXI века / Е. П. Бажанов. — М.: Известия, 2007. — 351 с.
3. Байчоров, А. М. Китаизация: последствия роста мощи Китая для мира в XXI веке / А. М. Байчоров. — М.: Междунар. отношения, 2013. — 188 с.
4. Быков, О. Н. Международные отношения: трансформация глобальной структуры / О. Н. Быков. — М.: Наука, 2003. — 573 с.
5. Воскресенский, А. Д. Азиатский азимут внешней политики России конца XX — начала XXI в. / А. Д. Воскресенский // Россия — Центральная Азия: проблемы миграций и безопасности. — Барнаул: Изд-во Алтай. ун-та, 2002. — С. 7—22.
6. Воскресенский, А. Д. Россия и Китай: теория и история межгосударственных отношений / А. Д. Воскресенский. — М.: МОНФ: Изд. центр науч. и учеб. программ, 1999. — 405 с.
7. Китайская ZTE пообещала Мясниковичу инвестировать в индустриальный парк под Минском [Электронный ресурс] // TUT.by: белорусский портал. — Режим доступа: <<http://news.tut.by/economics/389191.html>>. — Дата доступа: 04.03.2014.
8. КНР является стратегическим партнером Беларуси и верным союзником // Информ. бюл. Администрации Президента Респ. Беларусь. — 2011. — № 10.
9. Корсун, В. А. Дипломатия КНР в борьбе за постсоветское наследство в Центральной Азии / В. А. Корсун // Северо-Восточная и Центральная Азия: динамика международных и межрегиональных взаимодействий / под ред. А. Д. Воскресенского. — М.: МГИМО: РОССПЭН, 2004. — С. 402—425.
10. Криштапович, Л. Е. Китайская Народная Республика на пути в XXI век / Л. Е. Криштапович, В. М. Мацель. — Минск: Акад. управления при Президенте Респ. Беларусь, 2004. — 131 с.
11. Ледян, Д. Ю. Современные тенденции и перспективы развития внешнеэкономического сотрудничества Республики Беларусь и Китайской Народной Республики / Д. Ю. Ледян // Науч. тр. Акад. управления при Президенте Респ. Беларусь. — Вып. 15 (2013). — Ч. II. — Минск: Акад. управления при Президенте Респ. Беларусь, 2013. — С. 91—98.
12. Лидер по абсолютному приросту экспорта товаров в 2013 году — Россия, по приросту импорта — Китай... [Электронный ресурс] // Информационно-аналитическое агентство «Бизнес-новости». — Режим доступа: <<http://doingbusiness.by/lider-po-absolute-prirostu-eksporta-tovarov-v-2013-g---rossiya-po-prirostu-importa---kitai>>. — Дата доступа: 04.04.2014.
13. Мацель, В. М. Отношения Республики Беларусь с государствами Северо-Восточной Азии / В. М. Мацель // Проблемы Дальнего Востока. — 2004. — № 5. — С. 93—101.
14. Мацель, В. М. Политика Республики Беларусь на Востоке и Юге Азии (1991—2002 гг.): автореф. дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.15 / В. М. Мацель; Дип. академия МИД РФ. — М., 2005. — 50 с.
15. Мацель, В. М. Становление и развитие дружественных белорусско-китайских отношений / В. М. Мацель. — Барановичи: Баранович. крупн. тип., 2004. — 189 с.
16. Михеев, В. Восточноазиатская «многополярность»: треугольник Россия—Китай—США / В. Михеев // Мировая экономика и междунар. отношения. — 2009. — № 1. — С. 17—25.
17. Михеев, В. В. Глобализация и азиатский регионализм / В. В. Михеев. — М.: ИДВ РАН, 2001. — 223 с.
18. Панченко, М. Ю. Российско-китайские отношения и обеспечение безопасности в АТР / М. Ю. Панченко. — М.: Науч. книга, 2005. — 201 с.
19. Салицкий, А. И. Внешнеэкономическая стратегия КНР / А. И. Салицкий // Китай в мировой политике: сб. ст. — М.: РОССПЭН, 2001. — С. 68—92.
20. Свешников, А. А. Внешнеполитические концепции КНР и концептуальные представления китайских специалистов-международников / А. А. Свешников. — М., 1999. — 180 с.
21. Свешников, А. А. Концепции КНР в области внешней политики и национальной безопасности / А. А. Свешников // Китай в мировой политике: сб. ст. — М.: РОССПЭН, 2001. — С. 93—143.
22. Титаренко, М. Китай: цивилизация и реформы / М. Титаренко. — М.: Республика, 1999. — 240 с.
23. Титаренко, М. Л. Россия — Китай — Индия в глобальном мире / М. Л. Титаренко // Междунар. жизнь. — 2002. — № 6. — С. 54—64.
24. Титаренко М. Л. XVII съезд КПК. «Перспективы светлые, но путь извилистый» / М. Л. Титаренко // Там же. — 2007. — № 12. — С. 7—22.
25. Шамко, С. М. В приоритетах — китайский вектор / С. М. Шамко // Беларус. думка. — 2011. — № 4. — С. 114—118.

«Белорусско-китайское сотрудничество (1992—2013 гг.)» (Виталий Воронович)

В статье обоснована важность развития в долгосрочной перспективе диверсифицированного сотрудничества Беларуси с крупнейшим и влиятельнейшим государством Азиатско-Тихоокеанского региона — Китаем.

Автор предлагает периодизацию и краткую характеристику эволюции белорусско-китайских отношений, оценивает положительные и отрицательные результаты двусторон-

него взаимодействия, факторы благоприятствования и ограничения соответствующих контактов.

Определены и теоретико-методологически обоснованы также конкретные направления и проекты двустороннего сотрудничества, причины некоторой коррекции белорусской политики по китайскому вектору на современном этапе.

«Cooperation between Belarus and China (1992–2013)» (Vitaly Voronovich)

The importance of the long-term diversified cooperation development perspective between Belarus and China, the biggest and most influential country of Asia and the Pacific, is argued in the article. The author proposes periodisation and brief characteristics of the evolution in Belarus–China relations and assesses positive and negative results of bilateral cooperation and some favorable factors and limitations of the corresponding contacts.

Particular directions and bilateral cooperation projects as well as reasons for some correction of the current Belarusian policy along the Chinese vector are identified and theoretically and methodologically determined.

Статья поступила в редакцию в феврале 2015 г.

ГЕРМАНИЯ ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ РОССИИ В 2000—2012 гг.

Юлия Пучинская

Представляется важным проанализировать трансформацию внешней политики России в отношении ее основного европейского партнера — Германии в первое десятилетие нового века, так как отношения этих двух государств во многом определяют положение вещей на всем пространстве Европы, а это означает, что они влияют и на общемировую международно-политическую обстановку.

Целью данной статьи является анализ места и роли ФРГ во внешней политике России в 2000—2012 гг. Выбор хронологических рамок исследования обусловлен тем, что с 2000 г. во внешней политике Российской Федерации началась существенная трансформация, связанная с началом президентства В. В. Путина. С этого времени главной целью внешнеполитического курса России стало утверждение ее международной роли как крупного евроазиатского государства со своей национально ориентированной позицией. Исследование ограничено 2012 г. с целью подведения основных итогов президентства Д. А. Медведева.

Информация по исследуемой проблеме достаточно широко представлена в российских научных изданиях. При написании статьи автор опирался на работы ученых Института Европы РАН — В. Б. Белова [1; 5], К. С. Вяткина, И. Ф. Максимычева [5], Н. В. Павлова [22]. Российско-германским отношениям посвящены также работы А. Ю. Ватлина [6], В. И. Дашичева [7; 24]. Среди белорусских исследователей данной проблематики большой интерес представляют работы А. В. Русаковича [27], В. В. Фрольцова [33], А. В. Шарапо [35]. Автором также использованы материалы периодической печати и ресурсы сети Интернет. На наш взгляд, исследуемая проблема нуждается в более конкретном рассмотрении, выделении основных подходов.

Характер взаимодействия России и Германии во многом определяет облик современной Европы. Странами был пройден долгий и непростой путь поиска взаимных компромиссов и встраивания двусторонних связей в контекст европейской политики. Среди стран СНГ главным партнером для ФРГ в исследуемый период являлась Россия. Это было обусловлено целым рядом причин. Исторической предпосылкой послужило то, что в 1989—1990 гг.

СССР одобрил идею объединения Германии, хотя и не смог предотвратить вхождение новой единой Германии в блок НАТО. 9 ноября 1990 г. между СССР и ФРГ был заключен Договор о добрососедстве, партнерстве и сотрудничестве [9], который заложил правовую основу двусторонних отношений. Советские (российские) войска из Германии были выведены в 1994 г., что послужило основой для конструктивного сотрудничества России и Германии. В 1990-е гг. российско-германский диалог успешно развивался и стал особенно продуктивным при В. В. Путине и Г. Шрёдере [14, с. 5]. В период 2000—2005 гг. российско-германское сотрудничество было выведено на беспрецедентно высокий уровень.

Определяющим фактором в эволюции российско-германского политического взаимодействия являлось взаимовыгодное экономическое сотрудничество двух стран. Россия для ФРГ в рассматриваемый период была основным источником энергоресурсов и крупнейшим рынком сбыта высокотехнологичной продукции. Российская экономика являлась сферой вложения германских инвестиций — в 2009 г. Германия заняла первое место по объему вложенных в Россию инвестиций, который составил 67 млрд евро [34, с. 138]. В свою очередь, Германия представляла огромный интерес для российского рынка как поставщик промышленных товаров. Оба государства были заинтересованы в совместных проектах по экономическому сотрудничеству и в диалоге бизнес-объединений. На основе сложившихся прочных экономических связей базировался и продуктивный политический диалог России и Германии.

Российско-германские политические отношения в 2000—2012 гг. Ключевые характеристики российского внешнеполитического курса в европейском направлении в исследуемый период в целом оставались неизменными, несмотря на смену президентов в России (2000—2008 гг. — В. В. Путин, 2008—2012 гг. — Д. А. Медведев). Приоритетными направлениями российского внешнеполитического курса в отношении стран — членов ЕС являлись:

1) придание стратегического характера партнерству с ЕС с акцентом на его **равноправный**, взаимовыгодный характер;

Автор:

Пучинская Юлия Олеговна — аспирант кафедры международных отношений факультета международных отношений Белорусского государственного университета

Рецензенты:

Космач Геннадий Аркадьевич — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой новой и новейшей истории исторического факультета Белорусского государственного педагогического университета имени Максима Танка
Свилас Светлана Францевна — кандидат исторических наук, доцент кафедры международных отношений факультета международных отношений Белорусского государственного университета

2) расширение формата и повышение результативности политического диалога;

3) развитие торгового оборота и инвестиционной политики;

4) взаимовыгодное сотрудничество в финансовой области;

5) обеспечение интересов России при расширении Европейского союза [32].

Эти и другие внешнеполитические приоритеты в 1999 г. на саммите Россия — ЕС в Хельсинки были представлены в то время председателем правительства Российской Федерации В. В. Путиным. Дальнейшее сотрудничество с Германией в рассматриваемый период было подчинено для России именно этим принципам.

Необходимо отметить, что для российско-германских отношений характерна некоторая цикличность: периоды подъема сменяются периодами спада и напряженности. Так, 2000—2003 гг. могут быть охарактеризованы как время позитивных сдвигов в двусторонних отношениях. Именно в этот период появилась формулировка «стратегическое партнерство» России и Германии. Причиной этому послужила смена правящих коалиций в обеих странах. К власти пришли лидеры (В. В. Путин и Г. Шрёдер), готовые к выдвижению новых инициатив сотрудничества, что способствовало интенсификации политического диалога [13, с. 81]. Еще одним фактором в пользу улучшения двусторонних отношений стала ориентация как России, так и Германии на принципы мультилатерализма, т. е. убежденности в том, что ни одна существенная международная проблема не может быть решена силами одного государства, необходимо взаимодействие с международными партнерами [12, с. 173]. ФРГ изъявила готовность инвестировать средства в процессы демократизации в России, а Российская Федерация выразила заинтересованность в оказании Германии поддержки в попытке получить место постоянного члена Совета Безопасности ООН [13, с. 84]. В 2003 г. лидеры двух стран приняли решение о создании совместной Рабочей группы высокого уровня по вопросам безопасности. Этот год вообще стал знаковым для российско-германского сотрудничества, так как именно тогда ФРГ отказалась поддержать военную операцию своего трансатлантического партнера — США в Ираке. Такое решение германского руководства оказалось созвучным с мнением российской стороны. В Совместном заявлении В. В. Путина и Г. Шрёдера 2004 г. речь шла о расширении сотрудничества России и Германии в борьбе с международным терроризмом [28].

Далее последовал спад (2003—2005 гг.) и поворот от «стратегического партнерства» к «прагматическому сотрудничеству» [12, с. 172]. Напряженность в отношениях возникла по следующим причинам. Германская сторона выразила недовольство тем, что процес-

сы демократизации в России идут слишком медленно. В германских средствах массовой информации все чаще стала критиковаться российская политическая система, что усугублялось также проведением Россией военной операции в Чечне. В результате политические взаимоотношения двух стран стали более прохладными. В данный период прослеживается и поворот во внешней политике В. В. Путина от полной открытости в отношении к прагматичному взгляду на перспективы выстраивания «стратегического партнерства» с Германией. Смена правящей коалиции в Германии в 2005 г. также внесла некоторое «похолодание» в отношения с Россией. Федеральный канцлер А. Меркель, формулируя внешнеполитические приоритеты ФРГ, поставила Россию далеко не на первое место, подчеркивая прежде всего важность углубления трансатлантического партнерства с США и работу с государствами ЕС [12, с. 170]. Тем не менее, в целом преемственность в отношениях с Россией была сохранена и продолжен прагматичный, но дружественный диалог.

В 2006—2008 гг. в отношениях России и Германии произошел новый подъем, связанный с успехами в экономическом сотрудничестве двух стран. Появилась формулировка «Партнерство ради модернизации» [12, с. 172]. В этот период странами была признана необходимость и важность строительства Североевропейского газопровода для проведения прямых поставок газа из России в западноевропейские страны, минуя транзитные государства. 2007 г. стал годом председательства ФРГ в Евросоюзе, что позволило Германии исполнять функции посредника в налаживании диалога Россия — ЕС [12, с. 173].

Период с 2008 по 2012 г. охарактеризовался новым спадом в отношениях России и Германии. Это связано с вмешательством России в конфликт на Северном Кавказе в августе 2008 г. Война в Южной Осетии стала не просто региональным конфликтом, она обострила противоречия, существующие между Россией и западным миром. Поведение российской стороны в грузино-южноосетинском конфликте продемонстрировало Западу ее решимость отстаивать свои интересы, в том числе и силовым путем. Это закономерно не встретило поддержки со стороны Германии: она жестко критиковала факт применения Россией военной силы против Грузии.

В результате политический диалог двух стран утратил продуктивность. Германская сторона сдержанно реагировала на выдвигаемые Россией инициативы, как это произошло, например, с предложенным Д. А. Медведевым проектом новой архитектуры европейской безопасности. ФРГ данную инициативу не отвергла, но и не сочла реальной, так как, по мнению германской стороны, выстроить европейскую архитектуру безопасности без участия США не

представлялось возможным. Со своей стороны, Германия не предприняла никаких практических шагов по реализации данной инициативы [18].

Кроме того, в рассматриваемый период не была окончательно решена проблема перемещенных в годы Второй мировой войны культурных ценностей. В 1998 г. в России был принят Федеральный закон «О культурных ценностях, перемещенных в Союз ССР в результате Второй мировой войны и находящихся на территории Российской Федерации» [21]. Согласно этому Закону, все вывезенные в послевоенные годы советской стороной с территории побежденной Германии культурные ценности признавались собственностью России и вывозу не подлежали. Однако здесь обнаружилось противоречие с Договором о добрососедстве, партнерстве и сотрудничестве 1990 г., в котором было отражено взаимное обязательство двух стран вернуть друг другу утраченные культурные ценности. Таким образом, проблема перемещенных культурных ценностей не была разрешена и оставалась достаточно острой. Главной сложностью являлось то, что выяснить местонахождение большинства перемещенных произведений искусства крайне сложно, а добиться их возвращения еще сложнее, так как основная их часть находилась в частных коллекциях [34].

В 2012 г. можно было наблюдать новый подъем в российско-германских отношениях, связанный с интенсификацией экономического диалога, началом работы Североевропейского газопровода, предстоящим проведением года культуры России в ФРГ (2012) и ФРГ в России (2013) [23, с. 69]. Тем не менее, период с 2012 г. по начало 2014 г. был омрачен не прекращающейся критикой политического режима в России со стороны Германии, а также расхождением сторон по сирийскому вопросу.

Таким образом, в 2000—2012 гг. в отношениях России и ФРГ обозначились определенные проблемы и расхождения. Качественного прорыва в развитии двусторонних связей не произошло. Однако перспективы нормализации политического взаимодействия были существенными, если принять во внимание непрерывный и весьма эффективный экономический и культурно-гуманитарный диалог двух стран.

Межправительственные консультации на высшем уровне. В рассматриваемый период между двумя странами регулярно проводились консультации и встречи на высшем уровне, осуществлялись контакты на уровне экономических структур и гражданских обществ.

Политический диалог двух стран носил регулярный, системный характер. Лидеры государств ежегодно встречались во время официальных и рабочих визитов. С 1998 г. проводились двусторонние межгосударственные

консультации на высшем уровне с участием членов правительств России и ФРГ. Всего за 2000—2012 гг. было проведено 13 раундов таких консультаций.

В июне 2000 г. был проведен 3-й раунд межгосударственных консультаций, в результате которого была учреждена Рабочая группа высокого уровня по стратегическим вопросам экономического и финансового сотрудничества [15].

В ходе 4-го раунда, проходившего 10 апреля 2001 г. в Санкт-Петербурге, были подписаны Межправительственное соглашение о сотрудничестве в области космоса и Совместное заявление о продолжении программы по повышению квалификации руководящих кадров в экономике России [4].

Следующая встреча в рамках российско-германских межправительственных консультаций состоялась 9—10 апреля 2002 г. в Веймаре и Эрфурте. Основным итогом ее стало подписание ряда совместных документов: Соглашения между Сбербанком России и Обществом по кредитованию экспорта; Соглашения о сотрудничестве в области деревообработки и мебельной промышленности; Совместного заявления участников российско-германского проекта по разработке спутниковых геодезических приемников, оборудования и технологий межевания земель; Совместного коммюнике Саратовской области и федеральной земли Тюрингия о развитии экономических, культурных и других связей [2].

8—9 октября 2003 г. в Екатеринбурге были подписаны следующие документы: Межправительственное соглашение о транзите военного имущества и персонала через территорию России в Афганистан; Соглашение об оказании содействия России в сокращении ядерного потенциала; Совместное заявление об облегчении поездок российских и германских граждан; Совместное заявление о продолжении Программы по повышению квалификации руководящих кадров экономики России; Коммюнике о расширении российско-германских молодежных обменов; Меморандум о взаимопонимании по сотрудничеству в области пассажирских и грузовых перевозок; Межправительственное соглашение о сотрудничестве в изучении русского языка в ФРГ и немецкого языка в России [30].

Очередной раунд российско-германских межправительственных консультаций проходил 20—21 декабря 2004 г. в Гамбурге и Шлезвиге и завершился подписанием следующих документов: Соглашения о разработке и производстве скоростного электропоезда нового поколения; Совместного заявления о сотрудничестве в области транспорта; Совместного заявления о намерениях сотрудничества в поиске и спасании на море и борьбе с загрязнением моря; Соглашения в области молодежного сотрудничества; Соглашения об изготовлении

узлов к самолетам А-320; Рабочей программы по реализации Совместного заявления о взаимодействии в борьбе с международным терроризмом; Программы сотрудничества в сфере здравоохранения [31].

10—11 апреля 2005 г. в Ганновере состоялось подписание Совместного заявления на высшем уровне о стратегическом партнерстве в области образования, науки и инноваций, семи межведомственных соглашений и протоколов между российскими и германскими компаниями о сотрудничестве в различных отраслях экономики. В ходе следующего раунда межправительственных консультаций (26—27 апреля 2006 г., Томск) было подписано Соглашение о стратегическом экономическом сотрудничестве между Межрегиональной ассоциацией экономического взаимодействия субъектов Российской Федерации «Сибирское соглашение» и Восточным комитетом немецкой экономики (был установлен регулярный обмен информацией об экономических потенциалах сотрудничества; 2007 г. был провозглашен годом Сибири в Германии [3]).

15 октября 2007 г. в Висбадене стороны обсуждали проблемы двусторонних экономических отношений, провели переговоры по актуальным международным проблемам (планам США по развертыванию в Европе элементов противоракетной обороны, ситуации вокруг договора об ограничениях обычных вооружений в Европе, иранскому ядерному догряду, глобальной и европейской энергетической безопасности, региональным конфликтам, положению на Ближнем Востоке, на Балканах, в Афганистане и Ираке), обменялись мнениями о перспективах культурно-гуманитарного сотрудничества [29].

2 октября 2008 г. в Санкт-Петербурге обсуждались планы урегулирования ситуации на Кавказе, были рассмотрены вопросы взаимодействия в борьбе с вызовами и угрозами безопасности, включая распространение оружия массового уничтожения, международный терроризм и наркоугрозу. Состоялся обмен мнениями по ситуации на Ближнем Востоке, в Косово, Афганистане, были высказаны позиции двух стран по ядерной программе Ирана. Была признана необходимость продвижения сигнальных «проектов-маяков» в энергетике, на транспорте, в авиакосмической и автомобильной промышленности, в сфере здравоохранения, подготовки управленцев автомобильной промышленности [36].

Итогом 11-го раунда (16 июля 2009 г., Мюнхен) стало подписание следующих соглашений: о научно-техническом сотрудничестве; о намерениях создать в России совместное предприятие по производству локомотивов нового поколения; о создании центра международной логистики и управления сетью железнодорожных поставок. Стороны подписали Меморандум о взаимопонимании по проекту ре-

конструкции аэропорта Пулково. Кроме того, были подписаны уставные и регистрационные документы создаваемого Российско-германского энергетического агентства (РУДЭА), а также ряд кредитных договоров между банками двух стран [11].

Переговоры в ходе 12-го раунда (14—15 июля 2010 г., Екатеринбург) были посвящены вопросам экономического сотрудничества (инвестиционные проекты в бизнесе); обсуждалась перспектива отмены виз; был подписан пакет совместных документов по активизации сотрудничества в ряде областей, в том числе в здравоохранении, спорте, подготовке управленческих кадров [8].

13-й раунд межгосударственных консультаций на высшем уровне проходил в июле 2011 г. (Ганновер). В ходе переговоров обсуждались вопросы развития отношений России и ЕС, деятельности Совета Россия — НАТО, европейской безопасности, создания противоракетной обороны в Европе, возможности расширения поставок российского газа в связи с вводом в эксплуатацию газопровода «Северный поток». Обсуждалось проведение перекрестных годов Германии в России и России в Германии в 2012—2013 гг. [10].

В ходе 14-го раунда консультаций, проходившего в ноябре 2012 г. в Москве, были подписаны соглашения о сотрудничестве в сфере экономики, энергетики, транспорта, природоохранной деятельности, геологии и недропользования, а также Совместное заявление об облегчении визового режима для участников российско-германских молодежных обменов, Меморандум о сотрудничестве в сфере профессионального образования [26].

Межгосударственное взаимодействие осуществлялось не только на высшем и высоком уровнях, но и на уровне гражданских обществ. Так, с 2001 г. функционировал форум гражданских обществ России и Германии «Петербургский диалог», в рамках которого в рассматриваемый период обсуждались вопросы, касающиеся перспектив, новых тенденций двусторонних отношений, а также путей выхода из экономического кризиса [16]. Сторонами рассматривались наиболее актуальные вопросы в области политики, экономики, научного и культурно-гуманитарного сотрудничества, проводились сопутствующие мероприятия. «Петербургский диалог» являлся важнейшей площадкой для налаживания реального конструктивного диалога двух партнеров — России и Германии.

Основные подходы к выстраиванию «стратегического партнерства» России и Германии в 2000—2012 гг. Рассмотрев основное содержание внешнеполитической деятельности России в обозначенный период, считаем целесообразным выделить и проанализировать различные подходы к оценке этих

отношений в политических и научных кругах России. Среди российских политологов и историков международных отношений сформировались три основные точки зрения по вопросу современного состояния и возможных перспектив российско-германских отношений.

Для **первого подхода** характерен оптимистичный сценарий совместного будущего двух стран и уверенность в том, что реальное стратегическое партнерство России и Германии достижимо в ближайшей перспективе, а в некоторых вопросах уже достигнуто. Проиллюстрировать этот подход в полной мере может выступление российского министра иностранных дел С. В. Лаврова в 2005 г., посвященное 50-летию установления дипломатических отношений с ФРГ. Так, С. В. Лавров отметил: «Сейчас с уверенностью можно утверждать, что российско-германское стратегическое партнерство действительно стало позитивным, стабилизирующим фактором на евроатлантическом пространстве... Разделяю мнение о том, что сегодня Россия и Германия близки как никогда. В основе этого — взаимная заинтересованность в продвижении политического диалога и реально способствующего повышению уровня жизни граждан России и Германии практического сотрудничества» [19]. Такая позитивная оценка во многом отражала реальное положение дел, но оставляла нерешенными те проблемные вопросы, которые нельзя было не учитывать. Необходимо признать, что данный подход был характерен, прежде всего, для выступлений российских официальных лиц, однако в работах исследователей международных отношений он не представлен.

Второй подход к перспективам выстраивания российско-германского стратегического партнерства более прагматичен и шире освещен в российских политических и исторических кругах. Проиллюстрировать данный подход могут работы В. Б. Белова [1; 5], А. Ю. Ватлина [6], Л. Г. Истягина [17], Н. В. Павлова [22]. Согласно этому подходу, двусторонние отношения Россия — Германия в целом оценивались положительно, но с поправкой на объективные обстоятельства, мешающие углублению этих отношений и выходу их на качественно новый уровень. К числу таких обстоятельств, по нашему мнению, можно отнести:

— авторитет России на международной арене недостаточно высок для того, чтобы европейские структуры были готовы выстраивать с ней отношения на принципах равноправия. К сожалению, Россия еще находится только в процессе выхода на международную арену в качестве евроазиатской державы со своей сильной, национально ориентированной позицией;

— существует ряд геополитических проблем, стоящих перед Россией. США, обладая несравнимо более мощным военным потенциалом и имея в руках все инструменты вли-

яния на европейские дела, в состоянии с позиции силы диктовать европейским партнерам свою политическую волю. В их интересах расширить НАТО вплоть до российских границ и взять под контроль те территории (бывшие советские республики, а также другие государства Центральной и Восточной Европы), на которые исторически распространялось (и должно было бы распространяться для соблюдения баланса сил) влияние России. Безусловно Россия как крупный политический актор не может оставаться в стороне и безучастно наблюдать за стремлением США к глобальной гегемонии, не заявляя о своих национальных интересах и не отстаивая их. Защищая свои интересы, российская сторона не всегда находит понимание в лице западноевропейских стран, в том числе Германии.

Принимая во внимание все препятствия на пути выстраивания гармоничных российско-германских отношений, нельзя не признать их высокий потенциал. Сотрудничество двух стран не было бы таким тесным, если бы не многовековая совместная история, принадлежность к европейской культуре, географическая близость, экономическое сотрудничество, общие цели в международных делах. Страны сближала заинтересованность в закреплении ключевой роли ООН, а также обеспечении примата международного права в мировой политике, реализации на практике принципов многосторонности в предотвращении и урегулировании кризисов и конфликтов. Между Россией и Германией поддерживались тесные контакты по таким ключевым международным вопросам, как борьба с терроризмом, организованной преступностью, распространением наркотиков и оружия массового уничтожения, преодоление неравномерности развития регионов и связанных с ней отсталости и болезней. Кроме того, несмотря на имеющиеся проблемы, у обеих стран «были примеры очень тесных и интенсивных отношений именно в условиях "разновеликости"» [17, с. 120].

В качестве **третьего подхода** необходимо выделить сугубо прагматичный взгляд на перспективы углубления двусторонних отношений. Данный подход отражен в публикациях И. Ф. Максимычева [5], В. И. Дашичева [7; 24], А. В. Загорского [14]. По мнению многих российских специалистов в области международных отношений, реальное стратегическое партнерство с Германией вряд ли достижимо, так как ФРГ отдает явный приоритет сотрудничеству в рамках ЕС, а при решении большинства вопросов учитывает принципы трансатлантического сотрудничества с США. Германии невыгодно связывать себя слишком тесными обязательствами по отношению к России, ей ближе роль посредника в налаживании отношений между Россией и ЕС, Россией и НАТО. Германия является западноевропейской страной, встроенной в западные союзы

и структуры. У нее есть определенная мотивация углубления отношений с Россией, но она никогда не выдерживала сравнения с выгодами атлантизма (НАТО) и европеизма (ЕС) [25, с. 132]. Поэтому России в любом случае придется проводить курс на сближение не столько с Германией как отдельным государством, сколько с Германией как частью европейских и евроатлантических структур.

Таким образом, в данной статье были рассмотрены и проанализированы основные направления внешней политики Российской Федерации в отношении Германии в 2000—2012 гг. Необходимо отметить, что германский вектор российской внешнеполитической деятельности в рассматриваемый период отличали стремление к пониманию по ключевым проблемам, последовательность в отстаивании российских национальных интересов. Германия, несмотря на ряд препятствий, оставалась для России ведущим западным внешнеполитическим партнером, совместно с которым была проделана колоссальная работа по созданию развитой правовой и институциональной базы отношений. Россия вела непрерывный продуктивный диалог с ФРГ не только в области экономики и политики. Две страны объединяла общность культурно-гуманитарных ценностей, весьма активным было их взаимодействие в области науки и высоких технологий.

Наряду со значительными положительными сдвигами в двусторонних отношениях обозначился и ряд проблем. Среди них наи-

более существенными являлись расхождения по вопросу выстраивания архитектуры европейской безопасности, критика со стороны Германии российской политической системы и курса, проводимого Россией в отношении бывших советских республик. Россия, в свою очередь, критиковала германскую приверженность принципам атлантизма и стремление ФРГ проводить в Европе проамериканскую политику. Безусловно, взаимная конструктивная критика придавала отношениям двух стран определенную динамику, однако Россия и Германия так и не пришли к компромиссу по некоторым ключевым международным проблемам. Таким образом, выхода российско-германских отношений на качественно новый уровень в 2000—2012 г. не произошло.

Полученный в рассматриваемый период опыт двусторонних отношений определенно полезен и должен учитываться при разрешении новых проблем, которые будут возникать перед Россией и Германией в дальнейшем. Главным фактором, определяющим перспективу оптимизации отношений двух стран, является экономика. Нарботанный десятилетиями потенциал экономического сотрудничества является слишком весомым для обоих государств, чтобы от него отказаться. Экономический диалог между Россией и ФРГ может повлечь за собой попытки урегулирования разногласий, возникших у этих стран в сфере международной политики.

Список использованных источников

1. Белов, В. Б. Россия—Германия: партнерство во имя модернизации / В. Б. Белов // *Междунар. жизнь*. — 2010. — № 7. — С 77—88.
2. Владимир Путин выступил на встрече с представителями деловых кругов России и Германии [Электронный ресурс] // *Президент России*. — 10.04.2002. — Режим доступа: <<http://www.kremlin.ru/news/27022>>. — Дата доступа: 26.12.2014.
3. Владимир Путин и Федеральный канцлер ФРГ Герхард Шрёдер подписали Совместное заявление о стратегическом партнерстве в области образования, научных исследований и инноваций [Электронный ресурс] // *Президент России*. — 11.04.2005. — Режим доступа: <<http://www.kremlin.ru/news/33133>>. — Дата доступа: 26.12.2014.
4. Владимир Путин принял участие в российско-германских межправительственных консультациях на высшем уровне [Электронный ресурс] // *Президент России*. — 10.04.2001. — Режим доступа: <<http://www.kremlin.ru/news/41045>>. — Дата доступа: 19.12.2014.
5. Германия. Вызовы XXI века / И. Ф. Максимычев [и др.]; под ред. В. Б. Белова. — М.: Весь мир, 2009. — 792 с.
6. Ватлин, А. Ю. Германия в 2000—2010 гг. / А. Ю. Ватлин // *Новая и новейшая история*. — 2010. — № 6. — С. 18—37.
7. Дашичев, В. И. Германия и Россия в европейской политике / В. И. Дашичев // *Социально-гуманитарные знания*. — 2006. — № 1. — С. 44—68.
8. 12-й раунд российско-германских межгосударственных консультаций на высшем уровне [Электронный ресурс] // *Посольство России в ФРГ*. — 12.09.2010. — Режим доступа: <<http://russische-botschaft.de/ru/2010/07/12/12-yj-12-raund-gossijsko-germanskich-mezhgos/>>. — Дата доступа: 23.01.2015.
9. Договор о добрососедстве, партнерстве и сотрудничестве между СССР и ФРГ от 09.11.1990 г. [Электронный ресурс] // *Законодательство России*. — Режим доступа: <<http://russia.bestpravo.ru/fed1991/data02/text12287.htm>>. — Дата доступа: 23.12.2014.
10. Документы, подписанные в рамках 13-го раунда российско-германских межгосударственных консультаций на высшем уровне [Электронный ресурс] // *Президент России*. — 19.07.2011. — Режим доступа: <http://news.kremlin.ru/ref_notes/995>. — Дата доступа: 19.01.2015.
11. Документы, подписанные по итогам российско-германских межгосударственных консультаций [Электронный ресурс] // *Президент России*. — 16.07.2009. — Режим доступа: <http://news.kremlin.ru/ref_notes/68>. — Дата доступа: 19.12.2014.
12. Егоров, А. И. Россия—Германия: от стратегического партнерства к прагматическому сотрудничеству / А. И. Егоров // *Вестн. Томск. гос. ун-та. История*. — 2012. — № 1. — С. 167—175.
13. Егоров, А. И. Россия—Германия: попытка стратегического партнерства (1998—2005) / А. И. Егоров // *Известия Саратов. ун-та. Новая серия. Серия: история, международные отношения*. — 2012. — № 1. — С. 80—88.
14. Загорский, А. В. Россия и Германия: преемственность и перемены / А. В. Загорский. — *Russie. Cei. Visions.*, 2005. — 18 с.

15. Из выступления В. В. Путина на встрече с представителями деловых кругов Германии [Электронный ресурс] // Президент России. — 16.06.2000. — Режим доступа: <<http://archive.kremlin.ru/text/appears/2000/06/28771.shtml>>. — Дата доступа: 19.12.2014.
16. История форума [Электронный ресурс] // Петербургский диалог. — Режим доступа: <<http://petersburger-dialog.ru/home/istoriya.html>>. — Дата доступа: 12.11.2014.
17. Истягин, Л. Г. Германия и Россия на исторической развилке / Л. Г. Истягин // Мировая экономика и международные отношения. — 2002. — № 4. — С. 116—120.
18. Калинин, В. А. Реакция ФРГ на российские инициативы в отношении Договора о европейской безопасности / В. А. Калинин [Электронный ресурс] // Российский институт стратегических исследований. — 01.03.2011. — Режим доступа: <<http://www.riss.ru/analitika/158-reakciya-frg-na-rossiyskie-iniciativy-v-otnoshenii-dogovora-o-evropeyskoj-bezopasnosti>>. — Дата доступа: 22.12.2014.
19. Лавров, С. В. Россия и Германия: стратегическое партнерство на новом этапе. К 50-летию установления дипломатических отношений с ФРГ / С. В. Лавров [Электронный ресурс] // Российская газета. — 13.09.2005. — Режим доступа: <<http://www.rg.ru/2005/09/13/lavrov.html>>. — Дата доступа: 10.11.2014.
20. О культурных ценностях, перемещенных в Союз ССР в результате Второй мировой войны и находящихся на территории Российской Федерации: Федеральный закон от 15 апр. 1998 г. № 64-ФЗ [Электронный ресурс] // Интернет-проект «Культурные ценности — жертвы войны». — Режим доступа: <<http://www.lostart.ru/ru/documents/detail.php?ID=862>>. — Дата доступа: 20.12.2014.
21. О проекте [Электронный ресурс] // Интернет-проект «Культурные ценности — жертвы войны». — Режим доступа: <<http://lostart.ru/ru>>. — Дата доступа: 01.10.2014.
22. Павлов, Н. В. Внешняя политика Берлинской республики: новый германский путь? / Н. В. Павлов // Мировая экономика и международные отношения. — 2005. — № 2. — С. 63—75.
23. Родович, Ю. В. Германия и Россия в начале второго десятилетия XXI века: новый этап отношений / Ю. В. Родович // Науч. ведомости Белгород. гос. ун-та. Серия: история, политология, экономика, информатика. — 2013. — № 22. — С. 67—72.
24. Российско-германские отношения в контексте европейской безопасности / Н. К. Меден [и др.]; под ред. В. И. Дашичева. — М.: Ин-т экономики РАН, 2009. — 189 с.
25. Российско-германские отношения в контексте мировой политики. Дискуссия // Междунар. жизнь. — 2006. — № 7. — С. 120—160.
26. Россия и Германия подписали пакет документов о сотрудничестве [Электронный ресурс] // Финмаркет. — 19.11.2012. — Режим доступа: <<http://www.finmarket.ru/news/3132550>>. — Дата доступа: 19.12.2014.
27. Русакович, А. В. Белорусско-германское взаимодействие на современном этапе / А. В. Русакович // Труды факультета международных отношений: науч. сб. Вып. I / редкол.: В. Г. Шадурский [и др.]. — Минск: Тесей, 2010. — С. 17—22.
28. Совместное заявление Президента Российской Федерации Владимира Путина и Федерального канцлера Федеративной Республики Германия Герхарда Шрёдера, 9 сент. 2004 г. [Электронный ресурс] // Президент России. — Режим доступа: <http://archive.kremlin.ru/interdocs/2004/09/09/0000_81454.shtml>. — Дата доступа: 22.12.2014.
29. Состоялся девятый раунд российско-германских межгосударственных консультаций на высшем уровне [Электронный ресурс] // Президент России. — 15.10.2007. — Режим доступа: <<http://www.kremlin.ru/news/42997>>. — Дата доступа: 19.12.2014.
30. Список документов, подписанных в присутствии лидеров двух стран в ходе российско-германских межгосударственных консультаций [Электронный ресурс] // Президент России. — Режим доступа: <<http://archive.kremlin.ru/events/articles/2003/10/53601/54014.shtml>>. — Дата доступа: 12.01.2015.
31. Список документов, подписанных по итогам российско-германских межгосударственных консультаций [Электронный ресурс] // Президент России. — Режим доступа: <http://news.kremlin.ru/ref_notes/3935>. — Дата доступа: 12.01.2015.
32. Стратегия развития отношений Российской Федерации с Европейским союзом на среднесрочную перспективу (2000—2010 гг.) // Современная Европа. — 2000. — № 1. — С. 95—105.
33. Фрольцов, В. В. Постсоветские государства во внешней политике ФРГ (1991—2005) / В. В. Фрольцов. — Минск: БГУ, 2013. — 431 с.
34. Чащарина, О. М. Россия, Германия и ЕС в новом десятилетии («круглый стол») / О. М. Чащарина // Современная Европа. — 2010. — № 2. — С. 138—143.
35. Шарапо, А. В. Европейская политика ФРГ: от альтруизма к прагматизму / А. В. Шарапо // Беларусь в современном мире: материалы X Междунар. науч. конф., посвященной 90-летию образования Белорус. гос. ун-та, 28 окт. 2011 г. / редкол.: В. Г. Шадурский [и др.]. — Минск: Изд. центр БГУ, 2011. — С. 64—65.
36. Юбилейный раунд. В Санкт-Петербурге прошли российско-германские межправительственные консультации [Электронный ресурс] // Москов. нем. газ. — 09.10.2008. — Режим доступа: <<http://www.ru.mdz-moskau.eu/yubilejnyj-raund/>>. — Дата доступа: 12.12.2014.

«Германия во внешней политике России в 2000—2012 гг.» (Юлия Пучинская)

Характер взаимодействия России и Германии во многом определяет облик современной Европы. Формирование германского вектора внешней политики России можно охарактеризовать как смену периодов взлета и падения в отношениях двух стран.

В статье рассматриваются основные направления российско-германского сотрудничества в период с 2000 по 2012 г. Приводятся базовые подходы к оценке состояния и перспектив выстраивания стратегического партнерства России и Германии. Сделаны выводы о возможных направлениях оптимизации российско-германского взаимодействия.

«Germany in the Russian Foreign Policy in 2000–2012» (Yuliya Puchinskaya)

The character of cooperation between Russia and Germany to a great extent defines the image of contemporary Europe. The formation of the German direction in Russian foreign policy may be characterized as the shift between the ups and downs in the relations between both countries. The article considers the main directions of the Russian–German cooperation between 2000 and 2012. Basic approaches towards evaluation of the state and prospects of strategic partnership between Russia and Germany are given and some conclusions on possible directions for optimization of the Russian-German cooperation are made.

Статья поступила в редакцию в марте 2015 г.

ДОКЛАД ВЕРХОВНОГО КОМИССАРА ОРГАНИЗАЦИИ ОБЪЕДИНЕННЫХ НАЦИЙ ПО ДЕЛАМ БЕЖЕНЦЕВ* (за период с 1 июля 2013 г. по 30 июня 2014 г.) [Извлечение]

I. Введение

1. 2013 г. был одним из самых сложных в истории УВКБ ООН. Количество людей, перемещенных в результате конфликтов и преследований, достигло более 50 млн человек¹, что представляет собой самый высокий уровень со времен Второй мировой войны и на 6 млн человек превышает уровень предыдущего года.

2. В 2013 г. оставить свои дома и искать защиту за пределами границ своей страны были вынуждены более 2,5 млн человек: это наибольшее количество новых беженцев, зарегистрированных за один год со времени руандийского геноцида 1994 г. Основной причиной появления беженцев стала война в Сирийской Арабской Республике. За пять лет эта страна превратилась из государства, принимающего наибольшее в мире количество беженцев, в государство, генерирующее наибольшее количество беженцев. Кроме тех, кто бежал в 2013 г. за границу, 8,2 млн человек были перемещены внутри своих стран, что также является очень высоким показателем.

3. В отчетный период гуманитарное сообщество столкнулось с четырьмя чрезвычайными ситуациями уровня 3²: Сирийская Арабская Республика, Филиппины, Центральноафриканская Республика и Южный Судан. Реагируя на эти чрезвычайные ситуации, УВКБ ООН продолжало предоставлять защиту и помощь тем, кто был перемещен в результате конфликта в других частях света, в том числе в Демократической Республике Конго, Ираке, Мали и Сомали. Эти одновременные кризисы, как новые, так и затянувшиеся, вызвали значительные запросы к УВКБ ООН и его партнерам и усилили нагрузку на принимающие страны и сообщества.

4. По сравнению с огромным количеством людей, насильственно перемещенных во всем мире, по-прежнему ощущается дефицит решений. В 2013 г. вернуться к себе домой оказались в состоянии лишь 414 600 беженцев, что стало самым низким уровнем за последние десять лет, а 98 400 — были переселены. По мере того как глобальное насильственное перемещение приобретает все более распространенный, затяжной и сложный характер, из года в год возрастают гуманитарные потребности и становится все труднее изыскать потенциал и ресурсы для их удовлетворения.

II. Оперативный обзор

A. Важные региональные события

5. С крупномасштабными перемещениями по-прежнему сталкивался Африканский континент. В субсахарской Африке количество беженцев достигло в конце 2013 г. 2,9 млн человек, что на 158 200 человек больше по сравнению с предыдущим годом. В тот же период количество внутренне перемещенных лиц (ВПЛ) возросло с 10,4 до 12,5 млн человек. 7,7 млн из них получали защиту и помощь со стороны УВКБ ООН. Беженцы находили защиту почти в 50 странах континента. Тем не менее, имели место случаи выдворения и жестко оспаривались принципы международной защиты. Трудности с финансированием, усугубляемые проблемами безопасности и логистики, заставили урезать продовольственные наборы для беженцев в Африке, что грозит усилением острого недоедания и анемии. От продовольственной помощи Всемирной продовольственной программы (ВПП) зависят около 2,4 млн беженцев в 22 странах. Треть из них столкнулись с сокращением пайков, в некоторых странах такое сокращение может достичь 50—60 %.

6. Самые критические ситуации в связи с перемещением, вызванные крайним насилием и нарушениями прав человека, имели место на востоке Демократической Республики Конго, в Центральноафриканской Республике и Южном Судане. В Центральноафриканской Республике политический кризис перерос в общий коллапс правопорядка и жестокое межобщинное и межрелигиозное насилие. К концу июня 2014 г. насчитывалось 536 500 внутренне перемещенных лиц, а более 378 000 человек искали убежища в соседних странах. Вспышка конфликта в Южном Судане привела к перемещению около 1 млн человек внутри страны и в трансграничном разрезе. Чтобы отреагировать на эти чрезвычайные ситуации, УВКБ ООН нарастило свой потенциал и в контексте ситуации ВПЛ играло координирующую роль в рамках межучрежденческой структуры, возглавляя группы по защите, по предоставлению жилья и непродуктивных товаров в

* Публикуется по: Доклад Верховного комиссара Организации Объединенных Наций по делам беженцев: док. ООН A/69/12. — Нью-Йорк: ООН, 2014.

чрезвычайных ситуациях, по координации лагерей и по управлению лагерями. Хотя относительная стабильность в отдельных районах Мали и Сомали привела к некоторым спонтанным возвращениям, большинство лиц, перемещенных в этих странах в результате конфликта, все еще требуют международной защиты.

7. В Америке крупнейшая операция УВКБ ООН была по-прежнему связана с колумбийской ситуацией. Мирные переговоры между правительством и революционными вооруженными силами Колумбии все-таки вселяют надежду на разрешение 50-летнего конфликта в стране. Несмотря на это, тут все еще насчитывается около 5,4 млн внутренне перемещенных лиц, включая 115 000 человек, которые были вынуждены покинуть свои дома в результате насилия в 2013 г. Особенно остро перемещение ощущается в приграничных районах, и в 2013 г. в Эквадоре каждый месяц регистрировалось до 1000 новых прибытий. В рамках более широкого региона международная защита подкреплялась национальными законодательными структурами. Тем не менее, остаются пробелы в предоставлении доступа к убежищу, создании адекватных условий приема и обеспечении гарантий защиты в контексте смешанной миграции. УВКБ ООН работает с правительствами, неправительственными организациями (НПО) и субъектами гражданского общества над процессом Картахена+30, который посвящен 30-летию Картахенской декларации. Процесс завершится принятием в декабре 2014 г. нового плана действий с целью укрепить защиту в регионе.

8. Очагом трети беженцев в мире — около 3,5 млн человек — остается Азиатско-Тихоокеанский регион. Около 70 % из них в регионе составляют более 2,4 млн афганских беженцев — в большинстве случаев в Исламской Республике Иран и Пакистане. В свете событий в Мьянме УВКБ ООН тесно сотрудничает с правительствами и партнерами в регионе с тем, чтобы заложить почву для добровольной репатриации беженцев. В то же время УВКБ ООН должно поддерживать перемещенных лиц в мьянманских штатах Ракхайн и Качин, а также на юго-востоке страны. В порядке реакции на тайфун «Хайян», который обрушился на Филиппины в ноябре 2013 г., УВКБ ООН приняло совместное с правительством руководство по защите группы и экстренно предоставило жилье и предметы первой необходимости более чем 0,5 млн человек, в первую очередь уязвимым контингентам и жителям отдаленных районов.

9. В Европе в 2013 г. попросили политического убежища почти 0,5 млн человек, что на 32 % больше, чем в 2012 г. УВКБ ООН помогало укреплять институт убежища, поощряя согласованность в процедурах предоставления убежища, улучшение условий приема, защиту в контекстах смешанных миграционных потоков и альтернативы задержанию. Двадцать восемь государств — членов Европейского союза зарегистрировали в Европе 82 % заявлений о предоставлении убежища, а Германия, Франция и Швеция образуют тройку самых принимающих стран. Из более чем 484 тыс. ходатайств о предоставлении убежища, поданных в Европе в 2013 г., около 53 800 заявок исходили от сирийцев. Возрастало и количество лиц, ищущих убежища, прибывающих в Юго-Восточную Европу, и было зарегистрировано 11 240 заявок (в основном в Сербии и Черногории). Хотя основным вызовом для региона стал приток сирийцев, УВКБ ООН также концентрировало внимание на долгосрочных решениях затяжных ситуаций, связанных с беженцами, на деятельности в связи с безгражданством и на усилиях по преодолению ксенофобии. После обострения ситуации в Украине в конце 2013 г. УВКБ ООН продолжило тесно сотрудничать с региональными властями и гражданским обществом, с тем чтобы отслеживать ситуацию с перемещением и, когда необходимо, предоставлять поддержку.

10. В регионе Ближнего Востока и Северной Африки уже четвертый год идет война в Сирийской Арабской Республике. В 2013 г. исход из страны возрос более чем на 1,7 млн человек, достигнув 2,4 млн к концу года и 2,7 млн к середине 2014 г. Внутри страны, по оценкам, насчитывалось 6,5 ВПЛ, из которых 3,5 млн проживали в труднодоступных или недостижимых местах. Несмотря на ограничения в плане безопасности и доступа, УВКБ ООН расширило проникновение в глубь Сирийской Арабской Республики, добираясь до миллионов ВПЛ по всей стране — как в районах, контролируемых правительством, так и в районах, контролируемых оппозицией. Поскольку в феврале 2014 г. ухудшилась ситуация в Хомсе, УВКБ ООН участвовало в эвакуации гражданских лиц из Старого города и подготовило набор минимальных стандартов, базирующихся на принципах международного права прав человека и международного гуманитарного права, в качестве ориентира для будущих эвакуаций. Они были одобрены Страновой группой Организации Объединенных Наций в Дамаске.

11. Такие принимающие страны, как Египет, Иордания, Ирак, Ливан и Турция, позволили большим контингентам беженцев остаться на своей земле, однако это отразилось на совокупных экономических, социальных издержках и безопасности. Ливан, например, по оценкам Всемирного банка, в результате кризиса в 2013 г. потерял 2,5 млрд дол. США в виде упущенной экономической выгоды. В апреле 2014 г. количество беженцев в Ливане превысило миллионную отметку, вследствие чего в стране отмечается самая высокая в мире концентрация беженцев в пересчете на душу населения. В ходе шестьдесят четвертой сессии Исполнительного комитета Верхов-

ный комиссар созвал совещание высокого уровня по вопросу о солидарности и разделении ответственности со странами, принимающими сирийских беженцев. В заявлении, принятом в ходе сессии, подчеркивалось глубокое социально-экономическое воздействие на эти страны, а также ближайшие и долгосрочные потребности принимающих сообществ. В заявлении также содержался призыв к международному сообществу предоставлять более широкие возможности для переселения в третьи страны.

12. В Ираке всплеск насилия привел к перемещению с января 2014 г. в центральной и северной части страны более 1,2 млн человек. Наиболее серьезное насилие было отмечено в провинции Анбар, где в результате боев, сосредоточенных в Эль-Фаллудже и Рамади, было перемещено примерно 550 000 человек. В июне вооруженные группы взяли под контроль второй по величине город Ирака — Мосул, что привело к перемещению свыше 500 000 человек. УВКБ ООН также помогает более 225 000 сирийских беженцев, которые, спасаясь от конфликта в своей стране, бежали в Ирак. Не менее проблематичный характер носит и обстановка в Северной Африке, где УВКБ ООН поддерживает потребности в защите и помощи 66 000 малийских беженцев в Мавритании (31 000 из которых прибыли в 2013 г.) и 59 000 ВПЛ в Ливии. В качестве составной части программы мер по укреплению доверия, которую с 2004 г. востребовали около 20 700 человек, по-прежнему выступают семейные визиты беженцев в лагерях под Тиндуфом (Алжир) и их семьями в Западной Сахаре.

В. Готовность к чрезвычайным ситуациям и реагирование в чрезвычайных ситуациях

13. Множество чрезвычайных ситуаций в отчетный период продолжали расширять потенциал реагирования УВКБ ООН и его партнеров. В 2013 г. в рамках чрезвычайной миссии в порядке поддержки 43 страновых операций начали работу 464 сотрудника, 156 из которых имели отношение к УВКБ ООН, а 308 — к резервным партнерам. С целью расширения операций в таких сферах, как жилье, водоснабжение, санитария и гигиена, общественное здравоохранение и жизнеобеспечение, приступали к работе технические эксперты. Предоставлялась также кластерная поддержка в связи с ситуациями ВПЛ в таких сферах, как предоставление жилья и защиты, управление лагерями и координация.

14. УВКБ ООН по-прежнему позиционирует себя структурой по доставке помощи контингенту численностью вплоть до 600 000 человек в течение 72 ч с момента наступления чрезвычайной гуманитарной ситуации. В критические моменты производилось наращивание запасов с целью охватить еще более значительные контингенты людей. Управление экспедировало 15 630 метрических тонн предметов гуманитарной помощи, причем 2330 были доставлены в ходе 53 авиарезовозок, а 13 300 — по автомобильным дорогам и морским путем. Помощь включала палатки, пластиковые щиты, кухонные наборы, противомоскитные сетки, одеяла и другие предметы домашнего обихода, включая солнечные фонари, которые в настоящее время являются стандартным компонентом гуманитарных комплектов. Солнечные фонари лучше подходят для окружающей среды и уменьшают риски в вопросах защиты, в частности, в плане сексуального и гендерного насилия.

С. Основные потребности и услуги

15. В 2013 г. УВКБ ООН реализовало ряд инициатив по упрочению услуг и помощи подопечным лицам. Были разработаны четыре новые стратегии, с тем чтобы разрешать ситуации в таких сферах, как: 1) общественное здравоохранение (включая вопросы водоснабжения, санитарии и гигиены; репродуктивного здоровья и ВИЧ; питания и продовольственной безопасности); 2) расселение и предоставление жилья; 3) жизнеобеспечение; 4) безопасный доступ к топливу и энергии. Эти глобальные стратегии, которые являются результатом обширных консультаций с партнерами, твердо ориентированы на защиту и поиск решений. Они оформлены общим набором руководящих принципов, базирующихся на возрастном, гендерном подходе и вопросах разнообразия, и делают акцент на устойчивость программных интервенций.

16. УВКБ ООН наращивает использование денежных интервенций, которые могут улучшить защиту в период перемещения и по возвращении. Позволяя подопечным самим судить о своих приоритетных потребностях, можно смягчить пагубные способы выживания, такие как секс ради выживания, детский труд и принудительные браки. Денежные интервенции дают и эффект мультипликатора, принося выгоду местной экономике и способствуя мирному сосуществованию с принимающими сообществами. УВКБ ООН предоставляет денежную помощь наиболее уязвимым ВПЛ и беженцам. Этот подход используется и во многих других случаях в Афганистане, Демократической Республике Конго, Исламской Республике Иран, Кении, Судане, Чаде, Шри-Ланке, Эквадоре и Эфиопии.

D. Предоставление помощи в условиях высокого риска

17. УВКБ ООН продолжает помогать населению в опасных и труднодоступных местах ценой значительных издержек в плане безопасности и серьезных усилий. В Сирийской Арабской Республике, например, чтобы доставить помощь ВПЛ, трансграничным миссиям, предпринимаемым с выходом на «спорную» территорию, требуется 12 ч и более, чтобы пройти 10 км. Переговоры с разными субъектами, происходящие на многочисленных контрольно-пропускных пунктах, требуют тщательной подготовки и соответствующего оборудования, например бронетранспортеров.

18. Между тем, в таких местах, как Афганистан, Йемен и Сомали, серьезную угрозу представляют целенаправленные нападения на гуманитарных работников, тогда как на Ближнем Востоке комплекс вызовов в плане безопасности связан с непрекращающимися волнениями. Согласно базе данных о безопасности гуманитарных работников, за последний год было зарегистрировано более 500 инцидентов, связанных с гуманитарными организациями. Особенно это касалось национального персонала.

19. Опасности, с которыми сталкиваются гуманитарные работники, иллюстрируются рядом инцидентов, связанных с персоналом УВКБ ООН. В декабре 2013 г. УВКБ ООН было вынуждено быстро перебазировать персонал из Йиды в штате Эль-Вахда, Южный Судан, после ухудшения там условий в плане безопасности. В Центральноафриканской Республике исключительно сложная ситуация вынудила многих национальных сотрудников бегством покинуть свои дома. В разгар насилия в начале 2014 г. несколько коллег и их семей были вынуждены получить приют в защищенном комплексе ООН. В феврале в Могадишо (Сомали) подверглась нападению колонна УВКБ ООН, а в апреле в лагере беженцев «Хагадера» в Дадаабе (Кения) было совершено нападение на автомобиль УВКБ ООН с двумя сотрудниками, причем в обоих случаях сотрудники получили ранения. В мае в Банги (Центральноафриканская Республика) в ходе этнически мотивированного нападения был убит национальный сотрудник. Эти инциденты иллюстрируют опасности, с которыми сталкиваются гуманитарные работники в полевых условиях.

20. На этом фоне УВКБ ООН продолжало инвестировать в меры по смягчению рисков, с тем чтобы уменьшить уязвимость персонала и позволить ему сохранять присутствие в сложной обстановке с точки зрения безопасности. Это включает повышение защищенности помещений, обеспечение наличия адекватных средств и содержание диверсифицированной сети полевых консультантов по безопасности, готовых к немедленному развертыванию в чрезвычайных ситуациях. Управление по-прежнему делает акцент на подготовку и координацию действий со всеми субъектами, работающими на местах.

III. Защита

A. Обстановка с точки зрения защиты

21. По сравнению с 2013 г. итоги в плане защиты носят смешанный, а порой и противоречивый характер. Хотя сопредельные страны, несмотря на социальные и экономические издержки, в значительной мере держали границы открытыми, в качестве глобального вызова по-прежнему выступало обеспечение доступа к территории и последующая защита на местах, особенно в контексте смешанных миграционных потоков. Даже в изгнании беженцы и лица, ищущие убежища, сталкиваются с другими угрозами, такими как сексуальное и гендерное насилие, принудительная вербовка, вооруженные нападения, похищения, произвольные задержания и торговля людьми.

22. С усилением нагрузки на институт убежища ряд стран приняли меры по ограничению прибытия больших людских контингентов. Все более распространенными стали физические и административные препятствия к доступу на безопасную территорию, такие как пограничные заграждения, ошибочное применение концепции «безопасной третьей страны» и удовлетворение запросов на экстрадицию без гарантий надлежащего разбирательства. Не всегда соблюдается главный принцип международной защиты и норма обычного международного права — принцип невысылки. Проявились такие тревожные тенденции, как секретность вокруг передачи или перемещения лиц, ищущих убежища, в другие страны, а также рост похищений и незаконного вывоза беженцев и лиц, ищущих убежища, из стран убежища.

23. Многие государства достигли прогресса в развитии и укреплении национальных систем предоставления убежища, включая принятие законов и реформы процедур. В рамках своей надзорной ответственности УВКБ ООН консультировало правительства, по крайней мере, в 50 странах при разработке национальных законов о предоставлении убежища. Несмотря на это, УВКБ ООН продолжало осуществлять регистрацию и определение статуса беженца более чем в 60 странах и территориях, зарегистрировав 203 200 человек, или 19 % всех индивидуальных ходатайств о предоставлении убежища, поданных в течение года. С 2012 г. это количество возрос-

ло на 62 %. В последние годы с учетом роста количества новых чрезвычайных ситуаций УВКБ ООН также пришлось расширить многие из существующих уставных операций по определению статуса беженца и наладить новые в рамках своего защитного реагирования. В сирийской ситуации УВКБ ООН быстро адаптировало свои уставные операции по определению статуса беженца в регионе, с тем чтобы обработать большие количества прибывший и реализовать упрощенные процедуры на предмет переселения и гуманитарного приема. Управление работает над укреплением своего собственного штатного потенциала по определению статуса беженца и в то же время активизирует усилия по поддержке правительств в отношении разработки новых процедур определения статуса беженца или совершенствования существующих.

24. В последние годы УВКБ ООН сталкивается с резким ростом общего количества детей-беженцев. По сравнению с 41 % в 2009 г. сейчас на детей приходится более 50 % общего количества беженцев. А в некоторых местах это количество еще выше, например в Южной Уганде, где сообщества беженцев состоят из детей на 60—70 %. Все больше беженцев проживают в городских районах, где дети зачастую сталкиваются с рядом рисков в плане защиты, включая детский труд, эксплуатацию и надругательства. В порядке реагирования усилия УВКБ ООН по укреплению защиты детей включают следующее: обеспечение доступности свидетельств о рождении; обеспечение доступа к национальным системам и службам (включая начальное и среднее образование) по защите детей; предоставление адресной поддержки детям с особыми потребностями; обеспечение процедур своевременного вынесения заключений в наилучших интересах несопровождаемых и разлученных детей и других детей-беженцев, подверженных риску; установление процедур приема и предоставления убежища с учетом интересов детей в контексте смешанной миграции.

В. Сексуальное и гендерное насилие: предотвращение и реагирование

25. С увеличением количества конфликтов все больше беженцев подвергаются сексуальному и гендерному насилию. В 2013 г. полевой персонал в 43 странах получил сообщение о 12 400 инцидентах. Однако фактическое количество инцидентов гораздо выше, так как из-за стигматизации и страха о многих случаях так и не сообщается. В конфликтных ситуациях по отношению к сексуальному и гендерному насилию особенно уязвимы дети-беженцы. В провинции Северное Киву Демократической Республики Конго наблюдается рост актов насилия в отношении женщин и девочек, в частности изнасилований. Крупным вызовом при разрешении этой проблемы остается превалирующая культура безнаказанности, когда исполнители редко подвергаются аресту, преследованию и наказанию.

26. Чтобы укрепить профилактику и реагирование в связи с сексуальным и гендерным насилием, было предпринято несколько инициатив с подключением УВКБ ООН. Соединенными Штатами Америки в партнерстве с УВКБ ООН была выдвинута инициатива «Изначальная безопасность», которая нацелена на то, чтобы профилактике и реагированию в связи с сексуальным и гендерным насилием отводился приоритет как жизнесберегающему направлению наряду с основной гуманитарной помощью. С тем чтобы мобилизовать международное сообщество и заручиться обязательствами в этой сфере, Департамент Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии по международному развитию также выдвинул «Призыв к действиям по защите девушек и женщин в чрезвычайных ситуациях». Работа УВКБ ООН по инициативе «Изначальная безопасность» поможет Управлению выполнять свои обязательства по «Призыву к действиям». В июне 2014 г. британский министр иностранных дел и специальный посланник УВКБ ООН Анджелина Джоли организовали саммит высокого уровня по вопросу пресечения сексуального насилия в условиях конфликта. Саммит с участием 129 стран достиг согласия о практических шагах по борьбе с безнаказанностью. УВКБ ООН помогало в разработке международного протокола саммита о документировании и расследовании сексуального насилия в условиях конфликта.

27. Почти 67 страновых операций реализуют программы по профилактике и реагированию в связи с сексуальным и гендерным насилием в рамках этого глобального стратегического приоритета и стратегии УВКБ ООН по предотвращению и реагированию в связи с сексуальным и гендерным насилием. Последняя из операций была развернута в 19 приоритетных странах в Африке, Северной и Южной Америке, Азии и на Ближнем Востоке. С целью обеспечения реализации стратегии по сексуальному и гендерному насилию, в Дакаре, Найроби, Бейруте и г. Панаме дислоцированы четыре старших сотрудника по региональной защите. Чтобы укрепить их потенциал по разработке, реализации и мониторингу мероприятий в связи с сексуальным и гендерным насилием, в рамках страновых операций разворачивается и специализированный персонал.

С. Защита беженцев в смешанных потоках

28. По мере возрастания нагрузки пространство защиты во многих странах, сопредельных с районами конфликтов, все больше беженцев пытаются добраться в третьи страны, зачастую в надежде воссоединиться с членами семьи. В качестве глобальных контингентов беженцев к

афганцам и сомалийцам присоединились сирийцы, которые подают ходатайства о предоставлении убежища более чем в 100 странах и территориях. В общей сложности в 2013 г. было подано более 1 млн индивидуальных ходатайств о предоставлении убежища, что на 15 % больше, чем в 2012 г.

29. УВКБ ООН встревожено ростом задержаний лиц, ищущих убежища, и беженцев наряду с нелегальными мигрантами. В некоторых странах эта практика стала не исключительной реакцией на незаконный въезд, а обыденным делом. Задержанные, в том числе и дети, зачастую содержатся в нечеловеческих условиях. В порядке реакции УВКБ ООН развернуло глобальную стратегию *Beyond Detention*, которая нацелена на то, чтобы в предстоящие пять лет расширить наличие альтернатив задержанию и пресечь задержание детей.

30. УВКБ ООН испытывает особую обеспокоенность в связи с ростом количества ищущих убежища несопровождаемых и разлученных детей. В 2013 г. убежища в 77 странах просили более 25 000 человек. Большинство из них составляют афганцы, южные суданцы и сомалийцы. Большие контингенты несопровождаемых несовершеннолетних из Центральной Америки прибыли также в Соединенные Штаты Америки, причем многие из них спасались бегством от организованной преступности, всеобщего насилия и надругательств и пренебрежения.

31. Движимые отчаянием, тысячи беженцев, лиц, ищущих убежища, и мигрантов стали отправляться в море, рискуя жизнью на переполненных, немореходных судах в попытке обрести безопасность и стабильность в другом месте. В их числе большое количество женщин и детей, включая новорожденных и несовершеннолетних без сопровождения взрослых. Поступали сообщения о надругательствах, изнасилованиях и пытках со стороны контрабандистов. Как сообщалось, чтобы предотвратить опрокидывание или избежать обнаружения, пассажиров выбрасывали за борт, в результате чего имело место множество незадокументированных жертв. Меры сдерживания со стороны некоторых государств включали перехват, оттеснение или высылку.

32. В Азии с июня 2012 г., когда в штате Ракхайн в Мьянме вспыхнуло межобщинное насилие, резко возросло количество лодочных отплытий из Бенгальского залива. Многочисленные инциденты (с людьми, предпринимавшими опасное путешествие от Африканского Рога до Ближнего Востока) имели место в Красном море и Аденском заливе, а также в Карибском бассейне. Увеличение морских перемещений в Средиземноморье привело к гибели на море сотен человек, в том числе многих сирийцев, бежавших от войны в своей стране. В одном только инциденте у побережья итальянского острова Лампедуза в начале октября 2013 г. погибло более 360 человек. В порядке реакции Италия развернула операцию *Mare Nostrum*, с тем чтобы укрепить патрульно-спасательный потенциал в Средиземном море. С начала этой инициативы в октябре 2013 г. было спасено на море более 72 000 человек.

33. Этот глобальный феномен будет сохраняться до тех пор, пока будут иметься побудительные причины для незаконных морских переездов, включая конфликты, затяжные перемещения, безгражданство, отсутствие или неадекватность защиты, дискриминацию, разлучение семей и бедность. И тут нужны согласованные действия стран происхождения, транзита и назначения, включая прибрежные и не прибрежные государства. Государства настоятельно призываются к совместной работе посредством скоординированных региональных ответных мер по спасению людей на море и в то же время изучению альтернативных легальных каналов к тому, чтобы, в первую очередь, удержать людей от реализации этих опасных путешествий. В порядке реакции УВКБ ООН развернуло Глобальную инициативу по защите на море, которая нацелена на укрепление поисково-спасательных потенциалов, мероприятий по обеспечению безопасной высадки, условий приема и идентификации и механизмов попечительства для тех, кто нуждается в защите.

D. Конвенция 1951 г. о статусе беженцев и Протокол 1967 г. к ней

34. Конвенция 1951 г. о статусе беженцев и Протокол 1967 г. к ней остаются одними из наиболее широко ратифицированных международных договоров. В отчетный период не произошло никаких новых присоединений или снятий оговорок к этим документам. Оговорки к Конвенции 1951 г. или Протоколу 1967 г. сохраняют почти 70 государств. УВКБ ООН настоятельно призывает государства рассмотреть вопрос о присоединении и снять оговорки к этим инструментам.

E. Безгражданство

35. УВКБ ООН продолжало расширять свою деятельность в связи с безгражданством и формировать новые партнерства, поощряя расширение круга субъектов, работающих над решением этой проблемы. Повышение международной осведомленности, а также решимость государств и других заинтересованных субъектов предотвращать и искоренять безгражданство привели к существенным результатам. В октябре 2013 г. Исполнительный комитет принял заключение³ о ре-

гистрации актов гражданского состояния, подчеркнув, что регистрация рождений имеет существенное значение для предотвращения безгражданства, и побуждая государства сделать ее доступной.

36. Был достигнут прогресс в сокращении безгражданства путем приобретения или подтверждения гражданства. По имеющимся данным, в 2013 г. гражданство в 19 странах приобрели примерно 37 700 человек, которые прежде были апатридами. УВКБ ООН предоставляло консультации по реформе законов о гражданстве в 67 странах с целью предотвратить и сократить безгражданство.

37. В своих национальных законах о гражданстве 27 стран сохраняют положения, которые устанавливают дискриминацию в отношении женщин, не позволяя матерям передавать гражданство своим детям, что ведет к безгражданству. Более 60 стран не позволяют женщинам приобретать, изменять или сохранять свое гражданство наравне с мужчинами. В последние годы 11 стран, в том числе Сенегал в 2013 г., реформировали свои законы с целью обеспечить гендерное равенство. В июне 2014 г. в сотрудничестве со структурой «ООН-женщины», Тилбургским университетом и несколькими НПО была развернута кампания с целью пресечения гендерной дискриминации в законах о гражданстве.

38. УВКБ ООН продолжало поощрять присоединение к Конвенции 1954 г. о статусе апатридов и к Конвенции 1961 г. о сокращении безгражданства. С начала 2013 г. семь государств: Кот-д'Ивуар, Литва, Никарагуа, Перу, Украина, Черногория и Ямайка — присоединились к одной или обеим конвенциям. Бельгия, Гамбия, Грузия и Парагвай подтвердили, что они передадут на хранение свои документы о присоединении к одной или обеим конвенциям на специальном договорном мероприятии в Женеве 1 июля 2014 г. В результате этих присоединений Конвенция 1954 г. будет насчитывать 82 государства-участника, а Конвенция 1961 г. — 58.

39. Поскольку, по оценкам, во всем мире насчитывается 10 млн апатридов, безгражданство остается глобальной проблемой колоссальных масштабов. Вместе с тем, как показывает опыт, при наличии достаточной политической воли на национальном уровне она может быть разрешена. С этой целью УВКБ ООН работает над новой кампанией, развертывание которой приурочено к 60-летию Конвенции 1954 г., чтобы в течение десяти лет полностью устранить проблему безгражданства.

Г. Внутреннее перемещение

40. По оценкам, общее количество ВПЛ составляет 33,3 млн человек — больше, чем было зарегистрировано когда-либо, и почти на 6,3 млн больше, чем в предыдущем году. Количество ВПЛ, которые воспользовались защитой и помощью УВКБ ООН, составило 23,9 млн человек. Наряду с признанием того, что главную ответственность за ВПЛ несет затронутое государство, взаимодействие УВКБ ООН с ВПЛ укладывается в рамки кластерного подхода Межучрежденческого постоянного комитета.

41. Эскалация конфликта в Сирийской Арабской Республике привела к внутреннему перемещению, по оценкам, 4,5 млн человек, в результате чего общее количество ВПЛ в стране составило 6,5 млн человек. В Колумбии имеется 5,4 млн ВПЛ и, по оценкам правительства, в 2013 г. насчитывалось около 115 000 недавно перемещенных лиц. На Африканском континенте происходящие конфликты привели к перемещению около 1 млн человек в Демократической Республике Конго (в результате чего общее количество ВПЛ в стране составило почти 3 млн человек), 390 000 — в Судане и 111 000 — в Мали. На пике кризиса в Центральноафриканской Республике внутри страны было перемещено около 1 млн человек, в том числе 700 000 человек в Банги. Возобновленный конфликт и проблемы безопасности также привели к перемещению 124 000 человек в Афганистане.

42. В 2013 г. гуманитарная помощь и защита зачастую тормозились дефицитом безопасности и ограничениями на передвижение, что затрудняло доступ к населению в отдаленных и осажденных районах. Отсутствие управления и верховенства права в некоторых районах создавало почву для безнаказанных нарушений прав человека и военных преступлений. Между тем, в 2013 г. имел место и ряд позитивных нормативных событий, включая принятие в Афганистане и Йемене национальной политики по внутреннему перемещению. Национальную политику по внутреннему перемещению разрабатывают также Демократическая Республика Конго, Нигерия и Сомали. Законодательство о защите ВПЛ разрабатывает Украина, а Грузия инициировала процесс пересмотра своего закона, касающегося признания статуса в отношении второго и третьего поколения детей ВПЛ. Имело место пять присоединений к Конвенции Африканского союза о защите и помощи внутренне перемещенным лицам в Африке, в результате чего стало насчитываться в общей сложности 22 участника.

43. Несмотря на достигнутый в последнее десятилетие значительный прогресс в разработке инструментов, политики и законодательства с целью усилить защиту ВПЛ, в этой области сохраняются многочисленные пробелы. В порядке реакции на это в 2013 г. диалог Верховного комис-

сара по проблемам защиты был сосредоточен на ВПЛ. Он выявил несколько практических способов к тому, чтобы международное сообщество упрочило защиту и помощь применительно к этому контингенту.

44. УВКБ ООН по-прежнему стремится быть предсказуемым и надежным партнером в совместных усилиях по улаживанию и урегулированию тяжелого положения людей, ставших перемещенными лицами у себя в стране. В отчетный период УВКБ ООН отвечало за руководство, координацию и поддержку оценок и реагирование по 20 кластерам в отношении защиты, по 8 — в отношении предоставления жилья и по 7 — в отношении координации лагерей и управления лагерями или же в связи с другими координационными механизмами. Глобальный кластер «Приют», возглавляемый совместно УВКБ ООН и Международной федерацией обществ Красного Креста и Красного Полумесяца, в порядке поддержки операций с ВПЛ разработал в сотрудничестве с НПО и другими партнерами укрепленный механизм экстренного наращивания потенциала. Глобальный кластер по координации лагерей и управлению лагерями, возглавляемый совместно УВКБ ООН и Международной организацией по миграции, учредил группу быстрого реагирования и в 2013 г. направлял экспертов во всех новых чрезвычайных ситуациях.

45. К середине 2014 г. глобальный защитный кластер предоставил поддержку 31 защитному кластеру на страновом уровне и другим полевым координационным механизмам, 20 из которых возглавлялись УВКБ ООН. Он предоставлял оперативные консультации и поддержку на местах за счет своей оперативной ячейки, службы поддержки, периодических информационных бюллетеней и веб-сайта. Глобальный защитный кластер тесно сотрудничал с защитными кластерами на страновом уровне в порядке поддержки стратегических планов и межучрежденческих призывов, всеобъемлющих оценок потребностей и мониторинга защиты.

IV. Долговременные решения

A. Затяжные ситуации и всеобъемлющие решения

46. Реагируя на чрезвычайные ситуации, УВКБ ООН также прилагало согласованные усилия по продвижению долгосрочных решений в рамках затяжных ситуаций. В затянувшемся изгнании живет больше половины беженцев в мире, и в последние десятилетия — как в случае беженцев, так и в случае ВПЛ — возросла средняя продолжительность перемещения. В 2013 г., чтобы проанализировать свой подход к решениям в глобальном разрезе и вынести структурные рекомендации по циклу составления бюджета и планирования работы в этой области, УВКБ ООН учредило Руководящую группу по поиску решений. Кроме того, в 2014 г. на проекты с целью продвижения конкретных групп к решению было ассигновано 20 млн дол. США. Финансирование выделяется на основе предложений с мест, которые демонстрируют четкую стратегию по достижению решений и содержат мощный компонент партнерства. На рассмотрение было представлено более 40 предложений. Чтобы дополнить и расширить поддержку этих мероприятий, доноры побуждаются выделять дополнительные фонды.

47. Продвижение решений требует твердой приверженности со стороны международного сообщества. В 2014 г. Дания принимала копенгагенский «круглый стол» в порядке развития рекомендаций предыдущих дискуссий в Нидерландах и Японии с тем, чтобы достичь согласия среди широкого круга субъектов, вовлеченных в гуманитарное реагирование и долгосрочное развитие, относительно путей преодоления затяжного перемещения. Одним из конкретных итогов стало создание сети правительств, гуманитарных организаций и организаций сферы развития, гражданского общества и частного сектора — новый альянс по поиску решений⁴, который нацелен на поиски инновационных решений в отношении перемещения. УВКБ ООН является одним из пяти соруководителей альянса наряду с датским и колумбийским правительствами, Программой развития Организации Объединенных Наций (ПРООН) и Международным комитетом спасения. К настоящему времени были учреждены национальные группы по Замбии и Сомали с целью исследования инновационных решений для ситуаций, сопряженных с перемещениями.

48. Между тем, УВКБ ООН продолжает работать с государствами и другими партнерами над всеобъемлющими стратегиями поиска решений. В Африке многолетний план действий нацелен на урегулирование ситуации 430 000 беженцев из Демократической Республики Конго; как ожидается, около 50 000 человек должны быть переселены в 2017 г., изучаются варианты применительно к другим. Достигнут дальнейший прогресс по стратегии поиска всеобъемлющих решений в интересах бывших ангольских беженцев. В 2013 г. при содействии УВКБ ООН было репатрировано более 1700 ангольских беженцев — в основном из Ботсваны и Замбии, ведутся консультации по планированию репатриации 25 000 ангольцев, которые желают вернуться домой. С выдчей видов на жительство и личных документов продвинулась местная интеграция ангольцев в некоторых странах убежища. По руандийской стратегии поиска всеобъемлющих решений из 12 стран добровольно вернулись около 7300 бывших руандийских беженцев, а ряд принимающих стран взяли обязательства по натурализации. В 2013 г., чтобы найти новые подходы к урегу-

лированию этой затяжной ситуации и стимулировать поддержку в пользу всеобъемлющих решений, была выдвинута Глобальная инициатива по сомалийским беженцам. УВКБ ООН также работает над разрешением других затяжных ситуаций, связанных с беженцами, включая ганцев в Того, чадцев в Нигере и тоголезцев в Бенине и Гане.

49. Что касается Северной и Южной Америки, то в Эквадоре с тем, чтобы расширить возможности колумбийских беженцев с точки зрения жизнеобеспечения и в то же время практиковать переселение и продвигать перспективу мобильности трудовых ресурсов и миграционных решений в рамках региона, была разработана инициатива по поиску всеобъемлющих решений. Соглашение о видах на жительство для граждан государств — участников МЕРКОСУР облегчает изыскание решений для колумбийских беженцев в регионе, позволяя миграцию в Аргентину или Бразилию. В Коста-Рике большинство колумбийских беженцев в настоящее время эволюционируют в натурализации и меньше зависят от помощи.

50. В Азии УВКБ ООН продолжает работать с соответствующими правительствами и партнерами над реализацией стратегии поиска решений в интересах афганских беженцев в порядке поддержки добровольной репатриации, устойчивой реинтеграции и помощи принимающим странам. Чтобы продвигать решения на региональном уровне, были разработаны портфели проектов по удовлетворению потребностей афганских беженцев и принимающих сообществ. Беженцам прививаются навыки, необходимые в их потенциальных районах возвращения. Новая национальная политика Пакистана по афганским беженцам расширяет трехстороннее соглашение о добровольной репатриации и действительность регистрационных карточек до декабря 2015 г. В дополнение к принятию более 800 000 зарегистрированных афганских беженцев Исламская Республика Иран осуществляет комплексный план урегулирования статуса афганцев, находящихся в стране без документов, обеспечивая правовые процедуры для временного пребывания на основании возобновляемых видов на жительство, которые проставляются в паспортах.

51. В Европе финансируемый ЕС трехгодичный проект по Боснии и Герцеговине, который осуществляется под руководством УВКБ ООН, нацелен на осуществление Пересмотренной стратегии по реализации приложения VII Дейтонского мирного соглашения и поддержку решений по ВПЛ за счет приоритетов сообществ и семей с особыми нуждами, исходя из потребностей. В рамках стратегии долговременных решений УВКБ ООН рекомендует принимающим государствам применить к концу 2014 г. оговорку о прекращении в связи с «прекратившимися обстоятельствами» применительно к контингенту беженцев, перемещенных из Хорватии в ходе конфликта 1991—1995 гг. Это может быть постепенно реализовано в период с 2014 по 2017 г.

В. Добровольное возвращение

52. В 2013 г. домой добровольно вернулись около 414 600 беженцев, в том числе 206 000 человек с помощью УВКБ ООН. По сравнению с 526 000 человек в предыдущем году это уже четвертый самый низкий уровень возвращений за последние 25 лет. К числу стран с наибольшим количеством репатриантов относятся Демократическая Республика Конго (68 400), Ирак (60 900), Афганистан (39 700), Сомали (36 100), Кот-д'Ивуар (20 000), Судан (17 000) и Мали (14 300).

53. Трехстороннее соглашение УВКБ ООН с Сомали и Кенией установило структуру, которая акцентирует солидарный принцип добровольного возвращения. Хотя относительная стабильность в некоторых частях Сомали вызвала спонтанное возвращение некоторых ВПЛ и беженцев, для организованных добровольных возвращений пока еще нет условий. В Мали гуманитарные партнеры и партнеры по развитию в сотрудничестве с правительством и местными сообществами работают над стратегией возвращения ВПЛ и беженцев. Хотя ситуация на севере Мали еще не благоприятствует крупномасштабным возвращениям, беженцам в Нигере и Мавритании, которые желают вернуться в определенные места, предоставляется помощь с этой целью.

54. В течение года домой вернулись около 1,4 млн ВПЛ, причем около трети из них — при содействии со стороны УВКБ ООН. В Йемене вернуться на родину в Абьяне смогли около 93 000 ВПЛ.

С. Переселение

55. Существенным компонентом структур принятия всеобъемлющих решений остается переселение, которое выступает в качестве важного инструмента защиты и механизма международного разделения ответственности. Однако в качестве решения переселение все еще доступно менее чем 1 % мирового контингента беженцев, а потребности все еще значительно превосходят имеющиеся в наличии места. В настоящее время, по оценкам, переселение требуется 950 000 беженцев, тогда как ежегодно предоставляется примерно 80 000 регулярных мест. Переселение предлагают в общей сложности 27 стран, и с 2012 г. эта величина не претерпела изменений. УВКБ ООН продолжает ратовать за развертывание и расширение переселенческих программ и за разработку странами, которые предоставляют эпизодическое переселение, более предсказуемых, регулярных программ.

56. В 2013 г. УВКБ ООН предложило к переселению около 93 200 беженцев по сравнению с 74 800 в 2012 г. Большинство из них представляли собой беженцы из Мьянмы (23 500), Ирака (13 200), Демократической Республики Конго (12 200), Сомали (9000) и Бутана (7100). Более 12 % всех выдвиганий приходилось на женщин и девушек, подверженных риску, что третий год подряд превысило 10 %-ный целевой показатель, установленный Исполнительным комитетом в своем заключении № 105 (LVII) 2006 г.⁵

57. УВКБ ООН удвоило взаимодействие со странами переселения с тем, чтобы упростить процедуры, сократить длительные сроки оформления и побудить к устранению дискриминационных критериев отбора. Оно также поощряло использование инновационных методов оформления переселения, включая собеседования в режиме видеоконференции, с тем, чтобы преодолеть те трудности, с которыми сталкиваются некоторые страны переселения в доступе к определенным контингентам беженцев по причине соображений безопасности и защищенности.

58. Странами переселения было принято в общей сложности 98 400 беженцев, что примерно на 9400 больше, чем в 2012 г. Большинство (66 200) приняли Соединенные Штаты Америки, далее следуют Австралия (13 200), Канада (12 200), Швеция (1900) и Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии (970).

59. Переселение играет все более важную защитную роль в мерах УВКБ ООН по реагированию в чрезвычайных ситуациях. Чтобы облегчить нагрузку на страны, принимающие сирийских беженцев, в 2014 г. было дополнительно выделено 30 000 переселенческих мест для наиболее уязвимых контингентов, с целью переселить к концу 2016 г. еще 100 000 человек. Несколько стран также согласились резервировать на случай новых чрезвычайных ситуаций места в своих ежегодных квотах на переселения.

60. Чтобы производить эвакуацию беженцев в чрезвычайных ситуациях и облегчить доступ к странам переселения, начали регулярно использоваться три чрезвычайных транзитных центра в Румынии, на Филиппинах и в Словакии. Прежде чем проследовать в конечную страну переселения, более 2200 беженцев благополучно доставлялись в один из этих центров.

D. Местные решения и самообеспечение

61. Применительно к тем, кто не может вернуться или подвергнуться переселению, исследуются местные решения. Декабрьское 2011 г. межправительственное мероприятие на уровне министров⁶ генерировало дополнительные обязательства в отношении местной интеграции в качестве долгосрочного решения. Реализация обещания Замбии произвести местную интеграцию 10 000 ангольцев осуществляется посредством принятия стратегической структуры, которая предусматривает для них альтернативный правовой статус. Ангольские ведомства также начали процесс фильтрации в населенных пунктах Замбии для выдачи национальных паспортов и уже выдали около 800 паспортов в Намибии. В сентябре 2013 г. танзанийское правительство завершило процесс фильтрации для натурализации около 1300 сомалийских беженцев банту в пос. Чого, и в настоящее время с этой целью производится выдача справок. В Бенине правительство начало выдавать 10-летние виды на жительство тоголезским беженцам, которые находятся в стране с 2005 г.

62. УВКБ ООН стремится поддерживать самообеспеченность беженцев за счет налаживания жизнеобеспечения. Эти инициативы расширяют возможности беженцев, уменьшают их зависимость от помощи и позволяют вносить свою лепту в экономику принимающих стран. В последние годы на глобальном уровне резко возросли усилия УВКБ ООН по налаживанию жизнеобеспечения. С 2011 по 2012 г. бюджет деятельности по налаживанию жизнеобеспечения вырос более чем на 25 %, а в 2013 г. — еще на 15 %. Несмотря на этот рост, программы УВКБ ООН по налаживанию жизнеобеспечения все еще носят ограниченный характер и охватывают лишь небольшой процент беженцев. Ранее УВКБ ООН, чтобы укрепить усилия в этой области, развернуло трехгодичную глобальную стратегию по налаживанию жизнеобеспечения.

63. С целью поступательного продвижения этих усилий реализуется стратегическое партнерство по развитию с различными структурами, включая Всемирный банк и ПРООН. Особенно важная роль при этом отводится принимающим странам (включая соответствующие профильные министерства). Управление работает над тем, чтобы повысить эффективность использования партнерства с частным сектором, с тем чтобы оказать помощь перемещенным лицам и в то же время принести выгоду местным сообществам. Например, в Долло Адо (Эфиопия) УВКБ ООН и партнеры расширяют права и возможности как беженцев, так и принимающих сообществ, увязывая профессионально-техническую подготовку с получением доходов и созданием рабочих мест.

V. Партнерство и координация

64. В 2013 г. Управление сотрудничало с 733 НПО, 567 из которых были национальными, а 166 — международными. Финансирование, направляемое через НПО и других партнеров, достигло рекордной отметки на уровне более 1,15 млрд дол. США, что на 23 % больше, чем в 2012 г.

Уделялось внимание реализации рекомендаций, вытекающих из структурированного диалога Верховного комиссара с НПО и Международной федерацией обществ Красного Креста и Красного Полумесяца. Это включало несколько совместных миссий с НПО в рамках последующих действий в связи с рекомендациями, касающимися конкретных операций, а также разработку рекомендаций с целью облегчить партнерский диалог на месте. С рядом НПО были проведены двусторонние консультации на высоком уровне с целью продвижения новых партнерских соглашений и обсуждения технического сотрудничества.

65. УВКБ ООН удвоило усилия по укреплению партнерства с ключевыми оперативными учреждениями Организации Объединенных Наций. Сотрудничество с Всемирной продовольственной программой на протяжении 2013 г. было сосредоточено на расширении использования денежных и ваучерных интервенций, переориентации гуманитарной помощи в затаянных ситуациях с продовольствием на самообеспечение и преодолении острого недоедания и анемии. На протяжении всего года УВКБ ООН расширяло свое партнерство с ЮНИСЕФ, совместно работая над предоставлением медико-санитарного обслуживания на базе сообществ, над программами иммунизации и защитой детей в чрезвычайных ситуациях.

66. Продолжалась реализация преобразовательной повестки дня, которая была принята Межучрежденческим постоянным комитетом в декабре 2011 г. Чтобы обеспечить дополняемость действий, УВКБ ООН разработало модель координации в отношении беженцев, которая взаимодействует с кластерной системой комитета в отношении внутреннего перемещения с учетом достижений реализации программы преобразований и ее принципов лидерства, подотчетности и координации. В апреле 2014 г. УВКБ ООН и Управление Организации Объединенных Наций по координации гуманитарной деятельности выпустили совместную записку с изложением ролей и обязанностей о координации в смешанных ситуациях при введении в действие кластеров и лидирующей роли УВКБ ООН в операции с беженцами. В декабре 2013 г. Межучрежденческий постоянный комитет принял заявление о центральной роли защиты в гуманитарной деятельности. Заявление, которое было скоординировано со стороны УВКБ ООН, и кластер глобальной защиты нацелены на укрепление коллективной ответственности за обеспечение соответствующих мер защитного реагирования при наступлении чрезвычайной ситуации.

67. Управление продолжало выстраивать партнерские отношения с частным сектором, поддержка которого имела особенно важное значение в отчетном году в условиях нескольких новых кризисов. Крупные корпоративные доноры включали фонд ИКЕА, фонд ЛЕГО и ЮНИКЛО. В 2013 г. первым титулованным пропагандистом УВКБ ООН, помогающим повышать поддержку беженцев, стала Ее Высочество шейха Джавахер бинт Мухаммед аль-Касими.

VI. Взносы в бюджет УВКБ ООН

68. Оставляя открытыми свои границы и предоставляя пространство для убежища, важную роль в защите беженцев играют принимающие страны. Несмотря на значительное финансовое бремя, а также на экономические и социальные издержки, понесенные в различных секторах, многие государства, принимающие беженцев, несут эту ответственность на протяжении длительного времени. В 2013 г. наибольшее количество беженцев по-прежнему принимали Пакистан и Исламская Республика Иран. Однако по отношению к своему национальному населению больше всего беженцев принимали Ливан — 178 беженцев на 1000 жителей и Иордания. Развивающиеся страны принимали 86 % беженцев в мире по сравнению с 70 % 10 лет назад. Кроме того, 46 % беженцев под мандатом УВКБ ООН живут в странах с ВВП менее 5000 дол. США на душу населения. И без помощи принимающих стран УВКБ ООН не смогло бы выполнять свой мандат.

69. Глобальный бюджет УВКБ ООН, исходя из потребностей на 2013 г., составил 5335,4 млн дол. США, что включает первоначальный бюджет в размере 3924,2 млн дол. США, утвержденный Исполнительным комитетом, и 1413,7 млн дол. США по семи дополнительным бюджетам, созданным в течение года с целью удовлетворения непредвиденных чрезвычайных потребностей. Наибольшая часть программной деятельности на сумму 1967 млн дол. США, или 39 %, по-прежнему приходится на Африку. Далее следует Северная Африка и Ближний Восток на уровне 1613 млн дол. США, или 32 %.

70. Управление получало твердую поддержку от своих доноров, достигнув рекордной отметки на уровне 2965 млн дол. США. Тем не менее, был закрыт лишь 61 % бюджетных потребностей, что оставляет значительный пробел в ресурсах, необходимых для удовлетворения растущих гуманитарных потребностей. По мере продолжения работы по расширению источников доходов УВКБ ООН в 2013 г., примерно 52 % добровольных взносов были предоставлены тремя крупнейшими донорами (Соединенные Штаты Америки, Япония и Европейский союз) (82 % — десятью крупнейшими донорами). Сторонники из частного сектора в совокупности пожертвовали Управлению 191 млн дол. США, т. е. на 46 % больше, чем в 2012 г.

...

VIII. Заключение

78. В перспективе для большей отдачи в деятельности УВКБ ООН в условиях растущей нагрузки существенное значение будет по-прежнему иметь ряд факторов: 1) финансовая и иная поддержка принимающих стран и местных сообществ; 2) финансовая поддержка со стороны традиционных и новых доноров; 3) постоянные инвестиции в рамках партнерства; 4) неизменная приверженность повышению продуктивности и снижению структурных издержек; 5) акцент на инновации; 6) достаточная поддержка персонала УВКБ ООН, в частности тех, кто работает в отдаленных и опасных местах.

79. Как представляется, маловероятно, чтобы в ближайшем будущем изменилась существующая тенденция к росту вынужденных перемещений. Вспыхивают новые конфликты, а текущие кризисы остаются неурегулированными, что вынуждает миллионы людей спасаться бегством и продолжительные промежутки времени оставаться в перемещенном состоянии. А это означает, что для выживания все больше людей зависят от гуманитарной помощи, что отягощает потенциал принимающих сообществ, гуманитарных учреждений и доноров. Кроме того, нельзя рассчитывать, что удовлетворить эти растущие потребности могут лишь гуманитарные бюджеты. Поэтому кардинально важно, чтобы гуманитарная помощь сопровождалась структурной помощью с целью поддержки как затронутых контингентов населения, так и принимающих сообществ. Для достижения этого понадобится укрепление партнерства с субъектами процесса развития.

80. Хотя гуманитарная помощь и помощь в целях развития имеют существенное значение, они не могут являться заменой политических решений. Наблюдаемый в последние годы резкий рост вынужденных перемещений является собой результат коллективной неспособности разрешить и предотвратить конфликт. Международному сообществу следует преодолеть существующие расхождения и найти решения сегодняшних конфликтов в Сирийской Арабской Республике, Центральноафриканской Республике, Южном Судане и в других местах, положив конец гуманитарным кризисам, с тем чтобы люди могли вернуться домой и с тем чтобы можно было предотвратить войны в будущем.

¹ Это количество включает 16,7 млн беженцев (11,7 млн по мандату УВКБ ООН и 5,0 млн палестинских беженцев, зарегистрированных БАПОР), 33,3 млн ВПЛ и около 1,2 млн лиц, ищущих убежища. См.: *UNHCR Global Trends 2013* (<http://www.unhcr.org/globaltrends>).

² Чрезвычайные ситуации уровня 3 определены Межучрежденческим постоянным комитетом как крупные внезапные гуманитарные кризисы, вызванные стихийными бедствиями или конфликтом, которые требуют общесистемной мобилизации.

³ См.: A/68/12/Add.1, п. 13.

⁴ Дальнейшую информацию см.: <http://www.solutionsalliance.org/>.

⁵ См.: A/61/12/Add.1, п. 17.

⁶ Документацию, имеющую отношение к межправительственному мероприятию на уровне министров, включая доклад совещания и министерское коммюнике, см.: <http://www.unhcr.org/ministerial>.

МАРКЕТИНГОВЫЕ СТРАТЕГИИ ТРАНСНАЦИОНАЛЬНЫХ КОРПОРАЦИЙ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Ольга Малашенкова, Анастасия Маркварде

Маркетинговая стратегия — это определение тех рынков, которые фирма выбирает в качестве цели своей маркетинговой деятельности, и способов, которыми будут созданы и достигнуты преимущества на данных рынках [5, р. 16]. Маркетинговая стратегия определяет целевые рынки, направления развития и в общих чертах то, что должно быть сделано, чтобы создать и удерживать конкурентную позицию, совместимую с общей корпоративной стратегией на данных целевых рынках.

В современных условиях интернационализация и глобализация мировой экономики определяют процесс выхода компаний на внешний рынок, приводящий к формированию транснациональной корпорации (ТНК) (имеющая или не имеющая статус корпорации компания, состоящая из материнской компании и зарубежных филиалов) [13]. Поэтому актуальным является рассмотрение особенностей маркетинговых стратегий ТНК на различных рынках, степени централизации данных стратегий и их подверженность процессам глобализации мировой экономики.

Вопросам деятельности ТНК в условиях глобализации мировой экономики посвящены работы таких исследователей, как А. Данильченко, Д. Калинин, О. Ковшевич [1], Б. Баркгаузен [2], Дж. Блайт [3], Ф. Брассингтон [4], Т. Фридман [6], П. Гемават [7–10] и др.

Однако в зарубежной и отечественной литературе вопросы деятельности ТНК рассматриваются в основном с макроэкономической точки зрения: деятельность ТНК на мировой арене, влияние на мировую торговлю, на экономику страны-базирования и принимающих стран.

Поэтому возникает необходимость рассмотрения влияния глобализации с позиции интересов самих ТНК: адаптации их стратегий, принятия решений о выходе на те или иные рынки, использования корпорациями преимуществ глобализации на микроэкономическом уровне. Главный вопрос при данном под-

ходе: насколько масштаб глобализации на сегодняшний день позволяет ТНК использовать преимущества глобального рынка для получения прибыли, беспрепятственно осваивать новые рынки и унифицировать свои стратегии в различных странах и регионах. Целью данной статьи является анализ формирования стратегий ТНК на микроуровне и выявление ключевых тенденций развития данных стратегий ТНК в условиях интернационализации и глобализации мировой экономики.

Процесс принятия решения об интернационализации компании. Важным условием для выхода предприятия на внешний рынок является учет всевозможных различий между страной базирования и принимающей страной. Одной из современных моделей оценки различий между странами является модель профессора П. Гемавата «*CAGE distances*» (*cultural, administrative, geographic, economic distances*), которая рассматривает культурные (религия, язык, социальные нормы), административные (законодательство, политические, исторические факторы), географические (расстояние, размеры стран, наличие/отсутствие общей границы) и экономические (уровень доходов, инфраструктура) различия между странами. Данная модель не просто акцентирует внимание на индивидуальных особенностях стран (например, наличие рыночной экономики или политическая нестабильность), но принимает во внимание и двусторонние факторы: наличие общей границы, схожих культур или общей истории. Например, наличие общего языка повышает уровень торговли между двумя странами на 42 %, общего колониального прошлого — на 188 %, общей валюты — на 144 %, общей границы — на 125 % [7, р. 18–26].

Таким образом, при принятии решения о выходе на внешний рынок фирма должна тщательно проанализировать, насколько условия принимающей страны по перечисленным выше четырем критериям отличаются от условий в стране базирования.

Авторы:

Малашенкова Ольга Фёдоровна — кандидат экономических наук, доцент, заместитель декана факультета международных отношений Белорусского государственного университета

Маркварде Анастасия Юрьевна — выпускница факультета международных отношений Белорусского государственного университета

Рецензенты:

Кирвель Ольга Чеславовна — кандидат экономических наук, доцент кафедры международных отношений факультета международных отношений Белорусского государственного университета

Якушенко Ксения Валентиновна — кандидат экономических наук, доцент кафедры мировой экономики факультета международных экономических отношений Белорусского государственного экономического университета

Тесты для принятия решения об интернационализации. П. Гемават, влиятельный ученый в области глобализации, предлагает два теста для фирм, планирующих выйти на внешний рынок [7, р. 23]. Первый из них — тест на состоятельность (с англ. *better-off test*), где фирма должна проанализировать, позволят ли комбинирование и координирование активности фирмы в нескольких странах создать более высокую добавленную стоимость и добиться большей эффективности, чем сосредоточение деловой активности внутри страны базирования. При этом преимущества интернационализации должны быть больше расходов, вызванных выходом фирмы на внешний рынок, и также покрывать предполагаемые риски.

Если тест на состоятельность пройден, фирма должна обратиться ко второму тесту на выбор лучшей альтернативы (с англ. *best-alternative test*). Фирма анализирует, является ли единоличное владение лучшей альтернативой для выхода на внешний рынок (по сравнению с созданием совместных предприятий или взаимодействием на основе долгосрочных контрактов с партнерами). При этом преимущества, которые получит фирма от выхода на внешний рынок, сравниваются с затратами на преодоление всевозможных трудностей функционирования на внешнем рынке и координирования активности между несколькими странами. При анализе различных альтернатив фирма может сделать выбор в пользу партнерства, что не исключает в дальнейшем создания собственных предприятий после приобретения достаточного опыта и конкурентных преимуществ. Например, международная корпорация *De Beers*, которая занимается добычей, обработкой и продажей природных алмазов, начала свою деятельность с осуществления закупок в Западной Африке, позже перешла к заключению долгосрочных контрактов с партнерами (Ангола, Россия), далее — к созданию совместных предприятий (в Ботсване) и, наконец, приобрела в собственность алмазные шахты в Южной Африке.

Реальная оценка состояния глобализации в современном мире. Менеджеры компаний склонны переоценивать возможности и выгоды от интернационализации. Так, 78 % менеджеров согласились, что интернационализация открывает «бесконечные возможности» [8, р. 112]. При этом даже в больших мультинациональных корпорациях (МНК) международные маркетинговые стратегии тщательно не разрабатываются, а культурные особенности принимающей страны игнорируются.

Даже самые большие МНК работают в основном на внутренний рынок. Так, в 2004 г. большинство компаний США функционировало лишь на одном иностранном рынке, около трети компаний — на двух рынках, а в це-

лом 95 % компаний функционировали менее чем на 20 рынках [8, р. 114]. И ни один из этих показателей не изменился с середины 1990-х гг. Среди компаний США, которые функционировали в одной стране, это в 60 % случаев была Канада и в 10 % случаев — Великобритания.

Согласно рейтингу *Fortune Global 500*, 88 % компаний осуществляют около 80 % продаж на домашнем рынке. При этом компании, осуществляющие не менее 20 % продаж в каждом из трех регионов триады (Северная Америка, Европа, Азия), составляют всего лишь 2 % [2].

В 2007 г. П. Гемават опубликовал данные, которые привлекли большое внимание экономистов в области глобализации. 90 % всех телефонных звонков в мире, мирового Интернет-трафика и прямых иностранных инвестиций локальны. При этом он отметил все еще локальный масштаб экономической активности. Международная торговля составляет 27 % мирового ВВП, а межрегиональная торговля — 10 %. Прямые иностранные инвестиции составляют 10 % глобального накопления основного капитала, более половины из них осуществляется внутри регионов. Каждая категория людей, пересекающих границу: студентов, иммигрантов, туристов, составляет менее 10 % от их общего числа. При этом интенсивность миграции и международных потоков капитала меньше, чем перед Первой мировой войной. Только 20 % потоков информации в Интернете пересекает национальные границы [8, р. 116].

В докладе «Индекс глубины глобализации 2013», подготовленном под руководством П. Гемавата и С. Алтмана, приводятся доказательства того, что мир в 2013 г. все еще менее глобализованный, чем в 2007 [7]. (рис. 1, 2). Индекс анализирует четыре элемента:

- торговля (объем экспорта/импорта);
- капитал (величина потоков прямых иностранных инвестиций и акционерного портфельного инвестирования);
- люди (количество мигрантов, иностранных студентов, туристов);
- информация (величина международных Интернет-потоков, печатных публикаций, телефонных звонков).

Все четыре элемента оцениваются на различных уровнях: глобальном, региональном, внутри страны, в сравнении развитых и развивающихся экономик.

Макроэкономический спад — одна из причин снижения индекса, однако очевидно также увеличение протекционистских мер. В то время как показатели по перемещению информации и людей увеличились, показатель глубины прямых иностранных инвестиций снизился на 21 % еще в 2012 г., а доля мирового ВВП, участвующая в международной торговле, также неуклонно сокращается. Экспорт составляет 23 % мирового ВВП, только 8 % инве-

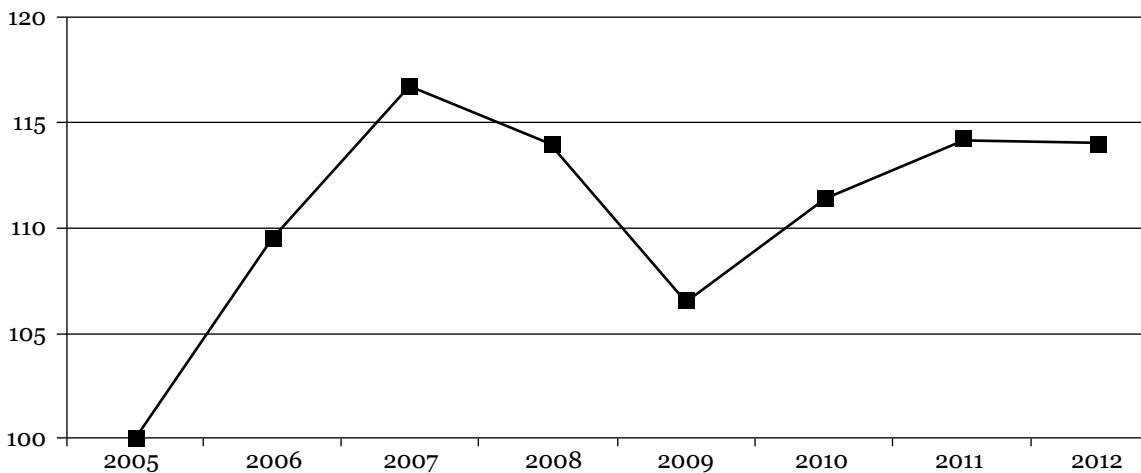

Рис. 1. Общая глубина глобализации, %

Источник: [7, р. 13].

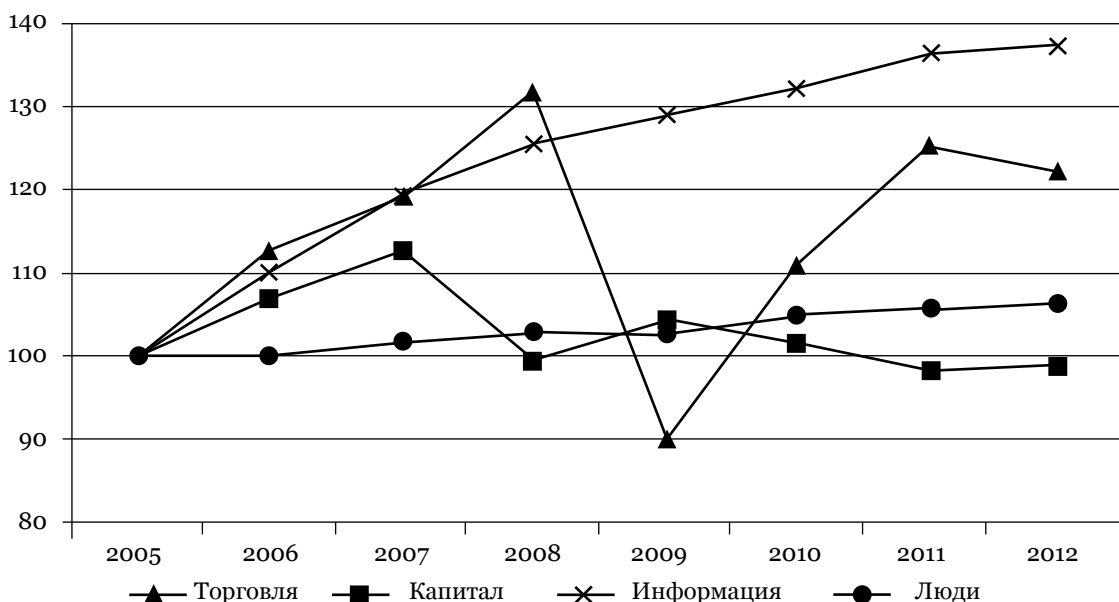

Рис. 2. Глубина глобализации по элементам, %

Источник: [7, р. 13].

стиций в основной капитал осуществляются за границей [1]. Многие показатели передвижения информации в Интернете, например общение в социальных сетях, также происходят внутри стран.

Только 20 % населения в мире использует английский язык для общения. Всего лишь 0,1 % населения Китая, 5–6 % населения США и 2–3 % населения Германии и Франции читают новости в иностранных СМИ [1].

Среди сотрудников, занимающих руководящие должности в компаниях, согласно рейтингу *Fortune Global 500*, только 14 % принадлежат к другой национальности, нежели страна базирования (штаб-квартира) компании. Это означает, что даже самые большие компании

мира имеют четкую тенденцию к назначению руководителями сотрудников из страны происхождения компании [2].

Все эти данные и выводы крайне важны для компаний, формирующих свои международные стратегии. Анализ масштабов глобализации привел к возникновению нового термина «глокализация» — синтеза глобализации и локализации. Данный термин применяется к стратегии адаптации продукта или сервиса специально к каждой стране/местности, где продукт реализуется. Аналогично под глокализацией понимается состояние международных отношений/стратегии компаний/действия людей, которые отражают не только глобальные, но и локальные требования и стан-

дарты. Как пример, замена МакДональдсом для продвижения ресторанов традиционного героя Рональда МакДональда на популярного героя мультфильмов Астерикса во Франции. Еще один пример — использование компаниями единого стиля веб-сайтов для всего мира, но с различием в содержании, языке, сервисах и т. п. Так, компания *Yahoo* поддерживает 25 сайтов на разных языках для различных стран [2].

П. Гемават также сделал вывод, что мир можно охарактеризовать скорее как «семиглобализированный» (*semiglobalized*), чем глобализированный [10]. Это означает, что нельзя игнорировать ни связи между странами/компаниями, ни культурные различия. Для МНК глобальный рынок не может рассматриваться как одна большая страна. Не существует «стандартных предпочтений» у потребителей по всему миру, описанных С. Левитом [11, р. 157]. Ни стратегия абсолютной стандартизации продукта, ни стратегия абсолютной модификации не подойдут каждому рынку. Компании должны найти стратегии, которые опираются как на большие различия между странами, так и на их сходства. *Выходить на иностранный рынок с той же стратегией, что и на внутреннем рынке, и надеяться получить выгоду — не оправданно.*

Самый крупный ритейлер в мире, *Walmart*, при выходе на рынок Бразилии не учел, что это относительно бедная страна, где покупатели не имеют машин, поэтому вместо огромных гипермаркетов за чертой города с большими парковками предпочитают небольшие магазины в центре города [10].

Компания *BMW* является одной из наиболее регионально диверсифицированных глобальных компаний 60 % выручки составляет продажа автомобилей: 20 % выручки компания получает из Северной Америки, 20 % — из Европы, 20 % — из Азии. Компаний с такими показателями в мире очень немного. Вместе с тем, 2/3 показателей производства и национального состава сотрудников компании сконцентрированы в Германии. Поэтому сложно сказать, что Германия — всего лишь еще одна страна среди всех рынков *BMW*. Одновременно с этим *BMW* очень долго игнорировала отзывы североамериканских покупателей, которые хотели иметь подстаканники для чашек с кофе в своих машинах. Аналогичная ситуация произошла в Китае: большинством машин там управляют шоферы, поэтому покупатели ценят комфорт задних сидений больше, чем показатели скорости и мощности автомобиля [12].

Маркетинговые стратегии при освоении новых рынков. Б. Баркгаузен выделяет пять базовых маркетинговых стратегий при освоении новых рынков.

1. *Продукт и способы его продвижения едины для всех рынков.*

Данная стратегия минимизирует расходы на освоение новых рынков. Она часто используется компанией *Coca-Cola*, которая использует одинаковую рекламу повсеместно, переводя только голосовое сопровождение на различные языки. Естественно, данная стратегия не делает акцент на культурные особенности местных потребителей. Кроме того, возникают сложности с тем, чтобы выработать подходящую для всех идею рекламы, слоган и название, которые не нарушат культурные нормы ни в одной стране.

2. *Адаптация только продвижения продукта.*

Продукт остается неизменным, но способы его продвижения адаптируются к местному рынку. Это достаточно распространенная стратегия, так как она позволяет более эффективно воздействовать на покупателей, не требуя при этом изменения самого продукта.

3. *Адаптация только продукта.*

Не очень распространенный подход, хотя используется некоторыми производителями моющих средств, которые адаптировали продукты к местному качеству воды и моющей техники. Существенно модифицируется для различных рынков в соответствии с местными дорожными условиями, нормами вредных выбросов и стандартами безопасности также автомобиль *Ford Focus*. Продвижение в обоих случаях остается неизменным.

4. *Адаптация как продукта, так и его продвижения.*

Иногда данная стратегия необходима, как, например, в случае со стиральным порошком *Cheer* компании *Procter&Gamble* в Японии. Порошок был адаптирован для использования с местными видами смягчителей для белья, а в рекламе подчеркивалось, что порошок подходит для стирки в холодной воде (так как в Японии большинство хозяек стирают одежду в холодной воде).

5. *Изобретение нового продукта.*

Если существующие продукты не удовлетворяют требованиям нового рынка, компании вынуждены разрабатывать новые продукты. Например, радио с заводным механизмом было изобретено для стран, где пользование розетками и батарейками проблематично для потребителей [2].

Остановимся также на элементах маркетинг-микса для компаний в условиях глобализации [10].

Маркетинг обычно является первым пунктом, интересующим фирму в связи с интернационализацией, поскольку компании обычно начинают с экспорта продукции. Даже компании-экспортеры с большим опытом часто недостаточно адаптируют свои маркетинговые стратегии к зарубежным рынкам. Рассмотрим каждый из четырех элементов маркетинг-микса компании.

Продукт. Чипсы *Pringles* были признаны международными экспертами по маркетингу единственным товаром широкого потребления, который является абсолютно стандартизированным. Классическая кока-кола и *iPod Apple*, которые продаются во всем мире, не очень нуждаются в адаптации к местному рынку, однако едва ли производители даже таких продуктов могут полностью игнорировать их адаптацию: программное обеспечение *iPod* и количество сахара в коле варьируется по всему миру. Адаптация продуктов компании *Coca-Cola* в целом еще более заметна (хотя компания обычно приводится как яркий пример глобализации): в Японии, самом прибыльном для *Coca-Cola* рынке, сам напиток кола занимает очень скромную долю от суммарных продаж. *Coca-Cola* продает около 200 наименований своей продукции в Японии, многие из них разработаны специально и продаются только в Японии.

Цена. Немногие МНК используют единое ценовое позиционирование на всех рынках, чаще всего цены значительно различаются в зависимости от рынка, а решения о ценовой политике принимаются децентрализованно. Так, несмотря на то, что Биг Мак ресторана МакДональдс используется повсеместно как символ единой ценовой политики, уровень цен на него существенно различается по всему миру. Настолько существенно, что Биг Мак используется для оценки покупательной способности валют. Стимулы (как и стоимостные интервалы) для установления различных цен в мире сокращаются в некоторых регионах (например, в Европе в условиях евроинтеграции), но одновременно увеличиваются при все большем проникновении МНК в развивающиеся страны. Рынки последних отличаются от рынков развитых стран гораздо больше, чем рынки развитых стран друг от друга, что создает дополнительные стимулы для адаптации всех элементов маркетинг-микса.

Продвижение. Данные анализа 10 000 самых известных брендов в 31 стране показали, что только 16 % брендов узнаваемы более чем в одной стране и только 3 % брендов узнаваемы более чем в семи странах. Это свидетельствует о том, что единый образ бренда для всех

стран, несомненно, важен, однако с поправкой на страновые адаптации. Общеизвестные примеры двусмысленного перевода слоганов или названий продуктов подчеркивают важность знания местного рынка. Многие известные международные бренды приобретают местные бренды в разных странах (например, *Coca-Cola* приобрела бренд *Thums Up* в Индии) и осуществляют продажи под обоими брендами одновременно опять же для того, чтобы поддерживать более тесную связь с местным покупателем.

Место. В то время как предыдущие три элемента маркетинг-микса имели большее значение для продуктов для конечного потребления, различные структуры дистрибуции более важны для сектора *B2B*. Даже при одинаковых структурах дистрибуции во всех странах каналы поставок обычно должны создаваться отдельно для каждой страны. Согласно исследованиям, большинство деловых отношений, устанавливаемых в период проникновения компании на новый рынок, со временем расторгаются. Решения, касающиеся системы дистрибуции, как и в случае с ценовым позиционированием, в основном принимаются децентрализованно [2].

Глобализация мировой экономики продолжает углубляться, как и влияние глобализации на большинство экономических процессов в мире и особенно на международные операции и формы заграничной деловой активности компаний. Однако состояние глобализации на сегодняшний день еще очень далеко от полного исчезновения национальных границ и барьеров. В итоге международные компании при разработке своих стратегий на различных рынках должны как использовать преимущества стандартизации своих операций и продуктов, так и учитывать всю совокупность культурных и других особенностей принимающей страны и целевого рынка.

В целом основная тенденция в глобальном маркетинге — переключение с единой маркетинговой стратегии для всех подразделений на тщательный анализ каждого рынка и выявление степени централизации/адаптации/контроля со стороны головной компании в области маркетинга.

Список использованных источников

1. Данильченко, А. В. Транснационализация промышленного и банковского капитала / А. В. Данильченко, Д. С. Калинин, О. Г. Ковшевич. — Минск: БГУ, 2007. — 183 с.
2. Barkhausen, B. We are not as cosmopolitan as we assume / B. Barkhausen [Electronic resource] // MBA-Channel. — Mode of access: <<http://www.mba-channel.com/channel/article/we-are-not-as-cosmopolitan-as-we-assume/>>. — Date of access: 30.11.2014.
3. Blythe, J. Essentials of Marketing. 3rd ed. / J. Blythe. — Harlow: Prentice Hall, 2005. — 375 p.
4. Brassington, F. Essentials of Marketing. 4th ed. / F. Brassington, S. Pettitt. — Harlow: Prentice Hall, 2006. — 1260 p.
5. Easey, M. Fashion Marketing. 3rd ed. / M. Easey. — Oxford: Wiley-Blackwell, 2009. — 278 p.
6. Friedman, T. The World is Flat: a Brief History of the Twenty-first Century / T. Friedman. — New York: FSG, 2005. — 488 p.
7. Ghemawat, P. Depth Index of Globalisation 2013 / P. Ghemawat, S. Altman. — IESE Business School, 2013. — 134 p.
8. Ghemawat, P. Strategy and the business landscape / P. Ghemawat. — Pearson, 2010. — 356 p.
9. Ghemawat, P. The Cosmopolitan Corporation / P. Ghemawat [Electronic resource] // Harvard Business Review. — Mode of access: <<http://hbr.org/2011/05/the-cosmopolitan-corporation/ar/1>>. — Date of access: 30.11.2014.

10. Ghemawat, P. The Globalization of Firms / P. Ghemawat [Electronic resource] // Pankaj Ghemawat. — Mode of access: <<http://www.ghemawat.com/management/files/AcademicResources/GlobalizationofFirms.pdf>>. — Date of access: 30.11.2014.
11. Levitt, S. D. What do Laboratory Experiments Measuring Social Preferences tell us about the Real World / S. D. Levitt, J. A. List // Journal of Economic Perspectives. — 2007. — Vol. 21, N 2. — P. 153–174.
12. The World's 250 Largest Family Businesses [Electronic resource] // GRI Equity. — Mode of access: <<http://www.griequity.com/resources/industryandissues/familybusiness/topglobal.html>>. — Date of access: 12.03.2015.
13. Transnational corporations [Electronic resource] // United Nations Conference on Trade and Development. — Mode of access: <[http://unctad.org/en/Pages/DIAE/Transnational-corporations-\(TNC\).aspx](http://unctad.org/en/Pages/DIAE/Transnational-corporations-(TNC).aspx)>. — Date of access: 30.11.2014.

«Маркетинговые стратегии транснациональных корпораций в условиях глобализации» (Ольга Малашенкова, Анастасия Маркварде)

В статье рассматриваются современные стратегии выхода на зарубежные рынки глобальных корпораций на микроуровне. Состояние глобализации на сегодняшний день еще очень далеко от полного исчезновения национальных границ и барьеров. Авторы анализируют, каким образом компании могут использовать преимущества от глобализации для интернационализации международных операций и форм заграничной деловой активности.

«Marketing Strategies of Transnational Corporations in the Globalization Process» (Olga Malashenkova, Anastasiya Markvarde)

The article is about modern global market entry strategies of corporations on the micro level. The current state of globalization is far from the disappearance of the national borders and barriers. The authors analyze how companies can use globalization advantages to internationalize their business operations and set up their business abroad.

Статья поступила в редакцию в марте 2015 г.

СВОБОДНЫЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ЗОНЫ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Вячеслав Иванов, Марина Шупенько

Сегодня свободные экономические зоны (СЭЗ) рассматриваются как данность нашего времени. В Республике Беларусь они действуют с 1996 г. [11], хотя первые СЭЗ появились в мире еще три столетия назад — в Гибралтаре в 1704 г., в Сингапуре в 1819 г. и в Гонконге в 1848 г. [26]. Целью создания зон было, как и сегодня, стимулирование национальной экономики. В Китае, например, в 1980 г. были образованы сразу четыре однотипные СЭЗ с целью протестировать инновационную политику, которую планировалось внедрить в дальнейшем в других регионах Китая. В России системное развитие особых экономических зон началось в 2005 г. На 1 января 2015 г. в СЭЗ Республики Беларусь работают 469 резидентов свободных экономических зон, на которых занято свыше 139 971 человека [17] (около 1,5 % населения Республики Беларусь).

Проблема создания и функционирования свободных экономических зон широко рассматривалась в 1980—1990-х гг. такими российскими экономистами и правоведами, как А. Барышников [2], М. Богуславский [3; 4] и др. Социальные аспекты СЭЗ затронуты в работах В. Андреева [1], В. Иванова [7] и др. Следует отметить, что именно российские экономисты внесли основной вклад в исследование СЭЗ. В 2000-х гг. по данной теме были написаны диссертации, отчеты, исследования, направленные на рассмотрение как экономической составляющей СЭЗ (Е. Фазлыева [28], Го Шухун [29]), так и социальной (Е. Полухин [18], Г. Рожков [19]). В учреждениях образования России данную тематику освещают учебные курсы, например в Байкальском государственном университете экономики и права есть дисциплина по выбору «Свободные экономические зоны в мировой экономике». В Беларуси данной проблеме посвящено меньше внимание. Как правило, авторы обращаются к вопросам СЭЗ в определенном экономическом контексте (М. Маркусенко, О. Булко, О. Шулейко и др. [30]).

Целью данной статьи является оценка функционирования свободных экономических зон, их влияния на социально-экономическое развитие республики, определение их роли в привлечении иностранных инвестиций.

В соответствии с соглашением, подписанным в рамках Евразийского экономического союза, *свободная* (специальная, особая) *экономическая зона* — это часть территории государства — члена Таможенного союза в пределах, установленных законодательством государства — члена Таможенного союза, на которой действует особый (специальный правовой) режим осуществления предпринимательской и иной деятельности, а также может применяться таможенная процедура свободной таможенной зоны [9; 27].

Ввиду создания единой таможенной территории и формирования Таможенного союза появились такие понятия, как *портовая свободная* (специальная, особая) *экономическая зона*, создающаяся на части территории морского порта, речного порта, открытых для международного сообщения и захода иностранных водных судов, или части территории аэропорта, открытого для приема и отправки воздушных судов, выполняющих международные воздушные перевозки, и *логистическая свободная* (специальная, особая) *экономическая зона*, создающаяся на части территории государства — члена Таможенного союза, прилегающей к автомобильному и (или) железнодорожному пункту пропуска через государственную (таможенную) границу государства — члена Таможенного союза.

В настоящее время в Республике Беларусь функционируют шесть свободных экономических зон: СЭЗ «Брест» [20], СЭЗ «Витебск» [21], СЭЗ «Гомель — Ратон» [22], СЭЗ «Гродно-инвест» [23], СЭЗ «Минск» [24] и СЭЗ «Могилев» [25]. К важнейшим целям развития свободных экономических зон, по мнению авторов, относятся стимулирование создания и развития производств, основанных на новых и передовых технологиях, увеличение числа рабочих мест, объема экспорта в специальных льгот-

Авторы:

Иванов Вячеслав Фёдорович — кандидат экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник отдела научной и инновационной деятельности Научно-исследовательского института Министерства экономики Республики Беларусь
Шупенько Марина Михайловна — аспирант Научно-исследовательского института Министерства экономики Республики Беларусь

Рецензенты:

Данильченко Алексей Васильевич — доктор экономических наук, профессор, проректор по учебной работе Белорусского государственного университета
Садовская Татьяна Владимировна — кандидат экономических наук, доцент, заведующая отделом мониторинга социально-экономического развития Института экономики Национальной академии наук Беларуси

Таблица 1

**Количество зарегистрированных резидентов СЭЗ
(по состоянию на 1 января следующего года)**

СЭЗ	2009	2010	2011	2012	2013	2014
Брест	65	71	95	88	84	78
Гомель — Ратон	36	45	81	76	73	76
Минск	78	89	139	144	145	135
Витебск	34	37	61	56	51	44
Могилев	22	30	58	55	54	48
Гродноинвест	49	50	90	94	96	88

Источники: [12—17].

Таблица 2

**Количество действующих резидентов СЭЗ
(по состоянию на 1 января следующего года)**

СЭЗ	2009	2010	2011	2012	2013	2014
Брест	62	70	68	82	78	75
Гомель — Ратон	36	44	52	72	71	73
Минск	73	87	98	137	136	130
Витебск	33	36	44	53	48	44
Могилев	22	29	36	48	50	44
Гродноинвест	46	47	52	66	80	79

Источники: [12—17].

ных условиях: а) освобождение прибыли, полученной от реализации товаров собственного производства от налога на прибыль в течение пяти лет с даты объявления ими прибыли, а после истечения указанного срока — уплата налога на прибыль по ставке, уменьшенной на 50 %; б) обороты по реализации импортозамещающих товаров облагаются налогом на добавленную стоимость по ставке в размере 10 %; в) освобождение от налога на недвижимость по зданиям и сооружениям, расположенным на территории СЭЗ; г) освобождение от государственной пошлины за выдачу иностранным гражданам и лицам без гражданства специальных разрешений на право занятия трудовой деятельностью в Республике Беларусь; д) освобождение от земельного налога земельных участков в границах СЭЗ на срок не более пяти лет от даты регистрации резидента; е) освобождение от ввозных таможенных пошлин на произведенные в СЭЗ товары при их поставке на внутренний рынок Таможенного союза. Указанные льготы не распространяются: на общественное питание, деятельность в сфере игорного бизнеса, деятельность по организации и проведению электронных интерактивных игр, торговую и торгово-закупочную деятельность, операции с ценными бумагами; реализацию товаров, производство которых осуществляется полностью или частично с использованием основных средств, находящихся вне территории СЭЗ; банки и страховые организации.

На 1 января 2015 г. в Республике Беларусь насчитывалось 469 действующих резидентов СЭЗ. Количество действующих резиден-

тов меньше количества фактически зарегистрированных резидентов на 3—10 %. Количество зарегистрированных резидентов начало сокращаться в 2012—2014 гг. (на 2,1, 1,9 и 6,8 % соответственно), а количество действующих резидентов по отношению к зарегистрированным возрастало в 2012 г. (30,9 %) и в 2013 г. (1,1 %) и сократилось в 2014 г. (5,1 %) (табл. 1, 2).

Свободные экономические зоны считаются одной из эффективных моделей территориально-хозяйственного управления, призванных обеспечить ускоренное развитие отдельных регионов за счет привлечения иностранных инвестиций и прогрессивных технологий на территорию со специальными таможенными, регистрационными и налоговыми режимами и дополнительными льготами инвесторам. Сегодня дальнейшее расширение и развитие таких зон может быть замедлено. Это связано с тем, что на территории малых городов и населенных пунктов Беларуси инвесторы могут пользоваться практически аналогичными льготами, как и резиденты СЭЗ. Одновременно открытие там новых производств позволит создать рабочие места и повысить уровень доходов населения. Предоставляя значительные преференции, государство идет навстречу, как правило, крупным валобразующим предприятиям [8], являющимся резидентами свободных экономических зон, которые уже адаптировались к экономическим условиям. Поэтому вопрос о раздельном подходе предоставления государством льготных режимов остается открытым.

Таблица 3

**Объем производства промышленной продукции, работ, услуг
промышленного характера в фактических ценах, млрд руб.**

СЭЗ	2009	2010	2011	2012	2013	2014
Брест	1545,0	1976,2	5037,3	8809,8	11 207,6	12 358,7
Гомель — Ратон	731,2	1009,7	7319,7	14 481,8	15 745,1	16 150,9
Минск	1398,0	2108,8	6692,2	13 351,0	13 960,3	14 946,2
Витебск	558,3	716,1	2271,2	3830,5	4283,8	4649,6
Могилев	1275,6	2229,0	10 686,3	19 009,5	19 164,4	17 124,4
Гродноинвест	939,1	1214,2	3564,7	8025,2	8825,0	9141,9

Источники: [12–17].

Таблица 4

**Объем производства продукции, включенной в перечень
импортозамещающих товаров из общего объема производства
промышленной продукции, работ, услуг промышленного характера
в фактических ценах, млрд руб.**

СЭЗ	2009	2010	2011	2012	2013	2014
Брест	793,0	1012,9	2200,4	3927,2	5324,5	3150,4
Гомель — Ратон	569,4	775,3	1415,0	2672,2	5076,5	4362,6
Минск	739,9	1185,9	2520,2	5116,1	5989,0	6370,9
Витебск	236,6	329,4	705,0	1403,7	1496,4	1012,9
Могилев	288,3	591,0	1701,9	3127,2	2722,3	1371,8
Гродноинвест	198,8	446,9	716,0	1386,6	1347,0	996,2

Источники: [12–17].

Одной из преференций в СЭЗ является обложение импортозамещающих товаров налогом на НДС по ставке, сниженной в 2 раза. Однако в связи с вхождением страны в Таможенный союз и Единое экономическое пространство с 2014 г. прекратилось формирование перечня импортозамещающих товаров, производимых с использованием льготного режима СЭЗ и поставляемых на внутренний рынок страны. Резиденты СЭЗ, выпускающие данный тип продукции, смогут пользоваться льготами по налогу на добавленную стоимость до конца 2016 г., а с 1 января 2017 г. действие перечня прекратится [10], также упразднится льгота по освобождению от ввозных таможенных пошлин на произведенные в СЭЗ товары при их поставке на внутренний рынок Таможенного союза.

Объем производства промышленной продукции, работ, услуг промышленного характера свободных экономических зон увеличивается из года в год (табл. 3). Самый большой рост произошел в 2011 г.: в среднем по зонам в 3,8 раза. С 2012 г. отмечается замедление темпа роста (увеличение только в 1,9 раз), в 2013 г. увеличение составило 8,4 %, в 2014 г. — 1,6 %. Объем производства продукции, включенной в перечень импортозамещающих товаров, составляет в среднем 34,6 % общего объема производства зон. Основные предприятия, производящие импортозамещающие товары, находятся в СЭЗ «Минск», СЭЗ «Брест», СЭЗ «Гомель — Ратон». В 2012–2013 гг. значительно

увеличилось производство импортозамещающих товаров в СЭЗ «Витебск», СЭЗ «Могилев», СЭЗ «Гродноинвест» в сравнении с 2011 г. (в 2,1, 1,7 и 1,9 раза соответственно). В 2014 г. объем производства импортозамещающих товаров указанных зон сократился в среднем на 32,3, 49,6, 26,0 % соответственно (табл. 4).

Стабильно растет выручка от реализации товаров, продукции, работ, услуг СЭЗ. В 2012–2014 гг. рост шел более медленными темпами (в 1,9, 1,1 раза и на 1,5 % соответственно) по сравнению с 2011 г., когда выручка увеличилась в 3,7 раза в среднем по зонам. В 2012–2014 гг. за пределами Республики Беларусь СЭЗ получали в среднем около 50 % выручки от реализации товаров, продукции, работ, услуг. Выручка от реализации продукции, работ, услуг собственного производства имела максимальный рост в 2011 г. (в 3,3 раза) в среднем по зонам с последующим замедлением темпов в 2012 и 2013 гг. (увеличение в 2,2 раза и на 7,7 % соответственно). В 2013 г. выручка от реализации товаров, продукции, работ, услуг собственного производства, отгружаемых за пределы Республики Беларусь, составила 58,1 % всех СЭЗ. Ведущими зонами по размеру получаемой выручки являются СЭЗ «Могилев», СЭЗ «Гомель — Ратон» и СЭЗ «Минск» [12–17].

Свободные экономические зоны постепенно увеличивают свои вложения в инвестиции. Наиболее активна СЭЗ «Гомель — Ратон», вложившая больше всех инвестиций, за ней сле-

Таблица 5

Инвестиции, вложенные свободными экономическими зонами, — всего, млрд руб.

СЭЗ	2009	2010	2011	2012	2013	2014
Брест	314,5	289,3	557,9	756,6	1375,4	1151,6
Гомель — Ратон	62,8	91,7	2520,9	4376,8	6689,6	7991,3
Минск	205,6	240,2	1408,6	1501,6	3061,2	2953,0
Витебск	131,4	70,6	336,5	1788,9	803,3	414,9
Могилев	112,5	149,9	1136,8	1883,1	1661,4	5021,5
Гродноинвест	102,2	177,8	680,3	808,8	1802,0	2319,6

Источники: [12—17].

Таблица 6

Иностранные инвестиции из инвестиций в основной капитал, млрд руб.

СЭЗ	2009	2010	2011	2012	2013	2014
Брест	12,9	34,3	43,8	67,0	107,2	34,3
Гомель — Ратон	19,8	33,8	83,1	248,1	155,9	4577,4
Минск	6,4	43,6	32,1	222,2	532,8	626,6
Витебск	11,9	1,6	31,0	45,8	58,9	184,6
Могилев	26,3	12,2	201,6	235,4	241,9	3306,4
Гродноинвест	0,2	3,4	11,3	5,5	2,2	159,5

Источники: [12—17].

дуют СЭЗ «Минск» и СЭЗ «Могилев» (табл. 5). Скачкообразно наращивают свои инвестиции СЭЗ «Гродноинвест» (в 2011 г. в 3,8 раза, в 2013 г. в 2,2, в 2014 г. в 1,3 раза), СЭЗ «Витебск» (в 2012 г. в 5,3 раза). Иностранные инвестиции составляют в среднем 7 % всех вложенных инвестиций. Свободные экономические зоны «Минск», «Могилев», «Гомель — Ратон» наиболее привлекательны для привлечения иностранных инвестиций (табл. 6). Их доля в общем объеме иностранных инвестиций СЭЗ составляет более 80 %. В среднем по зонам накапливается 0,1 % иностранных инвестиций от общего количества иностранных инвестиций. Лидерами по накопленным иностранным инвестициям являются СЭЗ «Могилев», СЭЗ «Минск» и СЭЗ «Брест». СЭЗ «Гомель — Ратон» за 2012 г. накопила иностранных инвестиций в 3,1 раза больше по сравнению с 2011 г.

Общий экспорт товаров СЭЗ имеет положительную динамику; в 2013 г. отмечалось снижение только в СЭЗ «Минск» и СЭЗ «Могилев» (на 9,2 и 6,1 % соответственно). В 2014 г. показатели экспорта увеличились только в СЭЗ «Витебск» (в 1,2 раза) (табл. 7). Экспорт услуг увеличивается более быстрыми темпами, чем экспорт товаров. Особенно поразителен пример СЭЗ «Витебск»: если в среднем прирост по республике за 2010—2013 гг. составил 67,5 %, то в этой зоне — 124,9 %, благодаря транспортно-экспедиционным услугам и услугам логистического комплекса. В 2013 г. наметилось снижение экспорта услуг в СЭЗ «Минск» и СЭЗ «Могилев» (на 8,3 и 19,1 % соответственно) (табл. 8). В 2014 г. основной тенденцией СЭЗ являлось снижение объ-

емов экспорта услуг в среднем на 28,4 %, кроме СЭЗ «Минск», где увеличение составило 74,6 %.

Все СЭЗ дают около 10 % общего объема экспорта республики, в 2013 г. этот показатель составил 12,8 %, в 2014 г. — 12 %.

По внешней торговле товарами СЭЗ «Минск» имеет положительное сальдо на протяжении 2009—2013 гг., у СЭЗ «Могилев» отрицательное сальдо только в 2010 г. Все остальные зоны имеют отрицательное сальдо по товарам в течение нескольких лет. Положительное сальдо во всех СЭЗ было в 2011 и 2013 гг. В 2014 г. отрицательное сальдо отмечалось только в СЭЗ «Минск» (табл. 9).

В 2009—2014 гг. общее сальдо внешней торговли товарами по зонам положительно во всех годах, кроме 2010 г. Общее сальдо внешней торговли услугами по зонам положительно только в 2009 г. (табл. 10). В 2014 г. общее отрицательное сальдо всех СЭЗ увеличилось в 6,8 раза. Единственная из зон СЭЗ «Витебск» имеет положительное сальдо внешней торговли услугами на протяжении 2009—2014 гг. СЭЗ «Гродноинвест» имеет наименьшее отрицательное сальдо по сравнению с другими зонами.

Общее сальдо внешней торговли по СЭЗ отрицательно в 2010 и 2014 гг. (–29,6 млн дол. США, или 0,3 % от внешнеторгового сальдо республики, и –404,7 млн дол. США, или 9,2 % соответственно), в остальные годы рассматриваемого периода сальдо оставалось положительным, а в 2013 г. по сравнению с предыдущим годом увеличилось на 55,3 %.

Отрицательная тенденция формируется с 2012 г. по увеличению числа убыточных предприятий СЭЗ: в среднем по действующим ре-

Таблица 7

Экспорт товаров, млн дол. США

СЭЗ	2009	2010	2011	2012	2013	2014
Брест	304,5	357,1	545,1	595,5	753,8	713,2
Гомель — Ратон	131,1	175,0	705,8	800,5	839,4	810,4
Минск	267,5	400,8	856,5	1155,1	1048,5	950,4
Витебск	111,8	140,1	273,7	338,9	350,7	414,0
Могилев	209,3	293,0	1121,3	1260,9	1183,8	956,9
Гродноинвест	143,6	194,4	376,5	531,7	556,7	500,7

Источники: [12—17].

Таблица 8

Экспорт услуг, тыс. дол. США

СЭЗ	2009	2010	2011	2012	2013	2014
Брест	802,6	873,7	991,5	1578,1	2128,6	1900
Гомель — Ратон	327,4	315,9	5650,7	7203,9	7299,0	3500
Минск	923,1	1855,5	3911,1	5119,6	4695,6	8200
Витебск	2509,7	2887,9	15 037,1	17 201,5	25 743,5	20 300
Могилев	3428,4	3385,6	4861,6	7058,6	5713,5	5100
Гродноинвест	1068,1	919,3	1357,3	2156,3	2652,3	1400

Источники: [12—17].

Таблица 9

Сальдо внешней торговли товарами, млн дол. США

СЭЗ	2009	2010	2011	2012	2013	2014
Брест	-8,6	10,2	5,1	-5,8	16,7	46,1
Гомель — Ратон	22,6	-9,6	31,7	-61,2	24,5	264,1
Минск	25,3	9,8	150,4	204,5	131,3	-6,4
Витебск	-20,8	15,8	39,2	-61,9	85,5	116,7
Могилев	17,6	-42,6	28,7	117,3	255,9	47,4
Гродноинвест	-6,5	-8,9	12,3	107,1	126,9	64,2

Источники: [12—17].

Таблица 10

Сальдо внешней торговли услугами, тыс. дол. США

СЭЗ	2009	2010	2011	2012	2013	2014
Брест	-1833,4	-3632,5	-7761,9	-9255,7	-8800	-7800
Гомель — Ратон	-304,4	-229,6	-3822,6	-1195,9	-7700	-51 500
Минск	-1381,8	-1112,0	-3635,7	-7481,5	-6100	-9500
Витебск	1639,6	1411,4	10 602,4	11 351,4	20 500	10 900
Могилев	1811,5	974,4	-9229,9	-5311,6	-12 500	-58 800
Гродноинвест	385,4	-1669,7	-2540,9	-1059,7	-4100	-10 600

Источники: [12—17].

зидентам в 2011 г. их число составляло 7,7 %, в 2012 г. — 10,5, в 2013 г. — 19,7, в 2014 г. — 36,9 %. Предприятия СЭЗ «Брест» и СЭЗ «Минск» формируют более 50 % убыточных предприятий всех СЭЗ. В СЭЗ «Могилев» отмечается самое меньшее количество убыточных предприятий за рассматриваемый период.

Проведенный анализ показывает, что свободная экономическая зона как экономический субъект актуализирует и адаптирует свой правовой статус в рамках создания Евразий-

ского экономического союза. Растет эффективность функционирования действующих резидентов, что видно по росту выручки от реализации товаров, продукции, работ, услуг. В 2012—2013 гг. отмечался рост производства импортозамещающих товаров. В 2014 г. производители отказались от производства импортозамещающих товаров, что, возможно, связано с отменой с 1 января 2017 г. льготной ставки НДС 10 % и льготы по ввозным пошлинам на произведенные в СЭЗ товары при постав-

ке на внутренний рынок Таможенного союза. По мнению заместителя начальника главного управления инвестиций, начальника управления международного инвестиционного сотрудничества и свободных экономических зон Е. Перминовой, «при утрате таможенных льгот возрастет цена продукции, производимой резидентами СЭЗ в Республике Беларусь, что негативно скажется на ее конкурентоспособности по сравнению с импортными аналогами. Регулировать привлекательность белорусских СЭЗ для инвесторов остается возможным с помощью мер нетаможенного характера».

Свободными экономическими зонами, активно привлекающими иностранные инвестиции, являются СЭЗ «Минск», СЭЗ «Могилев», СЭЗ «Гомель — Ратон». Накопление иностранных инвестиций по зонам в среднем на 0,1 % от общего количества иностранных инвестиций пока не представляет угрозы для динамичного развития предприятий, хотя коэффициент корреляции 0,7 показывает наличие взаимосвязи между количеством убыточных предприятий и накопленными в долларах США иностранными инвестициями, которые фактически аккумулируют инфляцию страны — эмитента иностранной валюты. По показателям внешней торговли СЭЗ экспорт услуг растет более быстрыми темпами, чем экспорт товаров, однако сальдо внешней торговли услугами является отрицательным (кроме СЭЗ «Витебск»), а сальдо внешней торговли товарами — положительным. По республике в целом наблюдается обратная динамика: сальдо внешней торговли товарами отрицательное, а услугами — положительное. К основным статьям импорта услуг, влияющих на сальдо, относятся финансовые услуги, плата за пользование интеллектуальной собственно-

стью, услуги в области архитектуры, инженерные и прочие технические услуги. Общее внешнеторговое сальдо СЭЗ положительное (за исключением 2010 и 2014 гг.).

Прошедший в Гомеле 19—20 марта 2015 г. Конгресс свободных экономических зон Северной и Восточной Европы «Глобализация бизнеса и прямые иностранные инвестиции. Новый инвестиционный коридор» [6] показал актуальность и важность развития такой формы экономического сотрудничества. Собрал около 250 делегатов — представителей свободных экономических зон, бизнесменов, руководителей торгово-экономических палат, представляющих 24 страны мира, конгресс стал площадкой для открытого обмена мнениями и опытом, поиску совместных решений. Наиболее обсуждаемыми вопросами являлись: предоставление равных прав иностранному и национальному инвестору; использование СЭЗ в сфере логистики и туризма (проект «Августовский канал» СЭЗ «Гродноинвест»); улучшение законодательства по защите и предоставление гарантий инвестору; привлечение высокотехнологического оборудования (как правило, иностранный инвестор привозит с собой неиспользуемое и устаревшее оборудование); трудности на этапе подготовке первоначального пакета документов; снижение минимального объема инвестиций (1 млн евро); привлечение инвестора в малые и средние города [11].

В настоящее время СЭЗ Республики Беларусь сталкиваются не только с отменой льгот, но и с жесткой конкуренцией СЭЗ Республики Казахстан и Российской Федерации. За свободными экономическими зонами остается выбор собственного пути развития и будущего в рамках Евразийского экономического союза.

Список использованных источников

1. Андреев, В. О законодательной базе создания и функционирования СЭЗ в России / В. Андреев // Внешняя торговля. — 1995. — № 1. — С. 26—28.
2. Барышников, А. Свободная экономическая зона в условиях крупного города / А. Барышников // Экон. науки. — 1990. — № 11. — С. 10—15.
3. Богуславский, М. М. Международное частное право / М. М. Богуславский. — М.: Юрист, 2004. — 604 с.
4. Богуславский, М. М. О правовом статусе свободных экономических зон в СССР / М. М. Богуславский // Советское государство и право. — 1989. — № 12. — С. 18—26.
5. Богуславский, М. Проблемы правового регулирования свободных экономических зон / М. Богуславский, Б. Кожевников, С. Рябиков // Внеш. торговля. — 1989. — № 4. — С. 24—26.
6. Жданович, Н. В Гомеле стартует международный Конгресс СЭЗ / Н. Жданович [Электронный ресурс] // СБ-Беларусь сегодня. — 19.03.2015. — Режим доступа: <<http://www.sb.by/gomelskaya-oblast/news/v-gomele-startuet-mezhdunarodnyy-kongress-sez-.html>>. — Дата доступа: 25.03.2015.
7. Иванов, В. М. Геополитическая предпосылка создания свободных экономических зон в России / В. М. Иванов // Экономика России: теория и практика возрождения / под общ. ред. В. М. Башмакова. — М.: Изд. Рос. экон. акад. им. Г. В. Плеханова, 1996. — С. 195—204.
8. Матвеев, В. Лукашенко не видит необходимости в дальнейшем расширении СЭЗ в Беларуси / В. Матвеев [Электронный ресурс] // БЕЛТА. — 09.07.2013. — Режим доступа: <http://www.belta.by/ru/all_news/president/Lukashenko-ne-vidit-neobxodimosti-v-dalnejshem-rasshirenii-SEZ-v-Belarusi_i_640627.html>. — Дата доступа: 25.03.2015.
9. Об утверждении Положения о свободных таможенных зонах, созданных на территориях свободных (особых) экономических зон: Указ Президента Респ. Беларусь от 31 янв. 2006 г. № 66 [Электронный ресурс] // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. — Режим доступа: <<http://www.pravo.by/main.aspx?guid=3871&ro=P30600066>>. — Дата доступа: 12.03.2015.
10. О внесении изменения и дополнения в Указ Президента Республики Беларусь от 9 июня 2005 г. № 262: Указ Президента Респ. Беларусь от 14 июля 2014 г. № 353 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: Беларусь / ООО «Юр-Спектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2015.

11. О свободных экономических зонах на территории Республики Беларусь: Указ Президента Респ. Беларусь от 20 марта 1996 г. № 114 [Электронный ресурс] // Там же.
12. Основные показатели деятельности резидентов свободных экономических зон за 2009 год: бюл. / Нац. стат. комитет Респ. Беларусь. — Минск, 2010. — 104 с.
13. Основные показатели деятельности резидентов свободных экономических зон за 2010 год: бюл. / Нац. стат. комитет Респ. Беларусь. — Минск, 2011. — 272 с.
14. Основные показатели деятельности резидентов свободных экономических зон за 2011 год: бюл. / Нац. стат. комитет Респ. Беларусь. — Минск, 2012. — 315 с.
15. Основные показатели деятельности резидентов свободных экономических зон за 2012 год: бюл. / Нац. стат. комитет Респ. Беларусь. — Минск, 2013. — 391 с.
16. Основные показатели деятельности резидентов свободных экономических зон за 2013 год: бюл. / Нац. стат. комитет Респ. Беларусь. — Минск, 2014. — 417 с.
17. Основные показатели деятельности резидентов свободных экономических зон в 2014 году [Электронный ресурс] // Национальный статистический комитет Республики Беларусь. — Режим доступа: <http://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/otrasli-statistiki/svobodnye-ekonomicheskie-zony/godovye-dannye_9/osnovnye-pokazateli-deyatelnosti-rezidentov-svobodnyh-ekonomicheskikh-zon-respubliki-belarus-v-2014-godu/>. — Дата доступа: 25.03.2015.
18. Полухин, Е. В. Свободные экономические зоны: влияние на социально-экономическое развитие региона: дис. ... канд. геогр. наук: 25.00.24 / Е. В. Полухин. — Краснодар, 2006. — 221 с.
19. Рожков, Г. В. Социологические факторы развития экономических зон: региональный аспект: дис. ... канд. соц. наук: 22.00.04 / Г. В. Рожков. — М., 2002. — 154 с.
20. Свободная экономическая зона «Брест» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <<http://www.feз.brest.by/>>. — Дата доступа: 30.09.2014.
21. Свободная экономическая зона «Витебск» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <<http://www.feз-vitebsk.com/>>. — Дата доступа: 03.10.2014.
22. Свободная экономическая зона «Гомель — Рагон» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <<http://www.gomelraton.com/>>. — Дата доступа: 30.09.2014.
23. Свободная экономическая зона «Гродноинвест» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <<http://www.grodnoinvest.com/>>. — Дата доступа: 29.09.2014.
24. Свободная экономическая зона «Минск» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <<http://www.feзminsk.by/>>. — Дата доступа: 29.09.2014.
25. Свободная экономическая зона «Могилев» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <<http://www.feзmogilev.by/>>. — Дата доступа: 29.09.2014.
26. Свободные экономические зоны: мировая практика [Электронный ресурс] // World Economic Journal. — Режим доступа: <http://world-economic.com/ru/articles_wej-114.html>. — Дата доступа: 25.03.2015.
27. Соглашение по вопросам свободных (специальных, особых) экономических зон на таможенной территории таможенного союза и таможенной процедуры свободной таможенной зоны: офиц. текст. — СПб., 2010. — 40 с.
28. Фазлыева, Е. П. Влияние особых экономических зон на динамику индикаторов развития территории размещения / Е. П. Фазлыева // Terra Economicus. — 2012. — Т. 10, № 4-2. — С. 132—134.
29. Шухун, Го. Свободные экономические зоны как эффективная форма развития экономики: дис. ... канд. экон. наук: 08.00.05 / Го Шухун. — Хабаровск, 2010. — 143 с.
30. Экономический механизм функционирования свободных экономических зон (на примере СЭЗ «Минск») / М. В. Маркусенко [и др.]. — Минск, 2002. — 126 с.

«Свободные экономические зоны на современном этапе» (Вячеслав Иванов, Марина Шупенько)

В статье сделан анализ динамики развития свободных экономических зон Республики Беларусь в 2009—2014 гг. с использованием статистических данных по ряду показателей, определяющих экономическое развитие зон, их участие в увеличении экспорта республики, привлечении иностранных инвестиций, а также адаптации к изменяющимся условиям хозяйствования. В связи с созданием Евразийского экономического союза и изменением экономической реальности актуальность данной статьи является обоснованной. Выводы могут быть полезны администрации свободных экономических зон, иностранным партнерам и органам государственной власти для принятия соответствующих решений.

«Free Economic Zones at the Modern Stage» (Vyacheslav Ivanov, Marina Shupenko)

An analysis of the Belarusian free economic zones development dynamics in 2009—2014 is conducted in the article using the statistical data on the number of indicators identifying economic development of zones, their contribution to the Republic's export increase, foreign investment attraction as well as the adaptation to changing economic conditions. Given the creation of the Eurasian Economic Union and the changing economic reality the relevance of this paper is well-founded. The conclusions may be used by free economic zones administration, foreign partners and governmental bodies in order to take the appropriate decisions.

Статья поступила в редакцию в марте 2015 г.

АГРАРНАЯ ПОЛИТИКА РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ ВРЕМЕН ВИТТЕ — СТОЛЫПИНА И ЕЕ УРОКИ ДЛЯ ФОРМИРОВАНИЯ СОВРЕМЕННОЙ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ

Елена Зеленская

В современном мире чрезвычайно актуальной является проблема продовольственного обеспечения населения, а достижение человечеством семимиллиардной отметки своей численности придает ей особое значение в наши дни. Тем более, что, несмотря на достижения современной науки и техники в сфере производства и хранения продовольствия, объединение усилий международного сообщества в решении продовольственной проблемы, наращивание мирового производства продовольственных товаров (индекс сельскохозяйственного производства в мире в 2012 г. по сравнению с 2004—2006 гг. составлял 116, 9 %) [13, с. 373], в том числе среднедушевых, на нашей планете все еще существует голод.

Продовольственная помощь, которую предоставляют развитые страны мира бедным государствам, не решает проблему обеспечения в долгосрочном периоде. Более того, возникает негативный эффект, формируя иждивенческие настроения и подрывая основы местного сельского хозяйства в развивающихся странах. По оценкам ученых, в настоящее время в мире голодает 925 млн человек, ежегодно умирает от голода — 9 млн человек [8, с. 5]. В современном мире все более распространенным явлением становятся голодные бунты. Они зафиксированы в таких странах, как Гаити, Боливия, Йемен, Афганистан, Индонезия, Буркина-Фасо, Камерун, Сенегал, Мозамбик и т. д.

Учитывая вышеизложенное, становится понятной актуализация в мировом масштабе проблемы бюджетной поддержки агросферы с целью обеспечения ее динамического устойчивого развития. В этом плане изучение опыта реформ Витте — Столыпина, успех которых является признанным, что подтверждается официальными статистическими данными, может быть полезным при формировании и реализации современной стратегии бюджетной поддержки агропродовольственного комплекса на государственном уровне.

Проблемам государственной финансовой (в частности, бюджетной) поддержки продовольственного комплекса, прежде всего сельскохозяйственного производства, посвящены работы многих отечественных и зарубежных ученых. Наиболее основательными исследованиями в указанном направлении отличаются А. Я. Аврех [1], А. М. Анфимов [2], В. И. Гурко [3], М. А. Давыдов [4], В. С. Дякин [5], С. В. Ильин [6], П. П. Панченко, В. А. Шмарук [7], Б. Й. Пасхавер [8], Ю. А. Петров [9], П. А. Пожигайло [10; 11], С. М. Сидельников [12], С. П. Трапезников [14], В. Г. Тюкавкин [15], А. Ю. Щербаков [16], М. Конрой [17], Дж. Яни [18] и др. В работах перечисленных ученых исследуются формы и методы бюджетной поддержки агропродовольственного производства, исторические аспекты роли бюджета в развитии отрасли, а также социальные, экономические, политические и другие аспекты ее эффективности.

Целью данной статьи является исследование масштабов, форм, методов и рычагов государственной финансовой поддержки аграрной сферы России конца XIX — начала XX в., а также изучение возможностей использования опыта аграрной политики Российской империи времен Витте — Столыпина при обосновании перспективных приоритетных направлений агропродовольственной политики государства.

Государственное регулирование развития продовольственного комплекса страны, в частности сельскохозяйственного производства, имеет давнюю историю. Однако в большинстве случаев регулирующее действие государства не имело системного характера и стратегического направления и было ориентировано на решение отдельных текущих проблем продовольственного обеспечения страны. В Российской империи внимание государства к аграрной сфере усилилось в XIX в. Тогдашние реформы Витте — Столыпина оказали существенное положительное влияние на развитие сельскохозяйственного производства страны.

Автор:

Зеленская Елена Александровна — кандидат экономических наук, доцент кафедры финансов факультета экономики и предпринимательства Черниговского национального технологического университета

Рецензенты:

Ильчук Валерий Петрович — доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой финансов факультета экономики и предпринимательства Черниговского национального технологического университета

Левковский Василий Николаевич — доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой экономики и менеджмента физико-математического факультета Черниговского национального педагогического университета имени Т. Г. Шевченко

В современной экономической литературе, посвященной различным аспектам развития сельского хозяйства Украины, при анализе уровня развития отрасли достаточно часто проводится сравнение с аналогичными показателями 1913 г. Благодаря реформам Витте — Столыпина начала XX в., сельскохозяйственная отрасль Российской империи, в первую очередь в украинских губерниях, действительно достигла заметных успехов в своем развитии. Поэтому считаем целесообразным более детально исследовать систему государственной поддержки этой отрасли (в частности, ее финансовых основ) в конце XIX — начале XX в.

В конце XIX в. в сельском хозяйстве Российской империи начали усугубляться кризисные явления. Их концентрированным проявлением стали несколько неурожайных лет и голод 1891 г. Все это продемонстрировало низкий уровень развития аграрной отрасли, а следовательно — необходимость значительных объемов капиталовложений в сельское хозяйство. В то же время промышленное развитие того времени вызвало противоположное направление финансовых потоков: через таможенный протекционизм и налоги из аграрной сферы изымались денежные средства, объем которых и без того был ограничен влиянием мирового аграрного кризиса 1870—1890 гг. [5].

Конец XIX в. ознаменовался обострением перманентного конфликта между Министерством финансов и Министерством земледелия и государственного имущества относительно форм и масштабов государственного влияния на сельское хозяйство [5].

В Министерстве земледелия считали, что государство должно стать мощным покровителем сельского хозяйства (прежде всего, имелись в виду организация государственных мелиоративных работ на казенных и частных землях и создание системы мелиоративного кредита). Министерство финансов же выступало в поддержку обрабатывающей промышленности. С. Ю. Витте, который в то время был главой Минфина, понимая экономическое значение сельского хозяйства, в том числе и для промышленного развития, выступал, однако, против прямого государственного вмешательства в отрасль. Он считал, что государство может способствовать развитию аграрной сферы путем не прямых капиталовложений, а предоставления доступных кредитов, строительства железных дорог и повышения емкости внутреннего продовольственного рынка. Поэтому ассигнования, выделяемые Министерством финансов на развитие сельского хозяйства, осуществлялись в ограниченных объемах [6, с. 376].

Что же касается кредитного обеспечения аграрной сферы, то в конце XIX в. в Российской империи существовала только система учреждений государственного и частного ипотечного кредита [14, с. 214]. Средства, предостав-

ляемые этими учреждениями под залог земли, скорее отвлекались от сельского хозяйства, чем вкладывались в него. Сельскохозяйственный (краткосрочный и мелиоративный) кредит находился в зачаточном состоянии и никакого существенного влияния на земледелие не оказывал. В то же время на рубеже XIX—XX вв., как правило, крестьянские доходы не покрывали текущих расходов. Свободные же финансовые ресурсы, находившиеся в распоряжении крестьянских «верхов» вплоть до начала XX в., изымались государством из производства посредством системы сберкасс [5].

Промышленный кризис начала XX в. побудил представителей аграрной сферы сделать вывод об ошибочности реализации предыдущей экономической политики правительства, направленной на приоритетную поддержку развития промышленности, а не сельского хозяйства. Например, В. И. Гурко писал, что искусственное навязывание промышленности только отрывает крестьян от земли и тормозится ограниченным платежеспособным спросом населения, тогда как сельскохозяйственное производство может расти почти бесконечно и, к тому же, без всякого соотношения с народным благосостоянием [3, с. 516].

Однако С. Ю. Витте считал малоэффективными прямые капиталовложения в сельское хозяйство и отдавал предпочтение использованию методов косвенного влияния на отрасль, прежде всего, стимулированию общего экономического развития страны (которое связывалось, главным образом, со строительством железных дорог) и организации хлебной торговли. В вопросе о хлебной торговле дворянство требовало усиления государственного вмешательства с целью защиты интересов производителей. Однако Министерство финансов отказывалось взять на себя ответственность за хлебную торговлю, считая необходимым оказывать содействие в этой сфере развитию частнокапиталистических отношений (с целью адаптации к мировому продовольственному рынку), и в то же время оставляло за собой право в случае необходимости вмешаться в данный процесс [5].

Одним из центральных вопросов экономики сельского хозяйства Российской империи, как, впрочем, и Западной Европы, был вопрос мелкого кредита. Система государственного кредита базировалась на постоянном притоке средств в сберегательные кассы. Однако существовала проблема обеспечения займов. Поскольку предполагалось постепенное неспешное реформирование имущественных правоотношений крестьян (которое бы сделало возможным залог наделов), то, соответственно, прогнозировалось и медленное увеличение количества кредитных учреждений в селе. Поэтому государство на первых порах собиралось выделять средства на их поддержку в очень ограниченных размерах [5].

9 ноября 1906 г. был издан указ «О дополнении некоторых постановлений действующего закона, касающегося крестьянского землевладения и землепользования», который фактически стал фундаментом новой земельной реформы (П. А. Столыпин уже был руководителем российского правительства) [16, с. 97]. Основным назначением этого акта было пробуждение в крестьянстве частнособственнических инстинктов, оживление его хозяйственной инициативы и предприимчивости с целью повышения производительности сельского хозяйства, переориентации отрасли с экстенсивного на интенсивный путь развития [1, с. 78; 10, с. 185]. Рычагами осуществления реформы стали землеустройство новых земельных владельцев, активизация деятельности Крестьянского банка, переселение малоземельных крестьян на новые земли в Сибирь и Среднюю Азию и целый ряд мероприятий по выдаче «выделенцам» и «переселенцам» пособий и кредитов, насаждения агрикультуры и агротехники [11, с. 9; 12, с. 134].

После революции 1905–1907 гг. первоочередной проблемой стало финансовое обеспечение столыпинской реформы, которая создавала отсутствующие ранее условия для продуктивного использования заемного капитала в крестьянском хозяйстве. Задача состояла в поиске источников этого капитала в условиях, когда казначейство само нуждалось в кредитах на восстановление разрушенного русско-японской войной и революцией финансового хозяйства, а платежи по займам ложились тяжелым бременем на расчетный баланс и бюджет Российской империи.

Сметные возможности Главного управления землеустройства и земледелия (ГУЗиЗ) в сфере кредитования крестьян были ограниченными. Например, за 1907–1915 гг. из бюджета ведомства крестьянам в губерниях Европейской России было выдано займов всего на 32,9 млн руб. и безвозвратных пособий на 1,3 млн. Из фонда земельных улучшений ГУЗиЗ за период 1897–1913 гг. крестьянскими общинами было получено 1,7 млн руб. и определенная часть из 3,6 млн руб., выданных земствам как посредникам [5].

Поэтому основными направлениями деятельности ГУЗиЗ были определены поземельное устройство и улучшение условий землевладения и землепользования в существующих границах; содействие введению сельскохозяйственных усовершенствований, увеличению площади крестьянского землевладения; поддержка и развитие подсобных промыслов. В качестве рычагов реализации новой аграрной политики рассматривались также продажа и сдача в аренду казенных земель, расширение деятельности Крестьянского банка.

Рост крестьянской кредитной кооперации, начавшийся с 1907 г. (до 1 января 1914 г. количество учреждений мелкого кредита в Рос-

сийской империи превысило 13 тыс., а численность их членов — 10 млн человек), сделал для правительства малоактуальным дальнейший поиск организационных форм краткосрочного и мелиоративного кредита для крестьян, поскольку кооперация взяла решение данной проблемы на себя, проявляя при этом способность самостоятельно привлекать местные ресурсы (как свидетельствует статистика, лишь 16,5 % средств сельских кредитных товариществ были правительственными, остальные — местными) [4].

Начиная с 1909 г., снова актуализировался вопрос о сельскохозяйственном кредите для помещного землевладения. Хороший урожай и высокие цены на хлеб привели к заметному повышению кредитоспособности помещичьих хозяйств и увеличили их спрос на кредит, который и в худшие времена в полной мере не удовлетворялся Государственным банком. Учитывая это, было решено создать Сельскохозяйственный банк, который бы под контролем государства занимался экспортной хлебной торговлей, координировал крестьянскую кредитную кооперацию, предоставлял краткосрочный и мелиоративный кредит для помещиков и т. д. [4].

При обсуждении проекта формирования Сельскохозяйственного банка ГУЗиЗ в очередной раз потребовало от правительства поддерживать, прежде всего, сельское хозяйство, не останавливаясь даже перед значительными расходами средств государственного казначейства, считая высокую производительность и доходность именно этой отрасли прочной основой успешного развития в будущем фабрично-заводской промышленности. Ведомство считало, что кредитованию агросферы следует отдавать приоритет, даже если приток средств в отрасль станет угрожать убытками другим видам хозяйственной деятельности [5].

Однако министерства финансов, торговли и промышленности выступили против расчленения единой системы государственного кредита, что, по их мнению, угрожало стабильности денежного обращения [5].

Противостояние между ведомствами закончилось в 1911 г. отказом от создания на данном этапе Сельскохозяйственного банка и согласием по вопросу необходимости преобразования Крестьянского банка в Государственный земельный банк, в круг операций которого вводились мелиоративные займы помещикам. Все краткосрочные займы возлагались на учреждения мелкого кредита, которые должны были располагать дополнительными средствами для распространения своих операций не только на крестьян, но и на среднепоместных землевладельцев [5]. Таким образом, предполагалась система всесословного ипотечного, мелиоративного и краткосрочного кредита.

Возможности же прямого финансирования сельского хозяйства за счет бюджета, как и раньше, были ограниченными, поскольку основная масса бюджетных средств тратилась на подготовку к войне, содержание административно-карательного аппарата и функционирование государственного хозяйственного механизма, а также на выплату процентов по внешнему долгу. Смета ГУЗиЗ не могла покрыть даже расходы на землеустройство. Таким образом, посредством бюджета государство забирало из сельского хозяйства в виде налогов больше, чем вкладывало в него [5].

Наличие полуфеодалных элементов в экономической жизни Российской империи стало причиной низкого уровня притока капитала в сельское хозяйство. Этим объясняется углубление диспропорции между сельскохозяйственным и промышленным производством. Чистый прирост производства (без влияния изменения цен) составил за 1900—1913 гг. в промышленности 62,7 %, а в сельском хозяйстве — 33,8 %. В обоих случаях этот прирост был достигнут в период с 1907 до 1913 г. Успехи сельского хозяйства объясняются значительным расширением посевных площадей, серией урожайных лет и проведением аграрной реформы [18, р. 314].

Успехи реформы, особенно учитывая ее масштабы и темпы, на первый взгляд, впечатляют. Некоторые исследователи склонны даже видеть в ней едва ли ни главную причину новых сдвигов в аграрном секторе, достигнутых в предвоенное десятилетие [15, с. 117]. Действительно, в это время в сельском хозяйстве России происходили глубокие структурные изменения, отражавшие общую динамику развития этой важной отрасли экономики. Причем обуславливалось это не только относительно высокими темпами аграрных преобразований, но было связано прежде всего с общей благоприятной конъюнктурой, рядом особо урожайных лет, ростом цен на сельскохозяйственную продукцию, расширением внутреннего рынка в связи со специализацией регионов, увеличением доли неземледельческого населения и быстрым ростом пищевой промышленности, отменой выкупных платежей и т. д., т. е. тем, что А. М. Анфимов удачно определил как «попутные ветры реформы» [2, с. 84].

В указанный период заметных успехов достигло сельское хозяйство. Посевные площади за 1900—1913 гг. возросли на 15 %, а урожайность поднялась в среднем на 10 %; среднегодовые сборы зерновых увеличились с 3,5 млрд до 5 млрд пудов, т. е. на 40 %. Из 5 млрд пудов 4,4 млрд было собрано на крестьянских и 600 млн — на помещичьих полях. Из крестьянского хлеба около половины приходилось на долю зажиточных крестьян. Производство хлеба на душу населения за 1900—1913 гг. увеличилось с 450 до 550 кг. По объему про-

изводства зерна Российская империя занимала первое место в мире и была основной хлебопроизводящей страной. На нее приходилось 25,4 % мирового сбора пшеницы, 52,8 % — ржи, 37,6 % — ячменя, 26,6 % — овса [17, р. 25].

В 1908—1913 гг. из среднегодового сбора хлеба на рынок шло около 1,5 млрд пудов, следовательно, товарность зернового производства составляла около 30 %. Основными поставщиками товарного хлеба были Среднее Поволжье, Южный Степной, Юго-Восточный и Предкавказский регионы. Они поставляли более половины продаваемого в стране хлеба [9].

Заметные успехи были достигнуты в животноводстве, в основном за счет разведения продуктивного скота. Выделялись в этом отношении Прибалтика, Белоруссия и Украина. Численность наемных сельскохозяйственных рабочих возросла за указанные годы с 3,5 до 4,5 млн человек [7, с. 87].

Однако из-за Первой мировой войны и революции 1917 г. своей конечной цели реформа не достигла. С началом войны усилилось государственное регулирование аграрной сферы, что обуславливалось, прежде всего, необходимостью централизованного распределения продовольственных ресурсов. Стали применяться такие инструменты госрегулирования, как фиксированные и предельные цены, ограничение свободы торговли, государственный заказ на продтовары и т. п.

Уход от плано-административных рычагов управления экономикой не отрицает целесообразность изучения накопленного на предыдущих этапах развития отечественной аграрной сферы опыта государственного регулирования продовольственного комплекса и продовольственного рынка, в том числе с использованием элементов бюджетного механизма.

Критическое переосмысление последствий тех или иных управленческих решений, сравнение их результатов с альтернативными вариантами решения определенных проблем в отечественном и мировом опыте организации бюджетной политики относительно агросферы позволит сделать перспективную аграрную политику Украины более эффективной, избежать многочисленных просчетов на этапе ее планирования и реализации, обеспечить механизмы ее адаптации к изменению конъюнктуры внешней и внутренней среды.

Подобная принятой С. Ю. Витте позиция (относительно низкой с точки зрения надлежащей отдачи бюджетных ресурсов эффективности прямых капиталовложений в аграрную сферу и приоритетности косвенных методов ее государственного стимулирования), по нашему мнению, является вполне подходящей в условиях современной Украины. Тем более, что государственный бюджет Украины не отличается наличием существенных объ-

Возможности использования опыта аграрной политики Российской империи времен Витте — Столыпина при обосновании приоритетных направлений агропродовольственной политики Украины на 2015—2020 гг.

Основные мероприятия аграрной политики Витте — Столыпина (начало XX в.)	Приоритеты агропродовольственной политики Украины на 2015—2020 гг.
Оказание предпочтения косвенному воздействию на аграрную отрасль путем стимулирования общего экономического развития страны	Предпочтение косвенному воздействию на агропродовольственную сферу путем формирования благоприятной правовой базы и повышения инвестиционной привлекательности ведения бизнеса в Украине
Активное строительство железных дорог	Развитие транспортной и производственной инфраструктуры
Повышение емкости внутреннего продовольственного рынка	Стимулирование роста платежеспособного спроса населения и соответствующее повышение емкости внутреннего продовольственного рынка
Обеспечение возможности доступа агропроизводителей к дешевым источникам кредитных ресурсов, решение проблемы обеспечения займов	Обеспечение возможности доступа агропроизводителей к дешевым источникам кредитных ресурсов, решение проблемы обеспечения займов, в т. ч. полноценным функционированием цивилизованного рынка сельскохозяйственных угодий
Организация хлебной торговли	Организация системы сбыта сельхозпродукции с учетом экономических интересов сельскохозяйственных производителей, в т. ч. личных подсобных хозяйств населения
Оживление хозяйственной и предпринимательской инициативы крестьянства	Стимулирование оживления производственной и коммерческой инициативы агропроизводителей, в т. ч. путем демополизации общегосударственного и (особенно) локальных рынков продовольственной продукции
Насажение передовой агрокультуры и агротехники	Содействие (в т. ч. путем реализации соответствующих госбюджетных программ) улучшению земель, развитию племенного дела, консультационная поддержка агропроизводителей
Поддержка и развитие подсобных промыслов	Стимулирование развития малого бизнеса в сфере предварительной обработки сельскохозяйственного сырья и производства пищевых продуктов

Источники: разработка автора.

емов «вакантных» финансовых ресурсов, а сложная политическая и экономическая ситуация в стране и вокруг нее обуславливает необходимость расходования значительных объемов финансовых ресурсов на не слишком продуктивные в контексте обеспечения роста промышленного и сельскохозяйственного производства цели.

Общими, в сравнении с Российской империей начала XX в., характеристиками внешней и внутренней среды агропродовольственного производства в современной Украине можно назвать низкую доходность (а иногда и ощутимую убыточность) производства некоторых видов сельскохозяйственного сырья, периодическое навязывания аграрной отрасли роли донора перерабатывающей сферы и торговли, наличие проблем взаимовыгодного сбыта сельхозпродукции ее непосредственными производителями (в частности, личными подсобными хозяйствами населения), низкую (в среднем) кредитоспособность агропро-

изводителей, отсталость используемой агротехники, слабую степень переработки многих видов сельскохозяйственного сырья. Все это в сочетании с вышеперечисленным, по нашему мнению, делает вполне корректным проведение определенных параллелей между аграрной политикой России времен Витте — Столыпина и рядом ее приоритетных направлений в Украине в 2014 г. (см. таблицу).

Следует отметить, что подобные подходы к построению перспективной агрополитики страны предусматривают максимальную ориентацию на собственные силы и имеющийся потенциал и не связаны с необходимостью осуществления масштабных бюджетных финансовых вливаний в агропродовольственный комплекс, маловероятных при имеющемся на данный момент времени в Украине уровне бюджетной обеспеченности. А следовательно, подобная политика может оказаться достаточно эффективной с точки зрения экономической и социальной отдачи прило-

жения управленческих усилий и использования всегда ограниченных объемов бюджетных ресурсов.

К тому же, с нашей точки зрения, нынешнее обострение продовольственной проблемы на глобальном уровне связано не столько с исчерпанием возможностей мировой агро-системы в обеспечении населения Земли продовольствием, сколько с комплексом проблем по формированию оптимальной аграрной политики каждого отдельного государства. Хотя,

конечно, нельзя не признать также и тот факт, что в условиях глобализации противоречия между принципами международной аграрной политики и современными требованиями продовольственного рынка приводят к существенному ограничению мер государственной поддержки сельского хозяйства развивающихся стран (в соответствии с требованиями Всемирной торговой организации) и соответственно — к торможению развития сельского хозяйства во многих странах.

Список использованных источников

1. Аврех, А. Я. П. А. Столыпин и судьбы реформ в России / А. Я. Аврех. — М.: Политиздат, 1991. — 286 с.
2. Анфимов, А. М. Крестьянское хозяйство европейской России 1881—1904 гг. / А. М. Анфимов. — М.: Наука, 1980. — 240 с.
3. Гурко, В. И. Черты и силуэты прошлого: правительство и общественность в царствование Николая II в изображении современника / В. И. Гурко; подг. текста и коммент. Н. П. Соколова. — М.: НЛЮ, 2000. — 773 с.
4. Давыдов, М. А. Столыпинская аграрная реформа: замысел и реализация / М. А. Давыдов [Электронный ресурс] // Полит.ру. — 08.02.2007. — Режим доступа: <<http://polit.ru/article/2007/02/08/davydov/>>. — Дата доступа: 09.09.2014.
5. Дякин, В. С. Деньги для сельского хозяйства (выбор пути экономического развития России. 1892—1914 гг.) [Электронный ресурс] // Проблема предпосылок революционного процесса 1917 года в России по материалам отечественной и зарубежной историографии. — Режим доступа: <<http://cornholio.narod.ru/history5/dyakin.htm>>. — Дата доступа: 03.10.2014.
6. Ильин С. В. Витте. Изд. 2-е, испр. — М.: Молодая гвардия, 2012. — 511 с. — (Жизнь замечательных людей).
7. Панченко, П. П. Аграрна історія України: підручник / П. П. Панченко, В. А. Шмарук. — Київ: Т-во «Знання», КОО, 2000. — 342 с.
8. Пасхавер, Б. Й. Сучасний стан продовольчої безпеки / Б. Й. Пасхавер // Економіка АПК. — 2014. — № 4. — С. 5—15.
9. Петров, Ю. А. Экономическое состояние России перед Первой мировой войной / Ю. А. Петров [Электронный ресурс] // Институт демократии и сотрудничества. — Режим доступа: <<http://www.idc-europe.org/ru/-Экономическое-состояние-России-перед-Первой-мировой-войной->>. — Дата доступа: 21.08.2014.
10. Пожигайло, П. А. П. А. Столыпин глазами современников / П. А. Пожигайло. — М.: РОССПЭН, 2008. — 367 с.
11. Пожигайло, П. А. Петр Столыпин: объединить несоединимое / П. А. Пожигайло // Свой. — 2012. — № 5. — С. 8—12.
12. Сидельников, С. М. Аграрная реформа Столыпина / С. М. Сидельников. — М.: Изд-во МГУ, 1973. — 335 с.
13. Сільське господарство України за 2013 рік: стат. зб. [Электронный ресурс] // Публикация документов Государственной службы статистики Украины. — Режим доступа: <http://ukrstat.org/uk/druk/publicat/kat_u/2014/zb/09/zb_sg_13.zip>. — Дата доступа: 12.12.2014.
14. Трапезников, С. П. Ленинизм и аграрно-крестьянский вопрос. Т. 1 / С. П. Трапезников. — М.: Мысль, 1967. — 567 с.
15. Тюкавкин, В. Г. Великорусское крестьянство и столыпинская аграрная реформа / В. Г. Тюкавкин. — М.: Памятники ист. мысли, 2001. — 304 с.
16. Щербаков, А. Ю. Петр Столыпин. Революция сверху / А. Ю. Щербаков. — М.: ОЛМА Медиа Групп, 2013. — 432 с.
17. Conroy, M. Sch. Peter Arkad'evich Stolypin. Practical Politics in Late Tsarist Russia / M. Sch. Conroy. — Westview Press (Boulder), 1976. — 235 p.
18. Yaney, G. The Urge to Mobilize Agrarian Reform in Russia, 1861—1930 / G. Yaney. — Urbana, 1982. — 599 p.

«Аграрная политика Российской империи времен Витте — Столыпина и ее уроки для формирования современной продовольственной политики» (Елена Зеленская)

Повышение мирового совокупного спроса на продукты питания, изменения в торговой политике ведущих аграрных стран мира, глобальные экологические проблемы и т. д. актуализировали вопросы продовольственной безопасности в современном мире. Для их эффективного решения полезными могут стать уроки удачных аграрных реформ прошлого.

В статье изучаются приоритетные направления и механизм осуществления аграрных реформ Витте — Столыпина в Российской империи в конце XIX — начале XX в. Анализируются возможности использования их уроков при формировании современной продовольственной политики. Рассматриваются перспективы применения опыта начала XX в. с целью избежать многочисленных просчетов на этапе планирования и реализации современной аграрной политики, а также обеспечения механизмов ее адаптации к динамично меняющейся конъюнктуре внешней и внутренней среды.

«Agrarian Policy of the Russian Empire during the Witte – Stolypin Times and Its Lessons for Formation of Contemporary Food Policy» (Elena Zelenskaya)

The growth of the global aggregate food demand, the changes in trade policies of the leading agricultural countries of the world, global environmental problems, etc. brought forward the problem of food security in contemporary world. The lessons of the former successful agrarian reforms could be useful in its effective solutions.

The article explores priority directions and the mechanism of the Witte – Stolypin agrarian reform implementation in the Russian Empire in the late XIX – early XX centuries. The possibilities of using their lessons in the formation of modern food policy are analyzed. The prospects of application of the early twentieth century experience to avoid numerous pitfalls in the planning and implementation of modern agricultural policy are considered, as well as providing mechanisms of its adaptation to dynamically changing conditions of external and internal environment.

Статья поступила в редакцию в декабре 2014 г.

Научное издание

**ЖУРНАЛ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА
И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ 2015 № 1 (72)
январь—март**

Подписано в печать 27.03.2015. Выход в свет в апреле 2015 г.
Формат 60x84^{1/8}. Гарнитура Georgia.
Печать цифровая. Усл. печ. л. 8,84. Тираж 200 экз. Заказ № 172.
Отпечатано с готового оригинала-макета заказчика в ООО «НиктаграфиксПлюс».
ЛП № 02330/0494134 от 03.04.2009.
220030, г. Минск, ул. Краснозвездная, 5/1Н-5, тел.: +375 17 226 32 67

Распространяется бесплатно

Памятка авторам статей для подачи в редакцию «Журнала международного права и международных отношений»

«Журнал международного права и международных отношений» является научным изданием с периодичностью выпуска 4 раза в год.

Журнал включен в Перечень научных изданий Республики Беларусь для опубликования результатов диссертационных исследований по юридическим, историческим и экономическим наукам.

Автор, желающий опубликовать статью в журнале, должен представить в редакцию:

— статью объемом около 10 печатных страниц текста (с учетом списка литературы) (формат страницы — А4, шрифт 12 пт (для компьютера), поля — по 2,5 см с каждой стороны, расстояние между строками — 1,5 интервала). При оформлении статьи автор должен пользоваться **Инструкцией о порядке оформления квалификационной научной работы (диссертации) на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук, автореферата и публикаций по теме диссертации;**

— резюме (краткое содержание) статьи на русском/белорусском языке объемом до 0,5 страницы с аналогичными параметрами (резюме статьи будет переводиться на английский язык. Автор может приложить резюме, уже переведенное на английский язык (обязательно с русским/белорусским вариантом));

— выписку из протокола заседания кафедры (научного отдела или другой подобной структуры) о рекомендации статьи к печати;

— заполненную анкету (форма выдается в редакции).

Исключения возможны по решению редакционного совета.

Обращаем внимание авторов, что они несут ответственность за направление в редакцию уже ранее опубликованных статей или статей, принятых к печати другими изданиями.

Кроме того, в журнале предоставляется возможность первоочередного опубликования статей, представленных лицами, осуществляющими послевузовское обучение (аспирантура, докторантура, соискательство) в год завершения обучения.

В журнале не взимается оплата за опубликование научных статей.